

XXI ВЕК

ВОЛГА

5-6 2014

Литературно-художественный журнал

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК ДЛЯ ДЕТЕЙ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амусин – член Союза писателей России, председатель Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Демченко – доктор филологических наук, профессор СГУ им. Н.Г. Чернышевского (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Новокуйбышевск)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы, ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
М.С. Муллин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Г.П. Муренина – директор музея Н.Г. Чернышевского, член Ассоциации Саратовских Писателей
И.В. Пырков – член Союза писателей России (Саратов)
Н.В. Шаталина – член Союза журналистов России (Саратов)

САРАТОВ
2014

5-6
2014

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ	3
ПОЭТОГРАД	
Марина ТАРАНЕНКО. Такие разные мечты	4
ОТРАЖЕНИЯ	
Андрей МАТВЕЕНКО. Фёдор Филиппович	13
Елена ТУЛУШЕВА. Медаль	20
В ГОСТЯХ У СКАЗКИ	
Ольга КОЛЕСНИКОВА. Добрый Гномик	24
СОТРУДНИЧЕСТВО	
Вадим КАРАСЁВ. Содружество детских писателей Поволжья	31
ОТРАЖЕНИЯ	
Олег КОРНИЕНКО. Декоративный Зяка	34
ПОЭТОГРАД	
Галина ЦЫПЛЁНКОВА. Я иду по облакам	41
Татьяна ТВЕРДОХЛЕБОВА. Виноват лишь Этнея...	45
САРАТОВСКИЕ ПИСАТЕЛИ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ	
Дмитрий ГРЕБЕНЩИКОВ. Из фронтового блокнота	48
В ГОСТЯХ У СКАЗКИ	
Михаил МУЛЛИН. Необыкновенные приключения капитана Бывалова и юнги Шмидта	55
ФАНТАСТИКА	
Николай СОВЕТОВ. Космическое нашествие	120
ПОЭТОГРАД	
Михаил КОЛЬЯШКИН. Радужная песенка	136
ОСТАНЕТСЯ МОЙ ГОЛОС	
Олег МОЛОТКОВ. Стихи для сына	140
КНИГА-СОБЫТИЕ	
Михаил МУЛЛИН. Уроки от Олега Молоткова. Весёлые и грустные	144
Михаил СОКОЛОВ. После «радуги» — «звёзды»	148
В МИРЕ ИСКУССТВА	
Маргарита САЛМИНА. Древо Жизни	149
Елизавета МАРТЫНОВА. Лирика живописи	152
В ГОСТЯХ У СКАЗКИ	
Михаил КАРИШНЕВ-ЛУБОЦКИЙ. Приключения Морса и Крюшона	154

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

В 2014 году редакция нашего журнала снова обращается к детской литературе. Перед вами – специальный выпуск журнала «Волга–XXI век», посвящённый литературе для детей и юношества. Эта добрая традиция была заложена в 2008 году, и с тех пор в семи спецвыпусках публиковались известные детские поэты и писатели: Сергей Михалков, Владимир Бояринов, Андрей Усачёв, Тамара Крюкова (Москва), Дмитрий Суслин (Чебоксары), Михаил Каришнев-Лубоцкий, Михаил Муллин, Евгений Грачёв, Наталья Кнушевицкая, Ольга Колесникова (Саратов) и многие другие.

Печатались и произведения участников Форума молодых писателей России: Алёны Павловой, Галины Дядиной, Елены Фельдман. В рубрике «Останется мой голос» постоянно публикуются произведения замечательных саратовских поэтов Олега Молоткова и Бориса Озёрного.

В последние годы в детском спецвыпуске, помимо традиционных разделов – стихов для детей, сказок, приключенческих повестей, рассказов – представлены рубрики «Книга-событие», «Волжский архив», «На волне памяти», перекликающиеся с похожими рубриками из «взрослых» номеров.

В этом году по просьбе читателей введён раздел «Саратовские писатели на фронтах Великой Отечественной», помогающий в патриотическом воспитании подростка, восстанавливающий историческую справедливость: в Саратове много хороших писателей и поэтов-фронтовиков, отразивших в своих произведениях ту великую эпоху и защищавших Родину.

Нововведённые рубрики призваны сориентировать школьника в море информации, дать ему полезные сведения литературного и краеведческого характера, а самое главное – заставить задуматься над нашей историей, литературой, судьбами людей.

Редакция журнала «Волга–XXI век»

**Марина
ТАРАНЕНКО**

ТАКИЕ РАЗНЫЕ МЕЧТЫ

Я СТАНОВЛЮСЬ МАЛЮСЕНЬКОЙ

Я становлюсь малюсенькой,
Как семечко, как бусинка,
Как носик у карандаша...
Не шевелясь и не дыша,
Сижу, заметная едва,
Как в марте первая трава.
И жизнь моя
На волоске,
И слышу я:
«Идёт к доске...
К доске идёт...
Петрова!»
И я кричать готова:
«Ура! Ура! Не я иду!»
Теперь я дух переведу,
И со спокойною душой
Я снова сделаюсь большой!

-
- Марина Викторовна Тараненко окончила Кубанский государственный университет (факультет истории, социологии и международных отношений). Главный специалист Государственного архива Краснодарского края. Член Международного творческого объединения детских авторов, член Товарищества детских и юношеских писателей России. Серебряный лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации «Стихи для детей», лауреат Международного конкурса детских поэтов «От 7 до 12», награждена дипломом лауреата I степени IV Всероссийского фестиваля-конкурса «Хрустальный родник». Публиковалась в журналах «Шишкин лес» (Москва), «Рюкзачок» (Беларусь), «Литературный детский мир» (Украина), «Кубань сегодня», «Краснодар литературный». Автор сборников стихов для детей: «Чистюля», «Царство послушания», «Где вешают носы».

ЦАРСТВО ЛУЖНОЕ

С нами сегодня знакомятся лужи:
Лужа Широкая, лужа Поуже,
Лужа Влюблённая, в виде сердечка,
Лужа Котёнок и лужа Овечка.
Лужа Попробуй-ка-перескочи –
В ней даже солнце купает лучи.
Лужа Ни-к-месту лежит на проходе,
Лужа Обман не глубокая, вроде...

Нас приглашает к себе очень дружное
Мокро-весёлое царство Лужное!

КОГДА НА УЛИЦЕ ЗИМА

Когда на улице зима,
Скучают в городе дома,
Серьёзные и важные,
Дома многоэтажные.
Как только мы ложимся спать,
Они бегут в снежки играть,
И каждый дом спешит тайком
Слепить огромный белый ком,
Снежинки ловит на бегу,
А утром весь стоит в снегу!

МИНУТА ТИШИНЫ

Говорит бабуля мне:
«Успокойся чуточку,
Посидел бы в тишине
Хоть одну минуточку!»
Но сидеть совсем без дела
Очень быстро надоело.

Прокатился я на стуле,
Пролетел по дому пулей,
Проскакал как антилопа,
А потом конфету слопал,
Сбросил на пол покрывало
И порвал свои штаны...
В общем, сделал я немало
За минуту тишины.

ПРОПАЖА

Во дворце у нас беда –
Во дворце пропажа,
Целый день туда-сюда
Ходит-бродит стража:

– Потерялся?
– Нет! Сбежал!
– Правда? Это же скандал!
– От каких таких обид
Нас покинул Appetit?

Королева причитает,
Плачет, бедная, навзрыд:
– Тут мороженое тает!
Где же этот Appetit?

А король без Appetita
Смотрит грозно и сердито.
Appetit как воздух нужен.
Без него какой же ужин?

Не нанёс ли вам визит
Королевский Appetit?

ЭСКИМО С АНГИНОЮ

Я под деревом сидел,
Отдыхал на лавочке,
Полтора десятка съел
Эскимо на палочке.

А теперь горячий чай
Дома пью с малиною.
Видно, съел я невзначай
Эскимо с ангиною!

ГДЕ ВЕШАЮТ НОСЫ

Часто слышу я вопрос:
Почему повесил нос?
Где повесил? Как же так?
Нос – не шляпа, не пиджак.

Я смотрю, смотрю кругом,
Обошёл уже весь дом:
Вот картина на стене,
Занавеска на окне,
Надо мной висят часы...
Где же вешают носы?..

ВКУСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

На карте нет такой реки,
Но только лишь по ней
Плывёт кораблик из муки,
И нет его вкусней.

Я на кораблике таком
Однажды тоже плыл
И с капитаном-пирожком
В одной каюте жил!

Наш боцман-кекс – большой чудак,
Частенько был угрюм,
Он злился, что не мог никак
Найти себе изюм.

А кок-ватрушка до зари
Стирал в муке колпак,
И все матросы-сухари
Плясали нам гопак!

Но тут кораблик из муки
Внезапно сел на мель...
Удили долго моряки
Из речки карамель!

ТАКИЕ РАЗНЫЕ МЕЧТЫ

Жую салат капустный,
И мне ужасно грустно:
Не съел и половины...
Ох, эти витамины!

Сижу с задачей непростой
И со своей большой мечтой.
Мечтой такой заветной,
Жевательно-конфетной.

Ну почему же из конфет
Салатов витаминных нет?
Такой салат
Я был бы рад
Поесть хоть сотню
Раз подряд!

А вот капустную мечту
Отдал бы своему коту.
Но предлагал напрасно я:
Его мечта – колбасная!

ТРАНШЕЯ ДЛЯ ШЕИ

Целый день играли в прятки
И мартышки, и утятки,
И козёл, и крокодил.
А жираф один грустил...

Аж до слёз ему обидно,
Ведь его повсюду видно.
Где жирафу спрятать шею?
Может, выкопать траншею?

МЫ ИДЁМ ВСТРЕЧАТЬ РАССВЕТ

Мы шагаем по горам,
Улыбаемся ветрам.
По тропинке след во след,
Вот – кроссовка, вот – кед.
Мимо клёнов и дубов,
Мимо ягод и грибов,
Где лесочек густ-густ,
Вот – пенёчек, вот – куст.
По завалам из камней,
Где подъёмы всё трудней.
Не жалея наших кед,
Мы идём встречать рассвет!

КАК СЛОН ХОТЕЛ ЗАНИМАТЬСЯ БАЛЕТОМ

Пришёл к хореографу слон:
– Хочу заниматься балетом!
В ответ – изумления стон:
– Да что вы! Забудьте об этом!

Невиданно – слон на пуантах!
Идите-ка вы в музыканты!
А лучше идите в поэты!
– Хочу танцевать пируэты!
– Какой же вы, слон, упрямый!
Ведь есть цирковые программы.
Займитесь ушу, карате...
– Хочу танцевать фуэте!
– Найдите другое дело!
– Хочу я быть в пачке белой!
– Но пачек не носят мужчины,
В них пляшут одни балерины.

Задумался слон не на шутку,
Ещё постоял минутку
И тут же забыл про балет –
Без пачки в нём радости нет!

Вдохнул хореограф тихо:
– А если была бы слониха...

ПРОСЫПАЕТСЯ БАБУШКА РАНО

Просыпается бабушка рано
И спешит причесать облака,
Наварить три кастрюли тумана,
Чтобы солнышко спрятать пока.

А у радуги все завитушки
Собирает в красивый пучок
И приносит ко мне на подушки:
– С добрым утром, любимый внучок!

ЗАПИСОЧКА

Записка от девчонки,
Ажурные края,
По классу хохот звонкий,
И весь краснею я...
Совсем учитель близко,
Он смотрит на записку!
Что делать? Может, съесть?
Как сладкую ириску...
А хочется прочесть!

САПОЖКИ

Мы – зелёные сапожки
Разгильдяева Серёжки.
Где мы только не бывали,
Всё на свете повидали.

Мы по лужицам ходили,
А потом с размаху били
По соседскому портфелю.
Нас не чистили неделю!

Мы валялись под столами,
Под кроватью, за шкафами.
Наконец мы разозлились,
Взяли, да и развалились!

АБЫ КАК

Так ли это, а может, не так –
В нашем доме живёт Абы Как.
Абы Как заправляет постель,
Абы Как собирает портфель.
И рубашку, и школьный пиджак
Надевает всегда Абы Как.
Абы Как отвечает урок,
Абы как... А ведь лучше бы мог!
Это розыгрыш? Вымысел? Враки?
Не живут среди нас Абы Каки?

В МАГАЗИНЕ У КОЩЕЙ

Продаёт старик Кощей
Сотню сказочных вещей:
Есть фуражка-победимка
Для любого поединка,
Есть кроссовки-прыгуны,
Чтоб допрыгнуть до Луны.
А ещё кровать-ракета –
В январе летает в лето.
Скатерть-закрывайка есть,
Чтобы лишнего не съесть...

В металлическом ларце
Прячется игла в яйце,
Застрахованная даже,
Но она не для продажи.

КАК КАТАТЬСЯ НА БОБАХ

Лёд искрится веселей –
Начинается бобслей!
Вот уселись мы на боб
И летим на нём... в сугроб!
А в сугробе мокро всё же
И на финиш не похоже.
Я лежу и думаю
Головою умною:
«Как кататься на бобах,
Чтобы не было «бабах!»?»

ХРОМОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Хромое поведение
Под партою сидит,
Оно, как привидение,
Имеет бледный вид.

Оно, как привидение,
Тайком приходит в класс,
И сразу настроение
Меняется у нас.

И сразу оживление,
Движение,
Падение,
Учебникотрясение
И даже чьё-то пение...

Проделки наши скверные.
Скажу вам тем не менее:
«Ребята мы примерные,
Хромает по-ве-де-ни-е!»

ЧТО КЛАДУТ В ПОРТФЕЛИ

Что кладут в портфели
Дети-непоседы?
Ролики, качели
И велосипеды!

Что кладут в портфели
Наши силачи?
Гири и гантели
Или кирпичи!

Что кладут в портфели
Модницы из класса?
Тоники и гели,
Ленты из атласа!

Что кладут в портфели
Главные обжоры?
Пончики, тефтели
Или помидоры!

Что кладут в портфели
Школьники с фантазией?
Бури и метели,
И Европу с Азией!

**Андрей
МАТВЕЕНКО**

ФЁДОР ФИЛИППОВИЧ

Большой морозильный рыболовецкий траулер «Осторожный» ловил норвежскую сельдь в Северном море. Его команда занималась ловлей, переработкой и заморозкой рыбы. Потом её сдавали на грузовые суда и отвозили в городские порты.

Ловили селёдку тоннами, но неожиданно в работе случился простой. Даже с помощью специальных приборов никак не удавалось отыскать в морской глубине косяки рыбы. И «Осторожный» вынужден был всё время менять курс.

Так изнывали моряки от безделья уже третий день. Настроение команды было неважное. Море штормило, небо хмурилось, накрапывал холодный дождь. Ветер обрушивал на судно громады волн, а пену и брызги, словно забавляясь, перекидывал через борт и зашвыривал далеко в море. Все собрались в кают-компани. Слушали боцмана – старого морского волка. Все его истории были увлекательные, но на этот раз слушали особенно внимательно. Уж очень необычным и интересным оказался его рассказ.

«Ходил я тогда на сухогрузе. Возили в основном продукты питания и оборудование участникам полярных экспедиций. Однажды мы шли к Южному полюсу, в Антарктиду, и недалеко от Канарских островов увидели стоящее на якоре английское торговое судно. У него сломался двигатель, а нужной запчасти не нашлось. Наши механики помогли англичанам с ремонтом, а те в благодарность подарили нам... пингвина.

-
- Андрей Вячеславович Матвеев родился в 1977 году в г. Гомель (Беларусь). Член Товарищества детских и юношеских писателей России. С 1982 по 2003 гг. жил на Камчатке. Победитель литературного конкурса «Красная горка» (журнал «Фома», 2010 г.). Лауреат IV литературного конкурса им. А. Толстого (2012 г.). Автор книг «Пингвин-мореход», «Вожак», «Знакомые незнакомцы», «Куда уходит детство?», «Спасибо, Марта!» Ведущий рубрики «Сказки и были» (журнал «Родная природа»), постоянный автор многочисленных очерков и рассказов в журналах «Юный натуралист», «Родная природа», «Мир животных», «Метаморфозы».

Команда торгового судна настолько привязалась к нему, что очень жаль было расставаться. Но они шли домой, в Англию, и там пришлось бы отдавать его в зоопарк, а морякам этого не хотелось.

Мы, конечно же, не могли отказаться от такого замечательного подарка и взяли пингвина себе. Назвали Фёдором и даже отчество дали – Филиппович. Уж очень он походил на нашего старпома – старшего помощника капитана Филиппа Филипповича. Такой же важный, серьёзный, но только одет по-другому: в чёрном «фраке», белой «рубашке» и «ботинках» с красновато-фиолетовым отливом.

Царственным видом и окраской он вполне оправдывал своё название «императорский пингвин». Среди своих сородичей эти пингины самые высокие – больше метра – и весят в среднем тридцать три килограмма. Наш пингвин оказался молодым самцом среднего размера.

Команда была в восторге. Все моряки, свободные от вахты, толпились на палубе, где с чувством собственного достоинства, вразвалочку, как по бульвару, прохаживался пингвин: не спеша, поочередно переставляя лапы, поворачиваясь всем туловищем то влево, то вправо – как полный, солидный человек. А то опустит голову на грудь и клювом щёлкает, вроде собирает о чём-то сказать.

Часами наблюдали за ним моряки, хватаясь от смеха за животы. Каждый старался понравиться пингвину и чем-нибудь угодить: таскали ему рыбу и разные вкусности, кормили прямо из рук, и он с готовностью принимал угощение. Наевшись, становился похож спереди на большой снежный ком. Вообще, еда пингинов – рыбки, моллюски, кальмары, морские рачки...

Вечерами команда отправлялась на отдых, и Фёдор Филиппович тоже покидал палубу, шлёпая в каютный отсек. Там, повернувшись головой к стене, он замирал, опустив клюв и прикрыв глаза. Дремал.

Но стоило кому-нибудь выйти в коридор, как он тут же вскидывал голову, радостно хлопал крыльями по бокам и неуклюже торопился навстречу. Подойдя поближе и узнав члена экипажа (зрение-то у пингинов неважное), приветствовал его с поклоном. Выпрямившись, вставал рядом, выговаривая что-то своё, пингвинье, похожее на грубое воркование, и потом сопровождал матроса до верхней палубы.

А когда ночью дежурил вахтенный, то он ни на шаг от него не отходил, радуясь компании: пингины очень общительные существа и не могут жить поодиночке. Вот и наш Фёдор Филиппович всё время искал себе товарищей. Часто приходилось видеть нам такую занимательную картину: по палубе не спеша идёт матрос, заложив руки за спину, а рядом с ним, стараясь не отставать, семенит Фёдор Филиппович...

Стояли тёплые солнечные дни. Воды Атлантического океана лениво набегали друг на друга, подгоняя нас к Антарктиде. Иногда налетал резкий, порывистый ветер, начинало штормить, и судно сильно раскачивалось. Пингвин пугался, падал на брюхо и, отталкиваясь лапами, быстро-быстро скользил по палубе в какое-нибудь укромное местечко, чтобы спрятаться от опасности.

Время от времени, вставая по техническим причинам на якорь, мы устраивали нашему питомцу «водные процедуры». Для пингвинов даже два градуса тепла – уже жара. Поэтому, едва услышав слово «купаться», наш пингвин, чуть не падая, спешил к шлюпке, забирался туда и терпеливо ждал, пока его спустят на воду. Но прежде чем прыгнуть со шлюпки в воду, обязательно осматривался – нет ли в море опасности – и только после этого нырял вниз головой и носился в воде, как торпеда, прекрасно управляя своим телом с помощью крыльев-ласт.

Эти птицы полжизни проводят в морской стихии и отлично приспособлены для плавания под водой. В воде они проворнее хищников, но попробуй разгляди опасность среди обломков льда. Поэтому к берегу пингины всегда приближаются группой, внимательно оглядываясь вокруг: они очень боятся своих злейших врагов – морских леопардов, постоянно рыщущих около их колоний. Ведь если морской леопард подловит зазевавшегося пингвина и вцепится в него зубами, то спасенья не жди...

Это всё я вычитал тогда из книг. Дело в том, что с появлением на нашем судне Фёдора Филипповича я прочёл все книги о пингвинах, какие только нашлись в нашей небольшой библиотечке. Из этих книг я узнал много интересного, но особенно удивило меня, что для выведения потомства пингины выбирают самое суровое время года – середину полярной зимы. Обычно живут они на льдинах вокруг Антарктиды, но когда начинается пора свадеб, перебираются на материк и собираются в большие колонии. Целый месяц всё идут и идут в общее место сбора эти загадочные и забавные птицы. Каждый пингвин, подойдя к собратьям, обменивается с ними поклонами – это у них знакомство. Потом все вместе будут терпеливо и сонно стоять в толпе, втянув голову в плечи.

Когда полярная зима вступает в свои права, колония оживает, поднимается шум и гам. Кавалеры, важно расхаживая, режут во весь голос – ищут подругу. Создаются супружеские пары. Молодожёны поначалу часами замирают рядышком, закрыв глаза: привыкают друг к другу. Иногда, встрепенувшись, вытягивают шеи, обмениваются нежными трелями и ласково касаются друг друга головами.

Проходит время, и вот уже со всех сторон несутся громкие радостные крики супругов: во мраке полярной ночи снесено долгожданное яйцо. Всего одно. Счастливые родители поют и радостно топчутся на месте. Заботу о яйце берёт на себя папа. Он вкатывает яйцо на лапы и прячет под свисающую тёплую складку на брюшке, словно под пуховое одеяло. А уставшие пингвинихи уходят отдохнуть и подкормиться рыбкою в море...

Вот так читал я между вахтами о пингвинах, команда радовалась нашему необычному попутчику, а судно наше всё ближе продвигалось в сторону Антарктиды. Пингвин жил у нас уже три недели; команда сильно привязалась к нему. Но вскоре мы заметили, что Фёдор Филиппович перестал спускаться вниз. Всё дольше оставался на носу судна, одиноко и неподвижно глядя куда-то вдаль. Был он

задумчив, почти перестал «говорить». Видно, чувствовал приближение родной земли...

Как-то за суматохой дел я спохватился, что давно не видел нашего пингвина. Стал расспрашивать членов команды. Кок сказал, что несколько дней бедный Фёдор Филиппович очень плохо ел, а сегодня вообще от всего отказался. Мы всерьёз забеспокоились, но, как выяснилось, напрасно. Пингвин просто полинял и теперь предстал перед нами в новом блестящем одеянии. Он словно специально решил прибыть на свою родину при полном параде. Старое оперение валялось рядом на палубе, словно куча лохмотьев. Выглядело это очень забавно. Линяют пингины раз в год: новые перья вырастают под старыми, как бы выталкивая их.

Чем ближе подходили мы к Антарктиде, тем неустойчивее становилась погода. То вдруг сильно холодало, небо затягивалось мутной дымкой, дул сильный ветер, налетала пурга. То снова выглядывало солнце, немного теплело, и по судну струились лишь слабые ручейки снежной пыли. Иногда солнце сияло так ярко, что нельзя было выйти на палубу без тёмных очков.

А вскоре мы увидели и сам материк. Далеко-далеко на горизонте уже отчётливо были видны огромные белые глыбы льдов. Почти все они казались усеянными чёрными точками – это были пингины.

Антарктида – самое холодное место на планете. Средняя температура здесь около пятидесяти градусов ниже нуля. Здесь же был отмечен рекорд холода на нашей планете – минус восемьдесят девять градусов! Страна лютой пурги, самых сильных в мире ураганов, которые немного стихают летом и резко усиливаются зимой. Они режут почти каждый день, и в воздухе со страшной скоростью несётся огромное количество снега, песка, обломков льда. В других местах планеты ураганы такой силы несут разрушения, но здесь, среди льдов, ломать нечего. На пронизывающем ветру лицо человека моментально покрывается ледяной коркой, а на бровях и ресницах вырастают сосульки. В бушующем месиве снега часто ничего нельзя рассмотреть на расстоянии двух-трёх метров даже днём.

А как же пингины переносят такой холод? Они прекрасно себя чувствуют благодаря своим перьям, пуху и жировому слою, составляющему третью часть их веса. Но зима очень долгая, запасы жира постепенно истощаются. И тогда пингины сбиваются в большую тесную кучу и так, по-братски прижавшись друг к другу, стоят целыми сутками, поддерживая внутри своей группы плюсовую температуру. Чтобы дать возможность согреться каждому, они постоянно меняются местами. Вокруг ветер, страшный мороз, а им всё нипочём...

В Антарктиде полгода стоит лето, и полгода – зима. Всё лето здесь длится полярный день, а зимой царит нескончаемая полярная ночь. Несмотря на холод, есть в Антарктиде небольшие озёра, где селятся лишайники, мхи, водоросли и даже цветковые растения, дающие приют насекомым и птицам. Но самые многочисленные обитатели Антарктиды – пингины. Их здесь несколько видов, но императорские пингины – самые большие и знаменитые.

Наше судно подходило к берегу. Мы видели, как радостно машут руками полярники. Им уже давно передали по рации о нашем прибытии, но сильный ветер не давал судну причалить. С трудом мы отыскали удобную бухту и встали на якорь.

Полярники радовались как дети. Лица их были почти скрыты под большими меховыми капюшонами, но они кричали, прыгали, крепко жали нам руки, обнимали. Во всём мире полярников называют отважными. Ещё бы! Не каждый человек решится жить и работать в трудных условиях Антарктиды. Но этот континент очень интересен для учёных, которые исследуют его природу, ледниковый покров, полезные ископаемые, климат нашей планеты и даже проверяют здесь технологии, которые могут быть в будущем использованы при освоении космоса.

После бурных приветствий мы сидели на передвижной полярной станции в тепле и уюте, пили чай и беседовали.

— Вы знаете, а ведь мы привезли вам ещё одного полярного жителя, — сказал наш капитан, — правда, он пока ещё не сошёл на берег: наверное, очень волнуется.

Полярники заулыбались, они подумали, что мы привезли кого-нибудь из обычных домашних питомцев — собаку или, может, кошку.

Велико же было их удивление, когда они увидели нашего Фёдора Филипповича. Он сошел на лёд своей белоснежной родины и, быстро осмотревшись, вдруг вскинул голову и заворковал... Изумленье, восторг — всё выразилось в этом счастливом возгласе. Радостно было нам смотреть на нашего вернувшегося домой товарища.

Мы пытались уговорить пингвина зайти на территорию станции, но он ни за что не хотел и всё бродил и бродил вокруг. А потом вдруг пропал.

Незаметно пролетели дни. На полярной станции и вокруг неё было много интересного, и нам жаль было уплывать. Но погода портилась, небо всё чаще затягивало тучами, дул пронизывающий жестокий ветер. С каждым днём становилось всё холоднее, приближалась зима, и нам надо было поскорее возвращаться домой.

Пришла пора расставаться. Наши друзья-полярники помогли нам погрузить почту и опытные образцы. Наконец и вся наша команда поднялась на борт. Стали выбирать якорь, и тут все обратили внимание на появившееся невдалеке многокилометровое шествие пингвинов. Один за другим, словно печальные человечки, они неспешно брели по ледяной равнине, заметаемой снежной порошей.

Их были десятки, сотни, тысячи... Все как две капли воды похожие друг на друга. Поскользнувшись, они смешно расставляли в стороны короткие крылья, будто руки в широких рукавах, и взмахивали ими, пытаясь удержать равновесие.

Пингвины выстроились на вершине ближнего к нам холма, еле различимые из-за непрекращающегося плотного снегопада. И вот от них отделился один пингвин. Он двигался нам навстречу, приветливо помахивая крылом. И мы сразу узнали его! Это был наш Фёдор Филиппович! Он пришёл попрощаться с нами и привёл с собою своих

друзей. Он словно хотел сказать нам, что у него всё хорошо, что он снова среди своих родных и знакомых... Но разве могло быть по-другому? Прodelав такой длинный путь и вернувшись наконец-то домой, он должен был, конечно, обрести своё счастье!

Наше судно медленно отходило от берега, и мы не отрываясь смотрели на удаляющийся материк... Прощай, наш товарищ, член морской команды, дорогой Фёдор Филиппович! Прощайте и вы, отважные полярники! Прощай, Антарктида!

Наше судно уходило всё дальше на север. Впереди – экватор, а там уже и до дома рукой подать. Погода становилась всё теплее, и вскоре мы уже устраивали в свободное время на палубе душ, загорали. Отогревались после холода Антарктиды. Часто вечерами, сидя в уютной кают-компании, вспоминали Фёдора Филипповича: как ему живётся на его суровой величественной родине?

Там, наверное, сейчас пурга. Гудит буйный ветер и встают сугробы, твёрдые и прочные, как камень... Впереди долгая полярная ночь, тьма, блеск холодной луны да яркие переливы полярных сияний. Папы-пингвины, тесно прижавшись друг к другу, терпеливо переносят голод и холод, насиживают яйца, согревая их своим телом два долгих месяца. А когда вылупляются пушистые и беспомощные птенцы, пингвины-отцы держат их на лапах, под тёплой складкой брюха...

Может быть, наш Фёдор Филиппович тоже станет отцом и будет кормить своего птенца жирным питательным «молоком» прямо из зоба? Ему также придётся защищать своего малыша от бездетных пингвинов, которые прямо-таки жаждут отбить чужого пингвинёнка и усыновить его. Они машут крыльями, клюют и толкают друг друга и в сутолоке могут даже случайно затоптать птенца. Тут уж, отцы, – не зевай, смотри в оба! В непрестанных заботах о своём детёныше бедняги теряют почти половину веса, питаются одним только снегом...

Но вот возвращаются отдохнувшие, располневшие от рыбной кормёжки мамы-пингвинихи. Громким пением они зовут самцов-пап, и те отвечают им призывными трелями. И хотя не так-то просто отыскать своего супруга среди тысяч галдящих птиц, всё заканчивается счастливой встречей. Теперь уже мама очередь кормить и обогревать птенца. Как и папа, она кормит его «молоком», а кроме того, полупереваренной пищей: отрывая небольшими частями припасённую в желудке еду, пингвиниха вкладывает её в клювик детёныша. А полуживой от голода отец покидает своё семейство и, в свою очередь, отправляется к морю, чтобы как следует подкормиться...

Проходит месяц, и подросшие птенцы уже не помещаются в родительском брюшном кармане, поэтому их отправляют в пингвиний «детский сад». Здесь они находятся под неусыпным присмотром «воспитательниц»-пингвиних, которые присматривают за ними и защищают от хищных птиц – буревестников. Как и взрослые, малыши сбиваются в тесную кучку, чтобы противостоять холодам. Родители же поочередно ходят за кормом.

Вместе с зимой кончается и пингвиное детство. Слабеют морозы, всё реже бушует пурга, по берегам тает лёд. Пингвинята оперяются,

растут с каждым днём и почти не отличаются по виду от взрослых. Их ждёт теперь новая, взрослая жизнь».

Заслушавшись рассказом боцмана, моряки и не заметили, как прошёл вечер. А утром наконец-то услышали долгожданный сигнал акустика: «Рыба пошла!» Радостные, соскучившиеся по работе, все ринулись на палубу.

Начался лов. Ловили без отдыха, пока не наполнили все трюмы. К вечеру убрали трал, вымыли палубу и устроились ужинать. Вспомнили вчерашний рассказ боцмана.

– Да, случится же такое... – сказал один матрос. – Совершенно невероятный случай! Это же надо: с пингином путешествовать!

И вдруг радист сообщил, что навстречу движется сухогруз и просит не менять курс: есть одна важная просьба. «Осторожный» остановился и стал ждать.

Вскоре из тумана появилось огромное судно. Команда «Осторожного» высыпала на палубу. Кинули швартовы, сухогруз причалил. Оттуда рукой махал старпом:

– Братцы, тут такое дело... Мы возвращаемся домой в Севастополь. Там жарко, а у нас... Возьмёте?

И он махнул рукой куда-то в сторону своего судна. Все дружно повернули головы и увидели там... Большой императорский пингвин стоял среди матросов сухогруза и хитро косил глазом в сторону «Осторожного».

**Елена
ТУЛУШЕВА**

МЕДАЛЬ

– И побеждает команда...

– Ну, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! – шептала она, боясь открыть зажмуренные глаза, пока не услышит результат.

– Команда «Звёздочки»!

Голос молодой учительницы растворился в лавине детских криков.

Рита прыгала и кричала вместе со всеми, прикладывая ладошки к ушам. Её пшеничные косички пружинили в такт. Это была её самая первая школьная победа, и улыбка оголяла ещё не подростковые коренные зубы.

– Команда победителей получает... Золотые медали! Но не обычные, а даже шоколадные! Но только если все встанут в один ряд.

Рита прижала кулачки к груди в ожидании своей очереди. Анна Михайловна высыпала из пакета на поднос целую гору блестящих рыжих медалей и направилась к выстроившимся первоклашкам. Когда она подошла к Рите, поднос ещё был заполнен наградами, и глаза ребёнка суетливо выискивали «ту самую».

– Ну же, Маргарита! Выбирай скорей, ребята ждут.

Она снова зажмурилась, положила руку на холодные шуршащие медальки и ухватила одну, быстро зажав в кулачок. Когда учительница отправила победителей за парты, Рита наконец раскрыла ладонь и начала любоваться призом. «Какая же красивая!» – восхищалась она. Медалька была тяжёлой и твёрдой, с выпуклой единицей на одной

-
- Елена Сергеевна Тулушева родилась и выросла в Москве. После школы по гранту уехала во Францию изучать международный бизнес. Через два года вернулась в Москву. Окончила Институт аналитической психологии и психоанализа, затем – Институт психотерапии и клинической психологии по направлению «Интегративные методы психотерапии». В настоящее время работает в детском реабилитационном центре. Окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького. Участвовала в литературных семинарах в Нижнем Новгороде, Самаре, в XIII Форуме молодых писателей России.

стороне и двуглавым орлом на другой. Бок медальки был неровный из-за плотных складок фольги.

– Это герб нашей страны: орёл с двумя головами, мне папа говорил! – донеслось сбоку.

Рита, подняв глаза, увидела веснушчатый нос Егора.

– Мне на Новый год такие дарили, – безразлично морщась, продолжил он.

– Ну и что! – затараторила Рита. – Мне тоже дарили, но те совсем другие! Эти – настоящие, потому что мы победили! А те – совсем совсем ненастоящие. Просто подарочные.

– Ну и что. А мне мама сегодня «киндер» купит. За просто так. Просто она меня любит.

Но Рита уже не слышала обиженного ворчания соседа. Она представляла, как покажет свою медаль маме, а вечером – папе и бабушке. И как все они будут улыбаться и поздравлять её, а она будет пересказывать им вопросы викторины, за которые её команда получила награду.

В классе слышались бурные обсуждения и шелест фольги. Большинство ребят уже уплетали шоколадки, неловко пытаясь соединить две части оставшегося фантика. Самый находчивый – Матвей – продырявил фольгу карандашом и надел на верёвочку с крестиком. «Как настоящего спортсмена!» – кричал он, похлопывая себя по животу.

Рита с улыбкой оглядывала класс, радуясь за каждого победителя ничуть не меньше, чем за саму себя, с той искренней детской добротой, которая обычно растворяется в потоке разочарований и обид по мере приближения к подростковому возрасту. Она положила свой трофей в пенал и весь следующий урок поглядывала на блестящий уголок, выглядывающий из глубины.

На перемене девочки побежали в коридор: Вера обещала показать, как научилась делать колесо. Новые эмоции захлестнули детей, с восторгом наблюдавших за гибкостью одноклассницы.

Прозвенел звонок – и все поторопились в класс. Запыхавшаяся Рита подбежала к своей парте, зашептала Егору: «Там Вера... такое колесо показывала! Она... она сказала, что на «продлёнке» нас будет учить! Ты умеешь? Колесо делать умеешь?» Услышав в ответ что-то неразборчивое, она взглянула на Егора и, не успев начать фразу, удивлённо замерла. Егор торопливо что-то дожёвывал, а в левом кулачке у него блестела жёлтая фольга.

– А у тебя откуда медалька? – она изумлённо подняла брови. – Вы ведь не победили, а медальки – только победителям.

Ей стало немного обидно, что кому-то досталась награда просто так. Мама говорила, что всё должно быть по-честному.

– Это не медалька. Это – шоколадка. То есть конфета такая. Шоколадная... да, шоколадная конфета у меня.

Егор вытер рот тыльной стороной ладони и засунул фантик в карман.

Рита озадаченно начала перебирать содержимое пенала. Ей хотелось полюбоваться на свою награду, чтобы снова убедиться, что она особенная, совсем не похожая на те – из подарков Деда Мороза. Наконец маленькие пальчики нащупали медаль. Класс уже затих, и её шуршание стало слышно. Вытащила. Посмотрела... Круглый металлический розовый значок с длинноволосой принцессой лежал у неё на ладонке. Папин подарок с надписью: «Моей принцессе». Рита нахмурилась и закопошилась в пенале.

– Маргарита! – послышалось из другого конца кабинета. – Сейчас у нас урок чтения, нам не нужны ручки. Открывай учебник и не мешай классу!

Она вздрогнула от голоса Анны Михайловны и быстро открыла книгу, подглядев номер страницы у Егора. На его правой руке остался смазанный шоколадный след.

– Ты съел мою медальку?! – как можно тише прошептала она.

– Ничего я не ел! – Егор водил пальцем под строчкой. – Это не я.

– А где моя медаль? – Она пододвинулась к нему и нахмурилась.

– Откуда я знаю?! – Он тоже нахмурился и начал отодвигаться от Риты. – Твоя медаль – ты и ищи!

Рита осторожно начала вытаскивать из пенала содержимое. Стол заполнился ручками, цветными карандашами, кусочками ластика, вкладышами от жвачек. Медальки не было.

– Ты съел мою медальку! – Она не заметила, что шептала всё громче.

– Я свою ел, понятно?

– У тебя не было своей! Их только нашей команде дали!

– Маргарита и Егор! Что у вас происходит? Вы разве не слышите, что мешаєте нам?! Как не стыдно: ваши одноклассники читают, значит, вы должны слушать, а не разговаривать. Егор, о чём мы сейчас читаем?

Егор наклонил голову и быстро заморгал. В классе стало очень тихо.

– Вот видишь! Ещё раз услышу ваши разговоры на уроке, напишу замечания в дневники обоим. Продолжай, Вера.

Рита выдохнула с облегчением. Она испугалась, что её тоже спросят, и тогда домой вместо медальки она принесёт в дневнике длинное красное замечание на две строчки, как у Миши из первого «А», за то, что он играл на «Природоведении» в космический корабль с цветными огоньками.

– Я с тобой больше не дружу! – Егор толкнул её локтем и отодвинулся к другому краю парты. – Навсегда не дружу!

– Солнце моё, ну, нашла из-за чего плакать! – мама нежно прижимала к себе вздрагивающую от всхлипываний Риту.

– Я, я хотела, хотела вам всем показать... чтобы вы увидели и поверили, что мы победили!

Слёзы текли сами собой тёплыми струйками по щекам и шее, закатываясь за воротничок блузки.

– Заинька моя! Я и так верю тебе, что вы победили. Ты моя умница. Я тобой очень горжусь. И дома мы всем расскажем. Ну, давай, переставай плакать, ты у нас молодец! Давай я тебе ещё одну медальку куплю. Ты ведь по-честному заслужила.

Мама достала бумажный платок и нежно промокнула влажные щёки дочери.

– Это же совсем не та будет, мамочка! Та ведь была по-честному, а эта будет за просто так. Как Егор съел – ни за что!

Рите было очень обидно, что всё вышло совсем не по справедливости, как всегда учили дома. И никто уже не мог этого исправить. И новая медалька была бы совсем не такой настоящей.

– Очень грустно, что он съел. Но, я думаю, он не специально. Наверное, он очень расстроился, что не победил и что его никто не угостил. Вот и не удержался, так иногда бывает даже у взрослых. – Мама аккуратно заправила Ритины растрепавшиеся косички под беретку и взяла её за руку. – Идём, по дороге поговорим.

– Как же это так бывает, что не удержался? Почему его надо было угощать – медалька же за победу. Это же не по-честному! Ты же сама говорила!

На крыльце школы было зябко и пахло опавшими листьями. Моросил противный мелкий дождик.

– Я теперь с ним тоже дружить не буду!

– Знаешь, мне кажется, нам стоит сделать по-другому. Давай я тебе завтра дам с собой большую шоколадку. Чтобы и тебе хватило, и Егору.

– Это зачем Егору? Это же он сегодня мою медальку съел! Я его угощать не хочу! Он нечестно сделал! – Рита удивлённо слушала маму, и ей становилось ещё обиднее.

– Я понимаю. Это сложно объяснить. Просто дружба, солнышко, она важнее любых медалей. Это я тебе как мама говорю. Ты попробуй и увидишь. Дружбу потерять очень легко. А сделать шаг навстречу бывает очень трудно.

– Мамочка, а как же по-честному? Я же победила, а он у меня съел медальку. А за что же ему ещё и шоколадку?

– Маленькая моя, справедливость – это очень важно. А иногда стоит сделать по-доброму, понимаешь?

Рита молча хмурилась, разглядывая, как жёлтые резиновые сапожки бесстрашно наступают в скучные, чёрные лужи. Дождь перестал моросить, и среди туч постепенно начали проглядывать кусочки голубого неба. На душе было муторно. Ей не хотелось расстраивать маму, но в то же время первый раз она сомневалась в её совете. Раньше всё было очень просто, а теперь... В голове мысли скакали: «Странная она – эта их справедливость».

Ольга
КОЛЕСНИКОВА

ДОБРЫЙ ГНОМИК

ГНОМИК И ЛЕНИВЫЙ ЁЖ

Ёжик лежал под зелёным кустом и спал.

Гномик наблюдал за ним уже целый вечер, но Ёжик не просыпался. Даже упавший на колючую спину дубовый лист не разбудил его. Ёжик сладко дремал, потягивал лапки и посапывал.

– Лентяй он и лодырь! – сказала серая Мышка Гномику. – Вот скажи, чем он занимался целый день?

Гномик хотел ответить, но не успел. Рыжая Белка прыгнула на еловую ветку и свесилась вниз головой прямо перед ним.

– Откуда же мне это знать? – вмешалась она в разговор. – Я его по утрам никогда не вижу!

– Мне он и в полдень не попадается, – заявил пушистый Заяц. – А я, между прочим, в поисках вкусной древесной корочки весь лес пробегаю.

Гномик забеспокоился и стал защищать несчастного Ёжика.

– Зачем же так ругать бедняжку? – сказал он. – Ёжик, наверное, устал и прилёт отдохнуть!

– Устал? От чего это? Вот придумал! – заговорили звери хором.

– Кто точно устал, так это я! – перебил всех старый Ворон. – Осень уже на клюв садится, только успевай на зиму запасы припрятывать. А кто-нибудь из вас видел, чтобы Ёжик себе заготовки к холодам делал?

Поднялся шум и гам. Все утверждали, что не видели, и стали приводить различные доводы, убеждая друг друга, что лучше них самих запасы во всём лесу не делает никто.

-
- Ольга Владимировна Колесникова родилась в 1982 году в Саратове. Окончила СГУ имени Н. Г. Чернышевского по специальности «Математика». Участвовала в работе литературной студии «Фантазёры». Публикуется с 1999 года. Дипломант литературного конкурса «Ступени-2». Публиковалась в журналах «Кукумбер», «Детская роман-газета» (Москва), в местных СМИ. Живёт в Саратове.

Гномик слушал, но в спор не вступал. Вообще-то он давно бы пошёл спать, если бы не беззащитный Ёжик. Гномик снова посмотрел в сторону зелёного кустика, но там уже никого не было. Наверно, неожиданная перепалка разбудила колючего недотёпу, и он пошёл искать место поукромней.

В лесу совсем стемнело. Яркое солнце скрылось за далёким горизонтом, и на высоком небе появились первые звёзды.

«Как бы ни заплутал спросонья бедняга», – подумал Гномик и побежал за Ёжиком.

Он решил проводить его до норки, а потом и самому спать пойти.

– Здравствуй, Ёжик. Можно я пойду с тобой? – спросил Гномик, когда догнал колючего друга возле самой опушки.

– Разве ты тоже к дикой яблоне идёшь? – удивился Ёжик.

Гномик немного задумался и утвердительно махнул головой. Ёжик не возражал, и друзья пошли вместе.

– А хочешь, я помогу тебе запасы на зиму сделать? – поинтересовался Гномик.

Ёжик не ответил. Он шёл очень быстро и поэтому не мог часто отвлекаться на разговоры. Гномик тоже умел быстро ходить, но всё равно немного отставал.

– Можно собрать и засушить грибов, – снова предложил Гномик.

– Какие же сейчас грибы? – возразил Ёжик. – Они после дождя появляются.

– Тогда можно шишки на опушке поискать.

– Я не ем шишки.

Было темно, но Ёжик бежал уверенно, будто на расстоянии чувствовал, как пахнут вдалеке дикие яблоки. Гномик пытался не отставать. Он очень хотел помочь другу. Ведь зима бывает долгая и холодная. Если не сделать запасы, можно умереть от голода. Гномик вздрогнул от этой мысли.

– А хочешь, мы вместе жёлуди собирать пойдём? – настаивал он.

– Это очень опасно! – предупредил Ёжик.

Он замедлил шаг, и Гномик смог отдышаться.

– В дупле старого дуба живёт большой Филин. Ночью он вылетает на охоту и к дереву никого не подпускает. Туда даже утром, когда Филин спит, подходить страшно.

– Разве так бывает, – удивился Гномик, – чтоб звери не ночью, а днём сны видели?

В ответ Ёжик только что-то пропыхтел.

– Что же тогда с тобой зимой будет, – воскликнул Гномик, – если не станешь, как все звери, к холодам запасы делать?!

– Почему же не стану? – удивился Ёжик. – А чем я, по-твоему, сейчас занимаюсь?

Пока друзья вели беседу, тёмный лес будто расступился, и перед ними встала дикая яблоня. Она была высокая и очень красивая. Ёе ветки, усыпанные спелыми яблоками, прогибались до самой земли и роняли плоды в зелёную траву.

Гномик так и застыл от неожиданности. Одно яблоко сорвалось с ветки и подкатилось к его ногам.

– Что стоишь? Помогай, раз напросился! – сказал Ёжик.

Он ловко коснулся одного плода правым боком, другого – левым, и оба яблока остались на его колючих иголках.

Дорога обратно показалась немного длиннее. Гномик тащил за собой крупное яблоко и быстро устал. Ёжик тоже не стал спешить. Он шёл медленно и переваливался с ноги на ногу. Гномик старался не отстать, ведь вокруг было темно и он боялся заблудиться. Ко всему прочему Гномик никогда раньше не гулял по лесу так поздно. Обычно с закатом солнца он ложился спать, и сейчас, как Гномик ни старался, глаза его закрывались сами собой.

До норки Ёжика они всё же дошли. Узкий лабиринт увёл их под землю, и друзья оказались в просторной кладовой. Вокруг ничего не было видно, но Гномик сразу догадался, что именно здесь Ёжик хранит свои запасы. В воздухе пахло яблоками и желудями, цветочными кореньями и засушенными грибами.

– Ну что, – сказал Ёжик, – оставляй яблоки, и пошли обратно.

– Обратно?! – воскликнул Гномик.

Он очень устал, и сил у него не осталось даже на дорогу к своему дому. А раз он устал, значит, и Ёжик уже без сил. Отдохнуть бы. А как же запасы? Вот придёт холодная зима и спрашивать не будет: «Устал ли ты, Гномик? Устал ли ты, Ёжик?» Гномик попытался взбодриться, но вместо этого медленно осел на принесённое яблоко.

– Конечно, конечно, – пробормотал он, – вот только посижу немного.

Ёжик улыбнулся в ответ и пошёл к дикой яблоне один. Гномик – хороший друг, пусть поспит пока. Ночью многие спят. А у Ёжика для сна весь день впереди.

ГНОМИК-ЧУДАК

Самой странной для Гномика была не его находка, а её цвет! Куколка бабочки – экое диво! Но вот куколку светло-бурого цвета с золотыми пятнами Гномик ещё ни разу не видел!

– Здравствуйте... – робко произнёс он, – может быть, вам чем-нибудь помочь?

– Нужна ей твоя помощь, как ежу рога! – неожиданно услышал Гномик и поднял голову.

С ветки слетел взъерошенный Воробей и продолжал:

– Лежит здесь не первый день! По всему видать – больная, последние дни доживает! Тьфу! – сплюнул он. – Глаза бы мои на неё не глядели, только аппетит от этого портится!

– А вы не смотрите, – забеспокоился Гномик, накрывая куколку своей курточкой.

– Да как же не смотреть, когда она здесь как бревно в глазу! – жаловался Воробей.

Но Гномик уже не слышал его. Он схватил больную куколку и, крепко прижимая к себе, понёс в свой домик: уж больно маленькой и беззащитной показалась она ему в большом лесу.

Через несколько дней к нему заглянула Белка.

– Чудак ты! Да такой, каких ещё поискать надо! – она сказала так, будто это был известный всему лесу факт. – На, перекуси, а то, небось, проголодался!

– Ваша забота обо мне – это, право, необязательно! – отозвался Гномик. – Но что я... Вот она-то как мучается!

В ответ Белка только махнула хвостом и, оставив большую шишку, исчезла.

Из светло-бурой куколка постепенно превратилась в светло-коричневую, и Гномик совсем потерял покой. Он недосыпал, почти не пил и ничего не ел, кроме горьких шишек. Они казались ему совсем не съедобными, но оставить больную одну, чтобы набрать спелой земляники, Гномик никак не решался.

Куколка проболела всю неделю, а потом ещё одну. Но Гномик всё равно не переставал надеяться. Ему казалось, что ещё чуть-чуть – и куколка выздоровеет! Временами ему даже чудилось, что она шевелится! Но шли дни, и всё оставалось по-прежнему.

А однажды... Однажды долгожданное событие произошло. И случилось это так неожиданно, что Гномик его проспал!

Было раннее утро, когда его разбудил непонятный шум. Он по привычке бросил взгляд на больную... Но куколки не оказалось. На её месте лежал пустой кокон. В испуге Гномик выбежал из дома, да так и замер от удивления.

На стебле душицы сидела красивая-прекрасивая бабочка и с шумом махала крыльями. С внутренней стороны они были чёрными и переливались различными оттенками. А когда бабочка их раскрывала, на Гномика смотрели четыре пятна, как четыре глаза синего и жёлтого цветов.

– Доброе утро! – только и смог сказать он.

Но, испуганная его голосом, бабочка взмахнула крыльями и взлетела.

Счастливый, Гномик ещё долго бежал за ней следом и, помахивая шапочкой, кричал: «Выздоровела! Она всё-таки выздоровела!»

Все, кто его видел, изумлённо провожали Гномика глазами, а взъерошенный Воробей, сидевший на старом дереве, сказал:

– Чудак он всё-таки!

– Он просто добрый, – поправила его Белка и прыгнула на соседнюю ветку.

ГНОМИК И ЗИМА

Приближалась зима. Гномик сидел возле домика и мастерил себе сосновые лыжи. Вообще-то он размышлял, как правильно встретить холода и первый снег.

На соседний куст прилетел чёрный Скворец и прервал его размышления. Скворец был чем-то взволнован, и Гномик это заметил.

– Здравствуй, друг, – сказал он. – Что с тобой случилось?

Но Скворец его не услышал.

– Деток собрал. С друзьями попрощался, – щебетал он. – Скворечник прибрал. Зернышек впрок поел.

Непонятное волнение постепенно передалось Гномику, и он не смог усидеть на одном месте.

– Что произошло? – снова спросил он. – Ты куда-то спешишь?

– Конечно, спешу! – наконец ответил тот. – В тёплые края собираюсь!

– А зачем?

– Что за глупый вопрос?! Так все делают. Отец мой, дед мой – все, как зима настаёт, в тёплые края улетают. Там солнышко светит и холода не бывает.

Гномик призадумался: а куда же его родственники зимой улетают?

– А это обязательно? – поинтересовался он.

– Это жизненно необходимо! – серьёзно произнёс чёрный Скворец.

– Ах! Как же мне быть? – засуетился Гномик. – Я даже не собирался. Столько всего сделать надо... Ты меня подождёшь?

– Ни в коем случае. У меня семья. Мне и с ними забот хватает.

– Хоть скажи, в какую сторону идти?

– На юг, всё время на юг, – сказал чёрный Скворец, сорвался с ветки и улетел.

Гномик не стал терять ни минуты. Он собрал в узелок тёплую одежду, поел впрок спелой ягоды, взял про запас кедровых семечек. Потом выложил лишнюю одежду (края-то тёплые, шубка не пригодится), посидел немного на дорожку и пошёл.

Юг оказался далеко, и к концу первого дня Гномик до него так и не добрался. Миновал второй, а теплее не становилось. Гномик уже начал думать, что заблудился и сбился с дороги, когда навстречу выбежал длиннохвостый Суслик.

– Доброе утро, – сказал вежливый Гномик. – Скажите, пожалуйста, а в какой стороне находится юг?

– Это тебе зачем? – спросил Суслик.

– Мне нужно в тёплые края попасть. Скоро зима, а там всегда светит солнце и не бывает снега.

– Ты что, снега боишься?

– Я не боюсь, – возразил Гномик, – но Скворец сказал...

– Какой Скворец! – возмутился длиннохвостый Суслик. – Да он всю осень по веткам скакал. Звери себе норки к зиме утепляли, а он песни распевал. Такого только и слушать!

– Но он сказал: «Это жизненно необходимо!»

– Ему, крылатому, может, и необходимо, а нам... Пошли-ка со мной, друг, а то, пока до юга дойдёшь, от холода инеем покроешься.

И они пошли обратно. Суслик твердил, что лесные звери никогда ни в какие тёплые края не улетают. На зиму они забираются в свои норки и спят, пока их весенняя капель не разбудит. Так дед его делал и отец. А Гномик слушал и припоминал, что сам раньше никогда на юг не улетал, а вот спать зимой ложился, и даже не один раз. Может, на то у Скворца и крылья, чтобы в тёплые края улетать?

– Вот тебе солома, чтоб на земле не лежать, – сказал Суслик, когда они оказались в его норке. – А во-он там зерно сушёное, на случай если зимой проголодаешься.

– Спасибо, – ответил Гномик, – но я с собой кедровые семечки взял.

– Как знаешь. А теперь спать.

Длиннохвостый Суслик зевнул, лёг в уголок и засопел.

Гномик тоже заснул. Он так пригрелся на сухой соломе, что, казалось, не только зиму, но и всю весну проспит. Однако, когда он открыл глаза и выглянул из норки, в лесу было белым-бело. За ночь в округе выпал первый снег и усыпал белыми снежинками все деревья. Гномик захотел рассказать об этом своему другу, но тот спал. Не проснулся Суслик и к обеду, и даже к следующему утру. Гномик тоже любил спать, но спать так долго он бы не смог!

Прошёл ещё один день, и Гномик заскучал по родной опушке. Всю зиму просидеть в норе Гномик не хотел. Он пожелал спящему другу хорошего сна и пошёл к своему дому.

В лесу было холодно. Под ногами скрипел нетронутый снег, а изо рта шёл пар. Гномик никак не мог разобраться, как же правильно зиму встретить? Улететь, как Скворец, в тёплые края, или, как Суслик, все холода в норке проспять? Он попробовал, но не сумел ни того ни другого.

– Что это ты без шубки гуляешь? – спросил его пробежавший мимо Заяц.

– Скажи мне, пушистый друг, – обратился к нему Гномик, – когда вдруг приходит зима и выпадает снег, ты что делаешь?

– Я?! – испугался Заяц. – Я быстро бегаю и прячусь.

– А зачем?

– Странный ты какой-то! Быстро бегаю – чтоб согреться, а прячусь – чтоб меня никто не нашёл.

– А я... так же делать должен?

– Конечно! Так все делают! – ответил трусливый Заяц. – И дед мой делал, и отец...

Но Гномик где-то уже слышал эти слова. Он обошёл Зайца стороной и побрёл дальше.

– Главное, чтобы шубка к зиме полиняла, – крикнул ему вдогонку Заяц и, испугавшись, прыгнул в кусты.

Снег уже выпал, а Гномик так и не понял, как ему правильно поступить. Зима такая красивая, но если улететь на юг, то она никогда не придёт к тебе в гости. А если все холода проспять, то не увидишь, как родной лес укрывается первыми снежинками. И какой прок в том, чтобы быть незаметным? Если всю зиму прятаться, то даже лучшие друзья не смогут прийти в гости. Так как же быть?

Гномик шёл и думал, пока не очутился на родной полянке и не увидел свой дом. Белый снег лежал на его крыше и большой сугроб завалил дверь. Рядом торчали сосновые лыжи. Гномик пригляделся, призадумался и улыбнулся. Пусть лесные звери встречают зиму, как им вздумается. Пусть их близкие родственники знают в этом толк. Но он, бестолковый Гномик, будет встречать зиму по-своему – весело и задорно. Чтобы было, что вспомнить будущим летом и о чём рассказать всем друзьям.

Гномик откинул в сторону свой узелок, схватил лыжи и побежал кататься с горки.

– Видно, у него так принято, – сказала Белка своему сынишке.

– Мама, а мне с ним можно?

– Что за глупости? Разве ты Гном?

ГНОМИК И ЗОНТИК

Трава рядом с елью зашевелилась, и на камень взобрался маленький Гномик.

– Кто потерял зонтик? – крикнул он своим тоненьким голоском.

Он повторил ещё раз, но никто не ответил.

Откуда-то сверху вдруг упала еловая шишка. Она была поменьше Гномика, но всё равно чуть не сшибла его с камня.

Гномик поднял голову и увидел рыжую Белку.

– Это не вы потеряли? – добродушно поинтересовался он, протягивая зонтик.

– С какой стати? – хмыкнула Белка, схватила шишку и быстро полезла в дупло.

– А между тем он наверняка кому-то очень сильно нужен, – проговорила серая Мышка. – Скоро дождик пойдёт!

Гномик был в растерянности.

– А может быть, это ваше?

– Вот ещё! Зачем он мне нужен? Чтоб каждый раз его терять? – воскликнула Мышка, но уже совсем с другой стороны, так как была такая шустрая и проворная, что не могла долго быть на одном месте.

– Тогда чей же он? – взволновался Гномик. – Ведь раз я его нашёл, значит, кто-то наверняка его потерял!

И он слез с камня и побежал дальше искать рассеянного хозяина.

– Вы ничего не теряли? – интересовался он у пробегающего Ёжика.

– Это ваш зонтик? – спрашивал у пролетающей Сороки.

– Вы не знаете, чьё это? – обратился он наконец с последней надеждой к шевелящимся кустам.

Оттуда высунулась знакомая непоседливая Мышка.

– Мне думается, – услышал он в ответ, – с зонтиком ходят те, кто очень любит дождик, но боится намочнуть. А посемя это может быть только дождевой червяк.

– Дождевой червяк?!

– Да, именно дождевой червяк!

– А где его найти?

– Около старого пня, где же ещё! – услышал Гномик уже удаляющийся голос.

Дождик начал понемногу накрапывать, когда он добрался до пня. Гномик обшарил вокруг всю траву, заглянул под лист осины... Но никого не нашёл. И только тогда, когда дождик каплей ударил его по носу, он вдруг сообразил, что этот маленький червячок боится его. От этой мысли Гномик немного успокоился. Он не долго думая раскрыл зонтик и, чтоб его не унесло ветром, поставил около пня...

А редкий дождик между тем перешёл в ливень. Гномик пошёл прочь. Он тихо и незаметно для себя улыбался, и никто не мог понять: отчего так счастлив до ниточки промокший человек.

**Вадим
КАРАСЁВ**

СОДРУЖЕСТВО ДЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ПОВОЛЖЬЯ

18 марта 2014 года в библиотеке – филиале № 18 ЦБС (г. Сызрань) состоялся вечер, посвящённый четвёртой годовщине со времени создания «Содружества детских писателей». Перед школьниками выступили поэт и художник-иллюстратор Татьяна Твердохлебова, поэт и композитор, президент Клуба авторской песни и поэзии Владимир Варламов, детский писатель, протоиерей отец Леонид Коркодинов из с. Усолье; председатель организации, прозаик Олег Корниенко. Литераторы прочли детям свои новые произведения, ответили на их вопросы. Кроме стихов и рассказов прозвучали музыкальные номера – их исполнили дети отца Леонида, Никита и Настя. А потом состоялись раздача автографов, фото на память и праздничное чаепитие. Встреча, одним словом, удалась. Она стала своего рода генеральной репетицией перед проведением «Недели детской книги», которая началась в Самарской областной детской библиотеке 24 марта. Члены сызранского «Содружества» тоже надеются принять участие в ней, а также в литературном марафоне «Нам с книгой по пути!»

Решение о создании городской организации детских писателей было принято в 2010 году на заседании Сызранского городского литературного объединения (ЛИТО), существующего с 1951 года. Дело в том, что именно в Сызрани проживает значительная часть литераторов, пишущих для детей, а главная цель «Содружества детских писателей» – объединение творческих сил. Работать «Содружество» предполагало в тесном контакте с местной центральной детской библиотекой им. А. Гайдара и самарской писательской организацией, которой руководит известный прозаик Александр Громов. В «Содружество» вошли профессиональные писатели Галина Цыплёноква и Олег Корниенко, а также члены ЛИТО Елена Миронова, Татьяна Твердохлебова и другие. Творчество этих литераторов хорошо знают за пределами города. Они – авторы «Детской роман-газеты» и других изданий, становились дипломанта-

ми международных конкурсов им. В. Крапивина и А. Толстого, который в 1897–1898 гг. учился в реальном училище Сызрани.

Некоторые из литераторов, например, Г. Цыплёнок, уже имели свои книжки, другие публиковались в единственном в Самарском регионе детском журнале «Светлячок». Издаётся в регионе и «толстый» журнал «Русское эхо», но публикует он только произведения для взрослых. А потому члены «Содружества детских писателей» первым делом предприняли попытки расширить географию своих публикаций.

Первым изданием, которое тепло встретило сызранцев, был альманах «Новый Енисейский литератор», который уже третий год издавал в Красноярске прозаик Сергей Кузичкин. В его пятом номере были опубликованы не только произведения Г. Цыплёнок и О. Корниенко, но и других самарских авторов: Евгения Семичева, Дианы Кан, Марины Сейдаметовой, тольяттинца Константина Рассадина. Всего за это время через красноярский альманах и его приложение для детей «Енисейка» прошли более полусотни писателей Самарской губернии. Это позволило провести в Сызрани областной вечер-презентацию журнала «Даёшь Сибирь!» Со временем сызранцы помимо Красноярска «освоили» такие регионы, как Удмуртия, Казахстан, Украина, Пензенская, Тульская и Ульяновская области. Теперь сызранцы подумывают о публикациях в изданиях Дальнего Зарубежья.

Важно отметить, что литераторы под руководством Олега Корниенко опираются в своей работе прежде всего на накопленный за эти годы опыт. Ведь в Сызрани жили и живут прекрасные детские писатели, которых знает вся Россия. Это Надежда Подлесова, Галина Цыплёнок, Владимир Рыбалко, Анатолий Давыдов и другие. Поэтому важно, чтобы лучшие произведения этих и других литераторов губернии стали известны юным читателям России. И очень жаль, что большинство детских библиотек в погоне за пополнением фонда пропагандируют слабенькие и спорные в нравственном плане произведения западных авторов, которые с удовольствием выпускают приличными тиражами многие московские издательства. Большинство же сызранских авторов выпускают свои книжки на собственные средства и деньги спонсоров. В 2009 году Самарская областная писательская организация последний раз издала книги для детей, а через год отказалась и от журнала «Светлячок». С чем это связано, остаётся загадкой.

В 2012 году в Сызрани на базе местного отделения областной писательской организации наконец был создан редакторско-издательский совет, который за это время выпустил два местных альманаха «Сызранская излучина». Хочется надеяться, что новое руководство города одновременно с культурным возрождением Сызрани поможет укрепиться и литературному сектору.

Двери «Содружества детских писателей» открыты для всех, кто талантливо пишет для детей. Так, недавно членом творческого объединения стали протоиерей, настоятель Прихода в честь Святителя Николая Чудотворца о. Леонид Коркодинов, сказочница из Самары Наталья Красикова, поэтесса Людмила Косарева. Члены СДП

стараятся быть в курсе всех книжных новинок, которые поступают в библиотеки или дарятся членам «Содружества» лично. Так у СДП налажены тесные контакты с классиком детской литературы Ириной Токмаковой, с Михаилом Ясным и Сергеем Махотиным, Олегом Бундуrom, Светланой Вьюгиной, Александром Малиновским, о. Николаем Агафоновым, Иваном Бардиным, Василием Семёновым.

Журнал «Волга–XXI век» – новая страница в истории «Содружества». Появилась возможность познакомить читателей журнала с творчеством сызранцев; в свою очередь Самарская губерния больше узнаёт об известном журнале и его ведущих детских авторах Михаиле Каришневе-Лубоцком и Михаиле Муллине. Более того, этот журнал ежегодно посвящает целый номер детской литературе: от рассказов и стихов до рецензий на вышедшие книги. Детям отдают свои страницы многие журналы России: пензенская «Сура» (рубрика «Читаем всей семьёй»); карельский «Север» («Монпансье»), красноярский «День и Ночь». Но чтобы «толстый» журнал отдал все свои полосы детской литературе – такой пример найти сложно. И тут журнал «Волга–XXI век» стоит особняком и достоин того, чтоб о нём знали детские библиотеки России. Тем более журнал не «местечковый», в нём помимо местных авторов публикуются известнейшие детские писатели России. А теперь к ним прибавятся детские авторы Самарского региона, что даёт повод провести обменные презентации в Саратове и Сызрани.

**Олег
КОРНИЕНКО**

ДЕКОРАТИВНЫЙ ЗЯКА

ШАГИ ЗА ДВЕРЬЮ

Ирине Токмаковой

Стёпка жил в небольшом посёлке и давно мечтал сходить в зоопарк или цирк. Зоопарк был в другом городе. Там жил дядя Коля, ехать к которому на электричке часа три. Стёпку одного не отпускали – мог заблудиться в большом городе.

Всё решил телефонный разговор с дядей. Договорились, что здесь Стёпку посадят на электричку, а там дядя встретит его.

Но дяди на станции не оказалось. Стёпка подождал некоторое время и, когда большая стрелка на вокзальных часах перескочила на другую цифру, подошёл к полицейскому:

– Вы не знаете, где улица Совнаркома, дом 8?

– Совнаркома? Это идёшь прямо и опираешься в кино-театр. А первый дом слева – твой.

- Олег Иванович Корниенко родился в 1954 году в Киеве. Окончил Первое Харьковское военное авиационно-техническое Краснознамённое училище и Курганское высшее военно-политическое авиационное училище (с золотой медалью). Воевал в Республике Афганистан. Награждён восемью медалями, в том числе – «За боевые заслуги».

Печатался в журналах: «Аврора», «Детская роман-газета», «Истоки», «Наш современник», «Московский вестник», «Российский писатель», «Советский воин», «Смена», «Север», «Луч», «Мономах», «Русское эхо», «Сура», «Склянка Часу», «Витрыла» (Украина), «Простор» (Казахстан); «День и Ночь», «Новый Енисейский литератор», «Волга–XXI век» и многих других.

Автор четырёх книг прозы для детей и взрослых.

Член Союза писателей России. Председатель Сызранской городской организации «Содружество детских писателей». Член редколлегии литературных журналов «Волга–XXI век» (Саратов), «Енисейка» (Красноярск), «Берега» (Калининград). Лауреат литературных премий «Город» (1999) и «Признание» (2006). Дипломант 4-го Международного литературного конкурса детских и юношеских произведений им. А. Н. Толстого (2012) и 6-го Всероссийского конкурса писателей – баталистов-маринистов «Твои, Россия, сыновья!» (2012). Живёт в г. Сызрань Самарской области.

Стёпка шёл по улице и рассматривал витрины магазинов. В одной из них он увидел чучела и клетки.

– Зоомагазин, – прочитал Стёпка и без колебания открыл дверь.

Чего здесь только не было! Прозрачная стена аквариумов с разными рыбками, хомячки, декоративные кролики, много скрипучих попугайчиков, о которых давно мечтал Стёпка. Одним словом, всё что угодно, кроме слона. Слон ждал Стёпку в зоопарке, а потому Стёпка поспешил на выход.

Он быстро отыскал дом дяди и его шестую квартиру. На звонок никто не вышел. Стёпка позвонил ещё раз и ещё...

И вдруг Стёпке послышались шаги: за дверью дяди Колиной квартиры кто-то ходил. Стёпка перестал дышать и прислушался: шаги то удалялись, то снова осторожно приближались.

Он нажал на кнопку звонка.

– Дядя Коля, откройте! Это я, Стёпка!

Нет, ему не почудилось: по коридору кто-то ходил – быстро-быстро, туда-сюда. Мальчик опять требовательно позвонил. Но никто не откликнулся и дверь не открыл.

Стёпка сел на ступеньки, прижал к себе рюкзак и прислонился к стенке...

Его разбудил дядя Коля.

– Ты давно сидишь? Я уже все электрички встретил – нет тебя. Хотел уже звонить родителям – узнавать, в чём дело.

– У вас кто-то за дверью ходит, – сказал Стёпка.

– А это мы сейчас посмотрим, – улыбнулся дядя Коля, открывая дверь.

Навстречу им из кухни выбежала газета.

Когда дядя включил свет, газета развернулась на месте и покосила в тёмную комнату.

– Это ёжик. Постель на ночь готовит, – пояснил дядя.

– Ёжик? – удивился Стёпка.

– Ну да, ёжик. Недавно у подъезда в кустах подобрал. Лапу, видно, поранил. Подлечу его маленько, а потом в зоомагазин сдам, а может, на чучело кому продам. Какие ни есть, а деньги.

Ночью Стёпка несколько раз просыпался и слышал, как шуршит газетами ёжик.

Когда утром он проснулся, в комнате никого уже не было. На столе лежала записка: «Завтрак на плите. В зоопарк пойдём завтра». Рядом лежал ключ, скорее всего, от квартиры.

И тут Стёпка вспомнил про ёжика. Ёжика нигде не было. «Неужели уже отнёс?» – испугался мальчик.

Он прошёл в другую комнату и заглянул под шкаф. Там шевелились обрывки старых газет. Это сонно дышал ёжик. Рядом стояло пустое блюдо.

Стёпка быстро выложил из рюкзака привезённые дяде гостинцы. Одно яблоко он оставил на обратную дорогу. Достал носовой платок и положил в него сонного ёжика.

«Мы с ёжиком паехали дамой. Стёпка» – написал он на обратной стороне записки.

Дорога к станции шла направо. Стёпка повернул налево, в городской парк.

Он прошёл в глубь парка, вырыл под кустиком ямку, выстелил её травой и осторожно положил в неё спящего ёжика.

В животе заурчало от голода. Он вспомнил про яблоко. Наливное, душистое, оно еле помещалось в Стёпкиной ладони.

«Я только немножко...» – сам себе сказал Стёпка и, положив надкушенное яблоко рядом с ёжиком, зашагал в сторону железнодорожной станции.

РАНЕНЬИЙ «ОРЛЁНОК»

О том, что в нашем микрорайоне будет проходить военно-патриотическая игра «Орлёнок», мы с Валериком узнали из объявлений, расклеенных почти на каждом доме. В этой игре мы были не новички. У нас даже имелась своя команда с грозным названием «Динамит». С толстухой Светкой, капитаном нашей команды, мы всегда занимали призовые места – второе или третье, и никогда – первое. Может быть, сегодня нам повезёт?

Чтобы не опоздать на построение, мы всю дорогу бежали, представляя, как волновалась Светка. Ничего, похудеет килограмма на два – это ей полезно.

Команд было семь. После поздравления депутата всем ребятам раздали ленточки, похожие на российский триколор, и булавки. Светка быстро, как будто ежедневно это делала, приколола нам ленточки к рубашкам. Команда под № 3 «Динамит» к соревнованиям была готова.

Светка бегала к судьям, к организаторам соревнований. Она им что-то говорила, они ей отвечали, размахивая руками.

– Надо пробежаться по трассе, так сказать, проверить её на зуб, чтоб меньше было проблем, – предложила нам Светка.

С этим согласились все, и, когда до начала соревнований осталось десять минут, мы быстро пробежались по маршруту: противопоазы, полоса препятствий, оказание первой медицинской помощи, преодоление рва, «мышеловка», «паутина»...

Валерик скривил презрительно губы и поплевал на ладошки:

– Элементарно! Первое место у нас в кармане.

– Не скажи, – оглянулась Светка на трассу, – одно дело – со стороны смотреть, другое – соревноваться.

После короткого инструктажа на старт вышла первая команда.

Наша очередь была ещё не скоро, и мы расположились так, чтобы видеть все этапы соревнования.

– «Динамит»! Где у нас «Динамит»?! – крикнула в рупор судья.

Мы выросли перед ней как грибы после дождя.

– Готовы? – спросила она.

Светка только открыла рот, чтобы ответить, как за спиной кто-то рывкнул:

– Так точно!

Это был Валерик.

– Ваш девиз?

И мы дружно, хором, во весь голос прокричали:

*Мы команда классная
И взрывоопасная.
Кто сегодня победит?
Ну, конечно, «Динамит»!*

Судья бросила взгляд на трассу (она была свободна) и скомандовала:
– На старт! Внимание! Марш!

И мы рванули с места. Первый этап – «стометровку» – мы преодолели быстро и бросились к противогазам. В них надо было пробежать второй этап, метров 20, потом снять и отнести противогазы обратно.

Мы уже достигли финиша, когда услышали за спиной страшный рёв. Судя по звукам, за нами мчался слон. «Слоном» оказался Валерик. Теперь, вместо того, чтобы бежать вперёд, он топтался на месте и трубил. Мы подхватили Валерика под руки и быстро потащили к финишу. Только там выяснилось, что не была снята заглушка на противогазной коробке, и Валерик чуть не задохнулся.

На третьем этапе нас ждала врач с символом Красного Креста на повязке.

– Вам задание: мальчик потерял сознание, – сказала она, – ваши действия?

Мы посмотрели на Светку. Всё-таки папа у неё врач, пусть и ветеринарный.

– Привести его в чувство, – тяжело дыша, бросила Светка.

– А конкретнее? Надо дать больному... – врач пыталась нам помочь.

– Мороженое! – запрыгал от находчивости Валерик.

– Ещё одно слово – и ты вместо мороженого в ухо получишь, – показал я кулак Валерику.

– Дать больному понюхать нашатырь, – вспомнила Светка.

– Правильно! – похвалила нас врач. – А теперь – на «тарзанку».

Так же легко, но не без проблем, мы преодолели «тарзанку», качающееся бревно, отстреляли из «воздушки» и замерли перед последним испытанием – «паутиной».

– Прижимайтесь к земле, когда будете ползти под сеткой, – напомнила нам судья. – Касаться её нельзя. И не спешите! Главное – не скорость, а отсутствие штрафных очков.

Я прошёл этап быстро и ждал Валерика. Он упал под сетку и так заработал руками и ногами, что мы чуть не потеряли его в пыли. Когда же Валерик появился на финише, он напоминал индейца.

– Ну, как я? – сияя, спросил он.

– Можно было и лучше, – заметила Светка. – А что это у тебя с ногой?

Все посмотрели на левую ногу Валерика и только тут заметили, что она в крови.

Валерик побледнел, и, чтоб он не упал, мы усадили его под дерево. А Светка побежала за врачом.

Доктор быстро осмотрела рану.

– Должно быть, стеклом поцарапался, – доложила она судье.

– Мы ведь всю дистанцию перед соревнованием осмотрели, – судья виновато развела руками.

Врач дала понюхать Валерику нашатырного спирта, обработала рану перекисью водорода и наложила повязку.

– Как дела у «Динамита»? – спросила она судью.

– Скорее всего, третье место.

– Как третье? – чуть ли не вскопчил Валерик. – Да если бы не ранение, мы бы обставили всех!

Судья соревнований ещё раз посмотрела на списки, потом на доктора:

– Второе место, в принципе, они заслужили.

– Ура! – взорвался «Динамит» от радости.

Домой мы возвращались не спеша. Во-первых, сказалась усталость от соревнований. Плюс нам, как призёрам, каши дали с добавкой. Валерика мы вели по очереди. Каждый из команды считал за честь помочь раненому герою, хотя хромать Валерик почти перестал. Все понимали: без него мы ни за что не завоевали бы второго места.

Уже возле дома, прощаясь, Валерик заметил:

– Чепуха! Какой я герой? Вот если б и вторая нога была ранена – первое место у нас было бы точно!

ДЕКОРАТИВНЫЙ ЗЯКА

Дочери Анастасии

Зяка появился в квартире Емелиных неслучайно. Его подарил Наде на день рождения Колька, двоечник.

– Вот, это тебе, – краснея, пробормотал Колька и протянул Наде подарок.

Списывал Колька не часто, и его подарок Наде понравился.

В коробке из-под обуви, дрожа от страха, сидел рыжий, с пышными бакенбардами и коричневыми глазами зайчонок и шевелил носом. Скорее всего, он так дышал.

– Это что ещё за чудо? – недовольно спросил папа.

– Папа, он такой пушистый! – Надя взяла зайчонка на руки и поцеловала в пушистую щёку.

– А если он цапнет?

– Не цапнет, – спокойно ответил Колька, – он добрый.

Колька, хотя и был двоечником, животных любил. У него в квартире жили кот, щенок, две черепашки и большой говорящий попугай.

– Ну, и чем вы его кормить собираетесь? – поинтересовался папа.

– Он всё кушает: хлебушек, травку. Насыпали «геркулеса» – тоже не отказался, – сказал Колька.

– Ну, ну, – папа осуждающе посмотрел на маму, но та и сама была не рада новому «квартиранту». – С попугаем хлопот не оберёшься, а тут ещё и зайчонок.

– Это декоративный кролик, – поправил папу Колька.

Проблемы возникли сразу же, как только за Колькой закрылась дверь: где будет спать Зяка (Наде послышалось, что именно так мама назвала кролика), из чего будет есть и что делать, если заболит?..

Кролика на ночь посадили в картонную коробку из-под телевизора. Но он не хотел ещё спать. Скорее всего, привык к другому распорядку. Он встал на задние лапки и начал скрестись, пытаясь выбраться. И выбрался: прогрыз в коробке отверстие – и, счастливый, оказался на свободе.

– Вот это да! – все от удивления вытаращили глаза. – И что с ним делать?

Зяку закрыли в ванной. И тише для всех, и надёжнее. Он немного побушевал в темноте, но вскоре затих.

На следующий день – свобода! Зяка осторожно продвигался, изучая квартиру. Лапки на линолеуме непривычно расплзались. И это было смешно. Он действительно был потешен, и его хотелось трогать и трогать, но в руки он не давался и забирался туда, где достать его было практически невозможно: за диван в зале и особенно часто – под кровать в спальне.

Правда, отлёживался Зяка недолго. Когда все, успокоившись, принимались за свои дела, он выходил из укрытия и начинал бродить по квартире, обнюхивая углы, быстро подружился с котом и делал так же, как и кот: царапал диван и грыз обои.

Это начинало раздражать, и Зяку прогоняли, но он настойчиво продолжал свою «работу». Его прямо-таки тянуло погрызть что-нибудь или порвать.

– Надо купить клетку, – предложила Надя.

– А сколько она стоит? – спросил папа.

– Рублей пятьсот, – предположила мама.

– Пятьсот?! – возмутился папа. – Нормально, клетка пятьсот, и уже на пятьсот обоев съел. Куда хотите, туда его и девайте!

На семейном совете решили (Надя была против) подарить Зяку папиной знакомой библиотекарше. Библиотекарша мечтала когда-то о декоративном кролике. Папа позвонил ей и уже представлял, что после совета с мужем её ответ будет положительным. Но вечером она сообщила, что муж против: «У тебя есть кот – хватит с тебя и кота».

Отнести Зяку Кольке нельзя – обидится. Да подарки и не возвращают.

– В городском парке есть небольшой частный зоопарк. Может, там возьмут? – подсказала мама.

В воскресенье все вместе поехали в зоопарк, в котором никогда не были.

На улице, за изгородью, несмотря на солнечный день, стояла сонная лошадь, а в помещении им ударил в лицо непривычный запах, характерный для всех зоопарков. Здесь жили две худенькие лисички, несколько кроликов, редкий для этих мест дикобраз, в коробке с опилками копошились хомячки, а в пустом аквариуме дремал тоже декоративный, но рябой кролик.

Симпатичная женщина в спецовке и рукавицах сказала, что денег на покупку кролика у них нет. Мама объяснила, что они хотят отдать Зяку просто так.

– Привозите, посадим вашего к тому рябому, – женщина показала на аквариум. – И, если они уживутся...

– Мамочка, он же не рыба, – захныкала Надя.

– Ничего страшного, временно посидит и в аквариуме.

– А что я скажу Кольке?

– Ничего. С двоичниками стыдно тебе общаться, – рассердилась почему-то мама.

И Надя с мамой в выходные отвезли подарок в городской зоопарк.

– Посадили Зяку пока к рябому. Он сразу в угол забился, – рассказывала папе мама, когда они вернулись.

На следующий день, когда папа пришёл с работы, в квартире было тихо и как-то пусто. Никто не путался под ногами, не трепал нервы. Но папа ещё не один день по привычке вскакивал с места – ему казалось, что кто-то грызёт обои. Засыпал он с головной болью. Но болела и душа: как там Зяка? Они его кормили, купали, сушили после бани феном, расчёсывали пушистые бакенбарды и чёлочку между ушей, а там никто за ушком не почешет.

И однажды папа, не вытерпев, поехал в зоопарк.

Зяка сидел, забившись в угол какой-то клетки, грязный, худой и всклокоченный. Рядом стояла миска с нетронутой едой.

– Воды даже не было, – рассказал, возвратившись, папа. – Ну, и что будем делать? – Он вопросительно посмотрел на маму и Надю. После всего увиденного в городском зоопарке папа был согласен на всё.

– Я уже заказала большую птичью клетку! – радостно сообщила мама. – Мы тоже были у Зяки и всё видели.

Папа обрадовался, что их решения совпали, потому что и сам соскучился по этому худющему комочку.

В понедельник у мамы был выходной. Она купила на рынке пластмассовую корзину для перевозки животных. В зоопарке их ждал Зяка.

**Галина
ЦЫПЛЁНКОВА**

Я ИДУ ПО ОБЛАКАМ

НА ЛЕСНОЙ ТРОПИНКЕ

Что за шум-переполох
На лесной тропинке?
Пляшет ветер-скоморох
В шапке-невидимке.
Закрутил листву волчком,
Напугал осинку,
Паутинку с пауком
Бросил мне в корзинку.

ЭХО

Росное утречко.
Дремлют дубы.
Лето на блюдечке
Сушит грибы.
Солнце с пригорка
Скатилось к реке.
Эхо Егорка
Несёт в кузовке.
Эхо молчит, не ворчит,

-
- Галина Мингачевна Цыплёнова родилась в 1940 году в Сызрани. Окончила Сызранское медучилище. Работала медсестрой в детской больнице и фельдшером в медсанчасти ЗТМ. Детские стихи, загадки, скороговорки публиковались в областных и местных газетах, журналах «Наш современник», «Мурзилка», «Весёлая нотка», «Книжки, нотки и игрушки для Катюшки и Андрюшки», «Светлячок», коллективных сборниках «День поэзии», «У старого окопа», «Весёлая ярмарка», «Поиграем-ка, ребята». Автор семи книг стихов для детей и взрослых читателей: «Убегу в ромашковую заводь», «Обереги меня, судьба», «Непослушный ручеёк», «Я иду по облакам», др. Дипломант Международного конкурса детской и юношеской литературы имени А.Н. Толстого (2009). В 2006 году стала лауреатом городской литературной премии «Признание». В 2012 году была удостоена именной премии главы городского округа Сызрань в номинации «Литература и журналистика». Член Союза писателей России. Живёт в г. Сызрань Самарской области.

Не смеётся,
Эхо Егорке
В лесу отзовется.

МАСТЕРА

На лужайке под кустом
Муравьишки строят дом.
Тащат жёлтые травинки,
И песчинки, и былинки.
Домик вырос, как гора,
Вот какие мастера!

ЛЕТО В ЛЕСУ

Я сегодня рано встал.
Лето я в лесу искал.
Вот паук, седая спинка,
Тянет сети-паутинки.
Я спросил:
– Видал ты лето?
Но не дал паук ответа.
Тянет сети-паутинки
От берёзы до осинки.
Где в лесу искать мне лето?
У цветка спрошу совета.
– Колокольчик голубой,
Лето – за какой сосной?
За грибом или за дубом?
За ручьём или за прудом?
Колокольчик:
– Динь-динь-динь!
Ты траву рукой раздвинь.
Есть хорошая примета:
В земляничке сплет лето.

Я ИДУ ПО ОБЛАКАМ

Во дворе такие лужи,
Что вместились облака.
Есть широкие, как море,
Есть поуже, как река.
Не боюсь шагать по морю
К самым дальним берегам.
Прямо в небо,
Прямо к солнцу
Я иду по облакам.

РАЗНОЦВЕТНОЕ

В серебре стоит зима.
Осень – в позолоте.
А весна всегда красна,
При любой погоде.
Только лето не такое.
Лето – нежно-голубое,
Солнечное, светлое.
Лето – разноцветное!

ВЕСЕННЕЕ

Пропой, весна, нам песню,
Ручьями пожурчи.
Летят с хорошей вестью
И галки, и грачи.
Но спит ещё комарик,
И видит он во сне:
Плывёт к нему кораблик
С весною на корме.

ЗАБЛУДИЛАСЬ

Я по лесу находилась,
Всем цветочкам поклонилась,
И былинкам, и грибам,
И проворным мурашам...
Так с корзинкой набродилась,
Что тропинка заблудилась.
И над нею – вот потеха! –
Рассмеялось звонко эхо.

КАПРИЗ

У Юльки жил каприз.
Пышки ел, конфеты грыз.
Не ел он суп и кашу,
Кефир и простоквашу.
Он целый день канючил
И Юлке так наскучил,
Что сказала Юлька: – Нет!
Нет тебе, каприз, конфет,
Нету сдобной пышки,
Ты капризный слишком!

ЩЕНОК

Скулил щенок бездомный у калитки.
Точь-в-точь какого я просил –
Такого, как в киоске на открытке,
Которую мне папа не купил.

Я отдавал ему свой ужин,
Вилял он радостно хвостом.
Мне друг лохматый очень нужен,
Давно мечтал я о таком.

Я конуру построил у калитки,
Гулять щенка на поводке водил.
Как хорошо, что он не на открытке,
Которую мне папа не купил.

СТРАХ

Кто-то топает в квартире,
Кто-то прячется в чулане,
Кто-то дырки сделал в сыре,
И одну – в моём кармане.
Зашуршал газетой в кресле
И зашлёпал тихо в ванну.
Если б смог я, если, если...
Льва привёз бы из саванны.
И от львиного бы рыка
Кто-то очень испугался.
Но своей сестрёнке Вике
Кто-то в этом не сознался.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСЕНКА

Сосульки с крыши свесились,
Висят над головой.
Им, длинноносым, весело
Капелью звонкой, песенной
Долбить по мостовой.
Вот солнышко просушит
Проталин острова,
И песенку послушать
Проклюнется трава.

**Татьяна
ТВЕРДОХЛЕБОВА**

ВИНОВАТ ЛИШЬ ЭТНЕЯ...

ЕСЛИ РЫБЫ СМОГЛИ БЫ...

Школьник смотрит завистливым взглядом:
– Эх, уроки учить вам не надо!
Корчит рожицы, дразнит с улыбкой.
И мечтают в аквариуме рыбки:
Если б только смогли и сумели
Рассказать, как на прошлой неделе
Притворился больным он и школу
Пропустил. Но, довольный, пил «колу»
Да смотрел телевизор в придачу,
Щёлкал пультом по всем передачам.
А страницы из школьной тетрадки
С двойкой вырвал и спрятал украдкой.
Друг к нему приходил. Вместе в зале
Мяч футбольный о стенку пинали.
Рассказать маме много смогли бы..
Жаль, немые с рождения рыбы!

МУРАВЕЙ

В чаще леса под сосной
Кто возводит дом лесной?
Этот маленький работник –
Сам и грузчик, сам и плотник –
Из хвоинок строит дом,

-
- Татьяна Николаевна Твердохлебова родилась в 1954 году в Хабаровском крае. По профессии – художник (окончила Сызранское педагогическое училище). Иллюстрировала книги самарских писателей – Ю. Денисова, А. Карякина, А. Малиновского. Рассказы, сказки и детские стихи Т. Твердохлебовой публиковались в журналах «Чиж и Ёж» (С.-Петербург) «Енисейка» (Красноярск), «Русское эхо», «Светлячок» (Самара), «Книжки, нотки и игрушки для Катюшки и Андрюшки» (Москва), в альманахе «Сызранская излуцина», в местной периодике. Лауреат литературного форума «Кавдория» (Большой финал-2009) в номинации «Литературная сказка для детей». Автор книги стихов для детей «Вопросы» (2014). Живёт в г. Сызрань Самарской области.

Нет окошек в доме том.
Но зато полно дверей –
Для гостей и для друзей!

ТОРТ

Наша Катя из песка
Сделала куличик.
Я задел его слегка –
А она уж хнычет.
Я теперь исправился:
Сделал торт, друзья.
Как он мне понравился!
Жаль, что есть нельзя.

ЛУЖА

Вот так лужа появилась
У подъезда моего!
Как, скажите, уместилось
В ней полным-полно всего:
Небо вместе с облаками,
Веточка берёзки, камень,
Кирпичи, на них дощечка
До подъездного крылечка,
Куст, на нём два воробья...
В новеньких сапожках – я!

ЭТНЕЯ

Завелся в семье у нас
Шалунишка Этнея.
И не стало от проказ
Никакого всем житья.
– Это как же получилось, –
Удивляется семья, –
Что бы в доме ни случилось,
Виноват лишь Этнея.
Этнея разбил тарелку,
Этнея полез в буфет,
Этнея там оставляет
Лишь бумажки от конфет.
Этнея – такой проказник!
Спутал леску и крючки,
Он украдкой кошку дразнит,
Бабушке разбил очки.
Он рисует за диваном
На обоях пистолет.

– Видно, нужно проучить нам
Сорванца! – смеётся дед.
Как же вышло, непонятно,
Дартс пропал вдруг у меня.
Дед ответил:
– Вероятно,
Поиграть взял Этнея.
Не включается компьютер,
Потерялся самосвал,
Ключки нет, исчез конструктор...
– Этнея, наверно, взял, –
Говорят мне домочадцы.
Утешает вся семья:
– Ну, не стоит огорчаться.
Ты спроси у Этнея.
Но когда коньки пропали,
Вот уж разозлился я!
А мне хором все сказали:
– Взял кататься Этнея!
И с тех пор, вы мне поверьте,
Этнея исчез у нас.
Вы, ребята, мне ответьте:
Поселился он у вас?

ШКОЛЬНЫЕ СТРАДАНИЯ

Контрольная. В классе стоит тишина.
Передо мной – Ивановой спина.
То голову вправо, то влево опять.
Не видно за бантом. Ну как тут списать?!

У нас с Ивановой один вариант.
Чего нацепила огромный бант?!

Не выполнил я контрольную снова.
А виновата опять Иванова!
И так мне обидно вдруг стало, до слёз.
Вот врезать по этому банту всерьёз!
Но завтра по русскому будет диктант.
– Наташка, совсем не идёт тебе бант, –
Сказал ей при всех я. – Так было бы клёво
С заколкой ходить тебе, Иванова!
Ведь ты у нас самая модная в классе.
Заколка в косе – это было бы классно!
Отзывчиво сердце на моду у дам.
Вот так я себе подготовил плацдарм.
Приходит с заколкой. Глазам я не верю:
К заколке приклеены пышные перья.
Что ж это за мода? Никак не пойму.
Диктант мне придётся писать... самому!

САРАТОВСКИЕ ПИСАТЕЛИ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

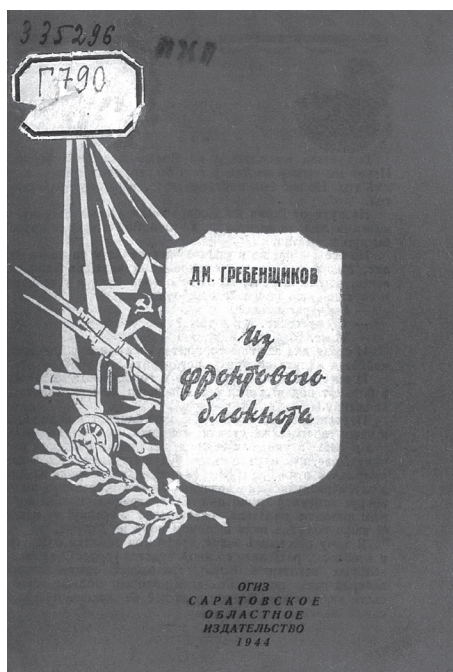

«ВСТАЮТ В ВИДЕНИЯХ ОГНЕННЫЕ БЫЛИ...»*

В годы Великой Отечественной войны в редакциях газет общевойсковых армий ведущую роль играли отделы фронтовой жизни. Именно туда в самые первые дни с начала войны направлялись советские писатели. Во фронтовых и армейских газетах специально была утверждена новая должность — должность писателя.

Уже 24 июня 1941 года десятки писателей и поэтов страны были мобилизованы в Советскую армию.

Из Саратова на эту очень ответственную и почётную работу в красноармейских фронтовых газетах были направлены трое: Борис Озёрный, Дмитрий Гребенщиков, Вадим Земной.

О Борисе Озёрном мы уже не раз писали в нашем журнале. В № 5–6 за 2013 год был опубликован и его рассказ «На подступах к Берлину» из книги для юношества «Рассказы разведчика».

А вот имя военного писателя Дмитрия Михайловича Гребенщикова оказалось, увы, сегодня забыто. А ведь в 1939–1940 гг. он был уполномоченным Саратовского отделения Союза советских писателей, редактором сборника «Литературный Саратов». Из Саратова ушёл на фронт.

Работая в армейских газетах в военные годы, Д. М. Гребенщиков активно развивает тему «Саратовцы на фронтах Великой Отечественной войны». Сам он родом из села Голицино Саратовской области, с особенной радостью и сердечно-

* Строка из стихотворения саратовского поэта Бориса Озёрного

стью общался с земляками-красноармейцами, встреченными в том или ином полку. Несколько таких встреч стали основой его книги «Из фронтового блокнота». Рукопись он прислал в Саратовское книжное издательство, и книга вышла в свет в 1944 году десятитысячным тиражом. Сейчас она – библиографическая редкость и, к сожалению, никогда не переиздавалась.

В книгу вошло шесть очерков: «Ответ сыну», «Друзья», «Командир танка», «Изюмские соловьи», «Плацдарм под Лисичанском», «На Днепре». Герои очерков – все наши земляки: командир грозной «Катюши» саратовец Дмитрий Алексеевич Иванов, гвардии лейтенант танкист Павел Иванович Чиркин из Баланды, гвардии майор Иван Суетин из села Чадаевка Лысогорского района, командир роты автоматчиков Алексей Панин из Дергачей. Герои рассказа «Изюмские соловьи» – саратовцы Иван Иголкин и Белоглазов. Оба смельчаки-разведчики. На боевом счету их взвода свыше 400 «языков», доставленных из тыла врага. Наши земляки-красноармейцы, о которых шла речь в книге Дмитрия Гребенщикова, были награждены самыми высокими фронтовыми наградами, некоторые – посмертно.

Сегодня нашего юного читателя мы знакомим с очерками Дмитрия Гребенщикова «Из фронтового блокнота». И, конечно, публикуем авторское вступление к книге. Оно действительно бесценно.

Редакция журнала «Волга–XXI век»

**Дмитрий
ГРЕБЕНЩИКОВ**

ИЗ ФРОНТОВОГО БЛОКНОТА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Год назад мы воевали на Волге, под Сталинградом. И вот мы вышли на Днепр. Это был трудный путь и тяжёлый год. Но это был победный путь, а потому – радостный год.

На пути от Волги до Днепра были разные встречи, со многими людьми завязалась дружба. Война крепит дружбу быстро и прочно.

Но всё же ближе и роднее всех солдату на войне земляк. Множество каких-то неуловимых черт, повадок, словечек, оборотов речи, какая-то особая манера у человека – и спрашиваешь почти безошибочно:

- Вы саратовский?
- Саратовский. А вы тоже?
- Тоже.

И сразу для земляка раскрыты кисет и душа, и всегда найдётся минута покурить, поговорить...

И всегда с особой благодарностью и гордостью записываешь в блокнот подвиг, если его совершил земляк – саратовец, волжанин.

Перелистываешь свой фронтový блокнот и видишь, что и наши – саратовские – стояли насмерть под Сталинградом, что и наши в упорных боях держали под Клетской излучину Дона как плацдарм для будущего удара, что и наши прорывали в ноябре 1942 года вражескую оборону на Дону, а затем рванулись по донским степям и, замкнув кольцо вокруг немецкой армии под Сталинградом, пошли победным походом на Запад, освобождая Украину от немцев. И наши волжане пили шоломом воду из Днепра.

Я хочу рассказать о них, чтобы мои земляки в Саратове и в области разделили со мной чувство гордости за героев, которых вскормила наша саратовская земля, вспоила наша родная Волга и которые больше всего на свете любят свою Родину и за неё не жалеют ни сил, ни самой жизни...

ОТВЕТ СЫНУ

Командир грозного орудия, любовно именуемого бойцами «Катюшей», гвардии старший сержант Иванов Дмитрий Алексеевич однажды получил письмо из Саратова. Это было в то знойное и опасное лето 1942 года, когда немецкие полчища, прорвавшись через Дон, подошли к самой Волге и окружили Сталинград. Опасность нависла над Волгой, над всей страной.

В письме, написанном крупным детским почерком, девятилетний сын Виктор спрашивал гвардейца Иванова: «Папа, а вы не отдадите Саратов немцам? Мама хочет уезжать в Сибирь, а я не хочу. В Сибири нет Волги, и мне негде будет учиться плавать. Папа! Напиши ей, что вы немцев в Саратов не пустите. А если немцы придут сюда, то я сам пойду воевать с ними».

Солдатское сердце – кремень. Но не искру высекло такое письмо, оно выдавило из самого сердца злую и горькую слезу.

Иванов долго думал, как ответить сыну. Ответить надо не словами утешения, а делом.

Казалось, о чём думать гвардейцу-артиллеристу? Каждый залп «катюш» – это десятки уничтоженных фрицев, это сожжённые танки и развороченные блиндажи, это ужас и смерть для врага.

Но русская ненависть, как и любовь, ненасытна. Иванову хотелось большего. Ему хотелось озаглавить своё участие в войне лич-

ным подвигом. Будь он пехотинцем, он пошёл бы в дерзкую разведку, засел бы в засаде и убил десяток немцев; он поднял бы своё отделение в смелую атаку и в рукопашной схватке яростно уничтожал бы бандитов.

Но командиру «Катюши» этого сделать нельзя. Он должен только точно и чётко выполнять команду: изготовить орудие, дать выстрел, переехать на новую позицию и там всё это повторить. Никакого дерзновения здесь проявлять не дозволено.

Исполнительность, точность и расторопность – вот доблести гвардейца-артиллериста. Иванов мог бы пренебрегать опасностью для собственной жизни, но подвергать опасности орудие он не имел права. И Иванов хорошо маскировался. Противник ни разу его не обнаружил.

Но если высшая доблесть проявляется в чёткости, расторопности, в дисциплине и слаженности боевого расчёта, то и в этом можно достичь совершенства. В свободное от боёв время Иванов стал упорно и настойчиво тренировать свой боевой расчёт.

Он добивался автоматизма в работе каждого номера и образцовой слаженности всего расчёта. Он бился за каждую минуту, за каждую секунду. Он говорил о факторе времени как о решающем в бою.

И он в четыре раза сократил время, потребное по норме для подготовки к залпу. Это означало, что в то время, когда соседнее орудие даст один выстрел, Иванов давал четыре.

Когда наши войска прорвали вражескую оборону на Дону, гвардии старший сержант Иванов огнём своего орудия поддерживал наступление.

Утро 19 ноября 1942 года было туманное, тихое. Ночью наши части переправились через Дон и прижались к гребню небольших высоток, занятых противником.

Здесь намечался прорыв.

В установленный срок взвилась ракета и, сотрясая землю, грянул могучий артиллерийский залп. Началась артиллерийская подготовка, «обработка» переднего края вражеской обороны. Она длилась целый час. Накрывая одну цель за другой, били тысячи орудий всевозможных калибров.

Сплошной гул, рёв, грохот стояли над Доном. С соседом можно было разговаривать только на ухо и только крича во всё горло.

Столбы огня и дыма поднялись за Доном. Покрытые снегом высотки сразу стали чёрными, словно их только что вспахали. Блиндажи, дзоты, колючая проволока, минные поля, танки, орудия – всё рвалось и взлетало на воздух вместе с немцами. Оставшиеся в живых и попавшие в плен обезумевшие фрицы говорили: «Это был ад».

Потом вдруг наступило затишье. Тишина стояла всего несколько минут, но она была страшнее грохота. А затем последовали залпы гвардейцев-миномётчиков. Словно вихрь промчался, прошумел по дремучему лесу, будто горный обвал обрушился где-то вблизи. Ярким фейерверком озарилась туманная донская степь, а задонские горы запылали огнём.

Вот тут-то гвардии старший сержант Иванов показал класс работы. Этот «концерт» веселил душу бойца лучше всякой музыки.

По опалённым, изрытым полям ринулись в прорыв танки с десантом автоматчиков, за ними пошли цепи пехоты. Началось великое наступление на Среднем Дону. Здесь всё пришлось испытать – и снежный буран, и артиллерийский обстрел, и бомбёжку немецких пикировщиков, и огонь танков противника, но Иванов шёл вперед и вёл свой страшный, сокрушительный огонь.

Десятки вражеских танков, автомашин, орудий, пулемётов и множество гитлеровцев уничтожил Иванов на своём пути. В Ново-Фоминской накрыл обоз отступающих румын, и до сотни сгорело их от огня подразделения Иванова. На станции Суровикино поджёг склад с горючим, и зарево пожара всю ночь озаряло горизонт, под Калачом громил скопление танков. И шёл всё вперёд и вперёд.

Вдруг его предупредили:

– Осторожнее, за той высотой наши...

Бойцы двух фронтов встретились и пожали друг другу руки.

Кольцо вокруг сталинградской группировки замкнулось. Часть наших войск осталась, чтобы сжимать это кольцо и уничтожить врага, а Иванов повернул на запад, на Миллерово, на Ворошиловград, на Украину.

И где-то он затерялся в украинских степях...

А недавно его имя промелькнуло в печати. Иванов награждён орденом Отечественной войны второй степени.

Таков его ответ на вопрос сына. Немцы не были и никогда не будут в Саратове.

1944 год

ИЗЮМСКИЕ СОЛОВЬИ

На фронте затишье. На полях недавних боёв расцветает весна. Очумевшие от грохота войны, соловьи постепенно приходят в себя и начинают петь по ночам свои соловьиные песни. Я слушал их под Изюмом не так, как раньше под Саратовом, на Пятой Дачной остановке...

Вдоль Северного Донца на десятки километров тянется лес. Пришлось ехать этим лесом по самому берегу Донца. Со мной был старший лейтенант Егоров. Мы поехали на самый дальний участок дивизии.

В штабе дивизии нам оседлали пару бледно-рыжих коней, равнодушных ко всему на свете. Их не страшили ни пуля, ни кнут, ни грозные окрики. Это были старые боевые кони, выдавшие всякие виды и всяких всадников. И им давно надоело приспособлять свой шаг к характеру многочисленных ездовых, вскакивающих на их натруженные хребты. Но некавалериста они чувствовали сразу и после первой же рыси неумолимо подчиняли его своей непреклонной воле, дисциплине своего неторопкого шага. И хотя мы с Егоровым часто подъезжали к кустам, срывали ветки и обивали их цвет и листья о крупы своих слишком выдержанных коней, те шли своим, раз и навсегда заданным шагом и на наши взмахи ветками не желали отвечать даже обычным взмахом хвоста.

25 километров ехали добрых полдня, а нам предстояло в этот же день возвратиться обратно.

В штабе дивизии нас предупредили, чтобы поляны и открытые участки мы проскакивали галопом, так как эти места просматриваются и простреливаются противником, сидящим в обороне на том берегу, да и «рама» летает над лесом, сбрасывает в каждый вылет по четыре бомбы и снегопад листовок.

По всем полям и перелескам ехали шагом, и ничто не нарушало птичьего щебета и гомона в тихом зелёном лесу. «Рама» как коршун кружилась над нами, но не сбрасывала ни бомб, ни листовок.

Так и доехали без происшествий.

В полку нам сказали: «У нас тихо. Воюют только снайперы и разведчики. Остальные укрепляют оборону, зарываются глубже в землю и занимаются боевой учёбой, пока позволяют противник и наше командование».

И тут я узнал, как соловьиный голос был принят на вооружение нашими разведчиками в качестве средства войны.

Встретил я в этом полку земляка-волжанина, гвардии лейтенанта Иголкина Ивана Степановича, бывшего бухгалтера колхоза «17 лет Октября». Он – командир взвода отчаянных смельчаков-разведчиков, сплошь отмеченных правительственными наградами. Сам Иголкин имеет два ранения и орден Александра Невского. На боевом счету взвода свыше 400 «языков», доставленных из тыла врага. Однажды они, взвод из 15 человек, захватили 65 немцев и так гуртом пригнали в свою часть, даже не разоружая.

«Если повесить на каждого из нас по пять автоматов, то мы сами будем слабее безоружных, – говорил Иван, – а мы заставили их поднять руки вверх, и так, с поднятыми руками, они шли. А что мы им – носильщики?»

И лейтенант рассказал о лихом разведчике, нашем общем земляке – саратовце Белоглазове, который изумительно подражал соловью. Этому он учился у саратовских соловьёв, живя в путевой будке на станции Разбойщина.

Как Белоглазов изумлял окопную аудиторию соловьиными трелями, Иголкин услышал однажды зимой на вечере самодеятельности. Об этом искусстве разведчика он вспомнил весной и ввёл в перечень сигналов для ночных действий разведчика... соловьиную песню.

Немцы – те предпочитают работать «под кукушку», и у них есть на это неплохие мастера.

Наши разведчики решили перекрыть немецкую «кукушку» русским «соловьём».

И вот каков получился результат. Некоторое время разведчики в своих ночных вылазках в тыл врага с большим успехом пользовались соловьиными трелями Белоглазова. Каждое колено, каждая трель имели своё сигнальное значение. Трели Белоглазова были для разведчиков – как для морзиста тире и точки, как для грамотного писаная строка.

А для фрицев это была лирическая грусть, мечта о Гретхен. Они жмурились, как коты, и глубоко вздыхали, когда слушали рядом

сидящего бойца Белоглазова. Но когда однажды Белоглазов перебил свою соловьиную трель очень трезвой и чёткой очередью из автомата и уничтожил при этом до десятка мечтательных фрицев и гансов, соловьиные песни приобрели непосредственно боевое значение.

С того времени немцы в каждом соловье стали подозревать разведчика, едва стоило безобидному серенькому соловью начать свою любовную соловьиную песню, как фашисты открывали по нему сосредоточенный пулемётный огонь.

В изюмских лесах соловьёв очень много. И по всему Донцу в течение многих ночей немцы глушили пулемётами песни соловьёв.

Через некоторое время запуганные соловьи смолкли, и ночью лес был мрачен и тих.

Вот почему я не был особенно обрадован, когда на обратном пути услышал первую робкую трель соловья.

Мы сильно запаздывали. Ночь застигла нас ещё в первой половине пути. Она была тёмная, безлунная. Наши кони всё так же неутомимо и неторопко вышагивали по тёмной дороге. Немцы, освещая ракетами свой передний край, отблесками неверно мерцающего света давали нам возможность различать дорогу. А в основном мы ехали наугад, по звёздам. И вот вдруг трель соловья... И я не знал, настоящий это соловей или Белоглазов в разведке.

Мы ехали долго, всю ночь. Соловьи пели. Немцы подсвечивали дорогу. На фронте было затишье. Шёл май 1943 года.

1944 год

**Михаил
Муллин**

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА БЫВАЛОВА И ЮНГИ ШМИДТА

Повесть-сказка

ПРЕДИСЛОВИЕ

Про отважного и удивительного капитана Прохора Ивановича Бывалова и его необычную команду я сначала узнал по слухам. А потом милостивая судьба столкнула меня с ним носом к носу, или, как говорят французы, тет-а-тет, в узенькой кабине лифта одной из многоэтажек портового города Архангельска.

Я его сразу узнал, хотя никогда прежде не видел. Узнал не по широким плечам и могучей груди, обычным для настоящих морских волков, и не по его мужественной «капитанской» бородке (мало ли в стране отставных капитанов с такими же?), не по матросской тельняшке даже, а по особой примете: крупной курительной трубке в зубах!

Вы скажете, при чём здесь трубка? Или подумаете, что трубка эта какая-нибудь необыкновенная? Так я вам отвечу, что она сама по себе ничем особенным не отличается

-
- Михаил Семёнович Муллин родился в 1946 году в селе Старо-Костеево Бакалинского района Башкирской АССР. Окончил Башкирский сельскохозяйственный институт. Пишет стихи, рассказы, фантастические повести. Публиковался в журналах «Литературная учёба», «Волга», «Степные просторы», «Кукумбер», «Простокваша», «Волга–XXI век» и др. Автор книг «Как перевернуть землю», «Вера», «Катамаран», «Это я устроил дождь». Член Союза журналистов России и Союза писателей России. Живёт в Саратове.

от множества подобных, кроме одного – в трубке знаменитого капитана Бывалова никогда не было табака! Ни зажжённого, ни незажжённого! На всех морях каждому давно известно, что великий мореплаватель является противником никотинового зелья и команду свою подбирает исключительно из некурящих. А трубку без табака держит в зубах исключительно как постоянное напоминание, что уж коли ты настоящий моряк, то без курения вполне обойдёшься!

Позднее капитан Бывалов поведал мне о своей родословной, которую считаю нужным привести здесь сразу, чтобы потом уже не отвлекаться от основного рассказа.

– По материнской линии я происхожу от знатного немецкого барона Мюнхгаузена, – начал он. – Прабабушка моего прадедушки была родной дочерью Синдбада-морехода. Её в своё время взял как трофей и привёз в Россию из похода со Степаном Разиным в Персию казак Бывал, от коего и образовалась моя всем теперь известная фамилия. Остальные мои предки – из северных поморов, водивших свои кочи по варяжским и аглицким морям. К деду моему поболтать о былых походах захаживал сам капитан Врунгель. Так что мой путь был давно предопределён. Ничто так меня не тянуло для приложения сил, как море. А плаваний моих не пересчитать...

Всё это знаменитейший из всех морских волков расскажет мне потом, а в кабине лифта первым, естественно, заговорил я:

– Да ведь вы – капитан Бывалов! – сказал я ему. – Я вас сразу узнал!

– Я давно привык к тому, что меня все знают, – не удивился он.

– Знать-то знают, – живо возразил я, – но обидно, что только по слухам и далеко не обо всех ваших путешествиях и подвигах. А между тем ваш богатейший опыт, будь он изложен на бумаге, мог бы стать весьма поучительным и полезным для многих странников морей и суши. Да что там – для целых поколений, как образец стойкости и находчивости в любых, даже самых безнадежных положениях!

Прохор Иваныч посмотрел на меня с любопытством.

– Вы что же, писатель?

– Некоторым образом, если позволите...

– Ваша идея понравилась мне...

Лифт в это время остановился. Оказалось, что нам выходить на одном этаже. Более того, знаменитый капитан достал из кармана ключ и вставил его в замочную скважину именно той квартиры, в которую собирался входить я.

– Но разве вы тоже в двести первую квартиру? – удивился я.

– Нет, – ответил он, – мне в сто шестьдесят пятую – я в ней живу. А двести первая, если вы в неё хотите попасть, находится в соседнем подъезде. Туда недавно новые жильцы въехали.

– Да, недавно, – согласился я, – они мои друзья. Но я очень доволен, что так ошибся и перепутал подъезды! Беру быка за рога, капитан. Назначьте уж мне сразу время нашей встречи, чтобы я мог записать ваши истории.

– Заходите хоть завтра. В это же время, если вам удобно.

– Мне удобно в любое время...

– Ну так завтра и встретимся. Только имейте в виду, что через два дня я уезжаю... Как и вы, навестить друзей. Точнее, друга. Может быть, самого лучшего, хоть и самого молодого друга. Поэтому на этот раз я не успею рассказать вам о всех или хотя бы о нескольких своих путешествиях. Но зато обещаю подробно поведать об одном, совершенном мною как раз с тем другом, которого я собираюсь навестить.

– Как же зовут этого вашего друга?

– В то время я звал его юнга Шмидт. Впрочем, на суше его теперь чаще называют Петром Николаевичем.

КАПИТАН БЫВАЛОВ ПРИНИМАЕТ СУДНО И ДАЁТ ЕМУ НАЗВАНИЕ

Первый свой рассказ капитан Бывалов начал не слишком охотно. Он даже с некоторым недоверием посмотрел на меня, почти не скрывая своего сомнения в том, что я сумею понять его правильно и уж тем более достоверно описать события. Капитан этот, как и полагаются капитанам, носил мужественную бородку и тельняшку, терпеть не мог даже самого слабого спиртного, не курил, но часто держал в крепких белоснежных зубах трубку.

– Трубка у меня как бы часть формы. Она у меня наподобие морского кортика – ведь ни один офицер кортиком ни в одном бою не пользовался, а как часть мундира – носят! Или ещё можно сказать, что моя трубка... вроде чёрных ленточек на бескозырках. Когда-то английские моряки повязали их на свои головные уборы как дань памяти и уважения своему погибшему одноглазому адмиралу Нельсону, и все матросы до сих пор их носят.

Вот и я, убеждённый противник курения, ношу эту трубку как дань уважения и памяти многим моим великим предшественникам, которые не знали, какой яд этот табак, и курили трубки.

Капитан Бывалов постучал своей всегда пустой трубкой по ладони, как бы выбивая несуществующий табак, и продолжил:

– Наше странное и удивительное путешествие началось неожиданно. Одна из новых русских фирм, или компаний, занимавшаяся, как мне помнится, заготовкой хвостов и ушей сельскохозяйственных животных и называвшаяся «Рашен энд Гиза компанейшнл», захотела необычным способом заявить о себе во всех частях света. Она построила судно для отправки его в путешествие вокруг Африки и Евразии с единственной целью: всюду, куда бы ни попало, пронести вымпел фирмы с изображением египетской пирамиды и *заходящего* за неё солнца.

Что? Как узнать, что солнце именно заходит за пирамиду, а не выходит из-за неё? Да это очень просто: если солнце находится слева от пирамиды и часть его расположена *за* пирамидой, то ясно, что оно именно *заходит*. Во всяком случае для тех, кто живёт в северном полушарии. Ведь не может же оно двигаться справа налево! Стало быть, на этом изображении оно никак не может всходить.

Вот если бы солнышко находилось справа от пирамиды или... Впрочем, сухопутным людям это трудно понять...

– Нет, почему же... – запротестовал я.

– Ну-ну! – одобрил капитан мою сообразительность и продолжил как ни в чём не бывало:

– Итак, фирма-компания построила судно, подняла на мачту свой флаг-вымпел с изображением пирамиды с солнышком и объявила о наборе команды на него. Но каждый капитан да и любой моряк, едва взглянув на это сооружение, сразу понимал, что сконструировано оно очень неудачно, а сделано непрочно! Размеры посудины были недостаточно велики, чтобы не реагировать на крупные волны, и недостаточно малы, чтобы взмывать на волне как щепка, без поломки. Напротив, при такой форме и размерах каждая приличная волна непременно бы пыталась переломить его пополам!

Приходили в порт капитан за капитаном, качали головами и говорили:

– Нам на этой полудеревянной посудине тонуть не с руки. Хотя есть один капитан – Бывалов Прохор Иванович, он и в медном тазу через океан переплыть сможет! Вот разве что он возьмётся вывести в море ваш корабль. Другим лучше и не пробовать!

Ну, владельцы компании «Рашен энд Гиза компанейшнл» кинулись меня разыскивать. А я – вот он. Только что на пенсию по случаю списания своего судна вышел... Так и так, говорит мне фирма, все на вас, Прохор Иваныч, указывают!

Я приехал в порт, взглянул на посудину, присвистнул – точная погибель! А потом махнул рукой:

– Капитан Бывалов и не на таких одрах в море хаживал!

Отставка опять же мне поперёк горла... Только вот, господа владельцы, что же это у вас корабль без названия? Нехорошо-с! Да и нельзя никак!

– А название придумать мы предоставляем самому капитану. Чтобы, значит, ему приятнее было плыть.

– Не плыть, а ходить, – поправил я их, – а название этому кораблю самое подходящее, если честно вам сказать, «Смерть в пучине». Ну да ничего! Капитан Бывалов и на нём пройдёт хоть вокруг «шарика». Но название на судне прошу приделать красивыми буквами.

– А как же назвать изволите?

– «КАШАЛОТ»! – ответил я.

– Кашалот – это, по-моему, неуклюжий и агрессивный кит с зубами. Кит-хищник! – запротестовал один из фирмачей. – Тогда уж почему бы не назвать судно «КАСАТКА»? Или хоть «ДЕЛЬФИН»?

– Что я – мальчишка, чтобы на дельфине кататься?! Что же касается яко бы неуклюжести, то в воде кашалоты очень грациозны и координированы. И в скорости превосходят не только большинство морских обитателей, но и даже иные суда! И едва ли можно назвать злым агрессором отважное животное, которое, в отличие от других китов, всегда может за себя постоять и потому просто не имеет в море врагов! Ему и акулы, и рыбы-мечи нипочём. Он даже, бывало,

китобойные суда разбивал в щепки. И поделом! Он ведь на сушу охотиться на людей не вылезит!

Да и само слово «КАШАЛОТ» звучит как-то ласкающе. Состоит из двух других замечательных слов: «каша» – прекрасная еда для моряка, и «лот» – инструмент для измерения глубины!

И вообще, «КАШАЛОТ» – это лучше и честнее, чем «КАСАТКА». И есть в этом названии что-то весёлое и даже по-хорошему смешное.

– Ну, хорошо-хорошо! – согласилась компания «Рашен энд Гиза компанейшнл». – Пусть будет по-вашему.

И вскоре на борту судна появилось замечательное, незатасканное и очень морское название, выполненное крупными, красивыми, выпуклыми буквами:

К А Ш А Л О Т.

Всё-таки надо признать, были у этой посуды и несомненные достоинства.

Поскольку доставки никакого груза никуда не предполагалось, значительная часть его корпуса была изготовлена по типу танкера, то есть снабжена надёжными перегородками и заполнена запасами топлива, достаточными для совершения едва ли не всего предполагавшегося путешествия вокруг двух континентов.

А корпус корабля по моим чертежам компания согласилась наскоро укрепить.

КАПИТАН БЫВАЛОВ НАБИРАЕТ КОМАНДУ

Потом я заключил контракт с компанией – владелицей «КАШАЛОТА». Согласно этому договору, я обязывался выйти из Архангельска, провести судно и вымпел с изображением пирамиды вокруг Евразии с Африкой, собирая сведения о возможных деловых контактах для фирмы, а компания гарантировала покрытие всех возможных при этом расходов и хорошую оплату труда всего экипажа и моего труда в особенности по окончании путешествия. Согласно контракту рекламный и естественно-научный рейс считался выполненным, какие бы изменения ни претерпело само неудачно спроектированное и не вполне надёжно построенное полудеревянное судно.

То есть мне удалось-таки перестраховаться. Команде достаточно было вернуться в любой порт России или просто к её берегам в любом месте, хотя бы на обломке мачты «КАШАЛОТА», даже на любом бревне или на чужом судне – всё равно считалось, что контракт соблюден, лишь бы только на этом бревне, судне, обломке красовался «пирамидальный» флаг компании!

Фирма-владелица настояла и на другом – странном – пункте, где подчёркивалось, что договор считается выполненным, даже если на судне (бревне, плоту и т.п.) вернётся в Россию совсем другой экипаж. Я подписал этот пункт со смехом. О, если бы я знал, к каким несчастьям это потом меня приведёт!

Решив все юридические дела, я взялся за комплектование команды. По моему объявлению в газете на «КАШАЛОТ» повалили матрос за матросом – так на них на всех подействовала моя прославленная на всех широтах и долготах фамилия! Однако, осмотрев корабль, все сколько-нибудь осведомлённые в морском деле люди разводили руками:

– Извините, капитан, но жизнь у нас одна и сокращать её на этой калоше мы не намерены.

– Это не «Калоша», – с обидой, надо признать, возражал я. – Это не «Калоша», а «КАШАЛОТ»! Странно, что вы, матросы, не видите разницы! И как вы смеете не верить мне – капитану Бывалову?

– Вам мы верим, капитан, но этой несуразной посудине, увы, не можем!

Проходил день за днём, но ни один матрос так и не отважился отправиться в море на «КАШАЛОТЕ». Те молодцы, которые уже ходили в море со мной раньше, безоговорочно пошли бы и на этот раз, но... тот по пенсионному возрасту не подходил, а другой не мог прервать уже подписанный контракт. А ведь выходить в плавание одному – никак нельзя!

И вот однажды поднялся на борт совсем юный человек, практически мальчик. Но глаза его горели такой отвагой, а сам он был таким крепеньким, что я не мог ему отказать в просьбе зачислить в команду.

К тому же и в морском деле он уже немного разобрался: морскую школу с отличием окончил. Звали его Пётр Шмидт. И тяга его к морским путешествиям была наследственной – прадед юноши происходил из поволжских немцев и служил бакенщиком в Саратове.

– Ну что ж, – сказал я молодому человеку, – зачисляю тебя на борт «КАШАЛОТА» юнгой! А не побоишься отправиться в плавание, если никто другой больше не согласится? Справимся мы с тобой вдвоём?

– Так точно! – отчеканил юнга. – При хорошем капитане в любое путешествие можно отправляться и с одним юнгой!

– Молодец, юнга Шмидт, – похвалил я его, – правильно мыслишь: при хорошем капитане всю команду может заменить один юнга!

– Так точно! – ответил юнга. – А вы – лучший капитан, уж я про это давно наслышан!

– Ну что ж, – повторил я, – при умелом капитане и юнга – команда!

Само отплытие фирма «Рашен энд Гиза компанейшнл» обставила помпезно. Был оркестр, цветы, теле- и прочие журналисты. Множество раз во всеуслышание была объявлена сумма нашего вознаграждения, по правде сказать, очень недурная.

Потом, говорят, телеролик о нашей отправке в путешествие многократно показывали по всем телеканалам, что послужило быстрому взлёту авторитета и популярности фирмы по заготовке хвостов и ушей сельхозживотных и обрушило в её подставленные мешки золотые ливни.

Провожающих было множество. Все ликовали и желали нам ни пуха ни пера и семь футов под килем.

И только одна парочка в толпе мне очень не понравилась. Всё чего-то вынюхивала-высматривала. И даже как будто в шутку парочка эта попыталась проникнуть на «КАШАЛОТ» и спрятаться там в трюме. А я взял шутников за уши – да и вывел с борта по трапу на причал.

Народ расценил это как шутку, а у меня под сердцем появился неприятный холодок дурного предчувствия. Да и сама эта парочка была весьма неприятной: один тип – ярко-рыжий, на деревянном протезе вместо ноги и с перевязанным глазом, а у другого на голове была повязана косыночка, он, видать, дня три не брился и насквозь пропах водкой.

Так что, удалив их с борта, мы с юнгой Шмидтом сочли за благо повнимательнее осмотреть всё судно и, лишь не обнаружив там больше никого, облегчённо вздохнули.

Так мы и вышли в своё удивительное путешествие.

ПОЛОМКА РУЛЯ

Плавание началось вполне благополучно. Под звуки оркестра и залпы салюта из пушек «КАШАЛОТ» вышел из Архангельска, миновал горло Белого моря и успешно направился по Баренцеву морю на норд-ост. Двигатель работал нормально, значительного волнения не наблюдалось. Всех забот-то было у нас суметь не столкнуться с каким-нибудь случайным айсбергом. Так что мы рассчитывали очень скоро обогнуть Швецию и Норвегию и резко уйти к югу, то есть, как говорят моряки, на зюйд, чтобы избавиться от холода.

Однако, пытаясь обогнуть крупную льдину, оказавшуюся впереди по курсу, юнга Шмидт, стоявший на вахте, обнаружил, что руль, точнее, штурвал, не поворачивается.

– Серьёзная поломка, капитан! – доложил он.

– Отставить панику, юнга! – приказал я. – Держите штурвал, а я обследую руль.

Обследование показало, что сорвана заклёпка рулевой тяги. Рядом с ней, прикрытые канатами, валялись зубило и молоток! Поэтому я сразу сообразил, что это «работа» тех двоих неприятных типов, пытавшихся спрятаться в нашем трюме. Они, воспользовавшись шумом оркестра, надрубили заклёпку. А когда услышали, что я иду к ним, сообразили, что ни вынести своего инструмента, ни выбросить его за борт не успеют, и спрятали зубило и молоток под скрученные пеньковые канаты. Злодеи рассудили, что в пути заклёпка лопнет и без управления корабль в северных морях обречён на верную гибель.

Однако поворачивать вправо наше судно могло. И в этом был единственный выход.

– Штурвал на румб вправо! – скомандовал я.

– Есть! – ответил юнга. – Однако я не понимаю, капитан, что это за странный манёвр. Вы хотите направить судно к Северному полюсу?

– Нет, юнга. – Я показал моему юному спутнику карту. – Постепенно забирая к северу, мы по плавной кривой попадём на норвежский остров Шпицберген. А там есть мастерские и механики, кузницы и кузнецы. Там мы и заменим заклёпку на болт с гайкой – и отправимся дальше по намеченному курсу.

Вскоре «КАШАЛОТ», хоть и не в самом подходящем месте, пристал к острову Шпицберген. Точнее, не рискуя распороть днище о прибрежные подводные камни или сесть на мель, мы бросили якорь в безопасном месте и на шлюпке отправились на берег, дальше пешком – к ближайшей (милях в двух от берега) кузнице.

Юнга Шмидт, неплохо говоривший по-немецки, быстро сумел объяснить норвежцу-кузнецу, что требуется. И бородатый гигант кузнец очень быстро изготовил болт и гайки нужного размера. Передавая их нам, он вдруг заметил:

– Сегодня двое русских уже заказали мне точно такой же болт и точно такую же гайку! Странное совпадение!

– Какие двое русских? – забеспокоился я.

– О! Господин капитан тоже говорит по-немецки! – обрадовался норвежец.

– И по-норвежски тоже! – ответил я ему уже на его родном языке.

– Те двое русских были необычными, – пояснил кузнец. – Один... рыжий, как огонь в моём горне, с перевязанным глазом и на деревянной ноге. А его друг – небритый, в красной косынке и пахнет шнапсом!

– Да это же те самые злодеи! – догадался юнга Шмидт.

– Натюрлих, злодеи! – подтвердил норвежец. – Они пошли к тому месту берега, откуда сюда шли вы, только по другой дороге.

– Да ведь эти негодяи – настоящие пираты! – воскликнул юнга Шмидт. – Они явно хотят погубить нас или... украсть наш корабль!

– Натюрлих, украсть! – согласился норвежец. – Они уже, наверное, его украли. Но, может быть, их удастся догнать, если сразу обратиться в полицию.

– Так скорее сообщите в полицию! – попросил я кузнеца. – А мы с юнгой бегом кинемся к берегу!

– Зачем бегом?! – возмутился добрый норвежец. – Вот мой джип. Только сначала всё-таки позвоним в полицию.

Он прямо из кузницы набрал номер телефона полиции и указал дежурному, где находится наш «КАШАЛОТ».

Мы, все трое, вскочили в джип, и машина рванулась к берегу. Выпрыгнув из машины, мы бросились в свою вёсельную шлюпку и уже из неё увидели, как двое наших знакомцев в панике спускались с борта «КАШАЛОТА» в быстроходный бот. Едва мы начали грести, как на боте завизжал мотор – и пираты с невероятной скоростью исчезли за каменистыми уступами Шпицбергена. Тут же мы поняли причину их бегства: с другой стороны по звонку кузнеца к нашему «КАШАЛОТУ» так же стремительно нёсся норвежский полицейский катер.

Когда я, юнга Шмидт и кузнец поднялись на борт нашего судна, норвежские полицейские уже обыскали его вдоль и поперёк.

– Никаких пиратов здесь нет, – развели они руками.

Мы показали полицейским, в каком направлении скрылись наши злодеи и описали их приметы.

– Там берег так изрезан, что найти их едва ли удастся, – посетовал старший полицейский, – а приметы... думаю, что они меняют облик. Разве что запах шнапса останется... Но мы, конечно, объявим розыск по всему острову!

Мы с юнгой снова тщательно осмотрели судно, выясняя, не оставили ли ещё каких «сюрпризов» незваные гости. И кузнец первым обнаружил, что разбойнички, намереваясь угнать судно, уже починили его рулевое управление, надёжно закрепив тягу болтом с гайками.

– Не пригодится вам моя работа! – сказал на это норвежец. – Напрасно входили в расход.

– Ничего, – ответил я, – пусть второй комплект будет запасным – в пути и болт пригодится!

Юнга Шмидт между тем осмотрел судно снаружи и ужаснулся произведённым пиратами изменениям. Злодеи успели срубить в названии «КАШАЛОТ» букву «Т», слог «ША» перенесли в конец слова, а «ЛО» поставили в середину. Получилось, что теперь наша посудина, с которой последние приключения нас уже сроднили, называется

«КАЛОШ А»!

Я, как вы знаете, старый морской волк. Из любых передрыг выходил не моргнув глазом, а тут, стыдно признаться, чуть не заплакал от обиды. Вместо гордого «КАШАЛОТА» командовать какой-то «КАЛОШЕЙ» – перспектива не из лучших.

– Да зачем же они название изуродовали? – чуть ли не рыдал юнга.

– Да чтобы скрыть, что судно краденое, – объяснил полицейский, – мы бы на весь мир объявили: «Украдено судно «КАШАЛОТ» – им бы нельзя было показаться ни в одном порту мира и даже попасться на глаза встречному судну. А так... все ищут «КАШАЛОТА», и никто не обращает внимания на «КАЛОШУ». На «КАЛОШЕ» можно плавать куда угодно!

– Не плавать, а ходить, – поправил я сухопутного полицейского.

– А уж ходить в «КАЛОШЕ» – и подавно! – согласился он.

– Да нет ли у вас версии... – спросил другой полицейский, – версии причины настойчивого преследования «КАШАЛОТА»?

– Чего тут гадать! – объяснил ситуацию я. – Они слышали, какую кругленькую сумму компания «Рашен энд Гиза компанейшнл» собирается отвалить тем, кто завершит этот рейс. Пронюхали они и о странных пунктах контракта, по которым баснословные денежки вручаются тому экипажу, который вернётся на этом судне, каким бы этот экипаж ни был!

– Странный контракт! – удивился норвежский полицейский. – Вас, русских, нам, видимо, действительно никогда не понять! А впрочем, до свидания.

– Счастливого пути!

Мы простились с норвежцами и теперь уже уверенно взяли курс на зюйд-зюйд-вест – к тёплым морям.

Восстановить прежнее название корабля по причине утраты буквы «Т» мы не могли. Тем более что из оставшихся букв других осмысленных слов, кроме «калоша», никак не получалось.

Зато я был доволен тем, что первое боевое крещение мой юнга выдержал с честью. Сам юнга Шмидт был таким происшествием очень воодушевлён и очень доволен.

Вот только о смене названия корабля он сокрушался:

– В прежнем названии есть что-то весёлое и даже по-хорошему смешное, – повторил он мои слова. – «КАШАЛОТ» – возбуждает жажду подвига и тонизирует организм даже в самый тоскливый день. А теперь получается, что мы с вами, капитан, сели в калошу!

– Ничего, юнга. С хорошим капитаном при любом названии судна можно идти в море!

– Это точно, – согласился юнга, – с вами, капитан, я готов отправиться в плавание даже на «КАЛОШЕ»!

Юнга Шмидт всё больше нравился мне. Он был явно рад приключениям и никогда не терял присутствия духа.

ЗАДЕРЖКА НА АЗОРСКИХ ОСТРОВАХ

Капитан Бывалов постучал пустой трубкой по ладони, налил мне и себе по чашечке превосходного чаю. Затем, видимо, собрался с мыслями и продолжил:

– Мы с юнгой Шмидтом успешно обогнули Европу и, наверное, направились бы к западному побережью Африки, но между Португалией и Америкой неожиданно наша рация приняла сигнал «SOS». Сигнал был однократным, и мы не успели даже запомнить точные координаты корабля, терпящего бедствие. Однако получалось, что бедствие происходит где-то правее от нас, в стороне Азорских островов.

Ни секунды не колеблясь, мы изменили курс и к ночи приблизились к какому-то острову. Возможно, это был Сан-Мигел. В сумерках мы увидели сигнальные огни на пустынном берегу, а затем и людей, размахивающих факелами. Они явно просили нас о помощи.

– Странно, – сказал на это юнга Шмидт, – Сан-Мигел – большой остров, людям на нём не может грозить опасность. Скорей уж какое-нибудь судно могло бы попросить помощи у островитян!

– Но, может быть, – предположил я, – они близко отсюда потерпели кораблекрушение и выбрались на пустынный берег, не зная о том, что остров велик и густонаселён?..

– Как хотите, капитан, – возразил юнга, – но мне эти мореходы кажутся очень подозрительными!

– Ну, юнга, – устыдил я своего спутника, – если тебя надули какие-то проходимцы на Шпицбергене, то нельзя же теперь всю жизнь людям не доверять!

– Как скажете, капитан!

– Вот именно! – одобрил я.

Мы бросили якорь, спустили на воду шлюпку и погребли к потерпевшим бедствие.

Причалив, мы увидели, казалось, вполне приличных растерянных и обрадованных людей. Они ухватили нашу лодку и помогли нам с юнгой выбраться на берег.

– Ура спасителям! – кричали некоторые из них.

– Наш корабль разбился в щепки в миле отсюда во время вчерашнего шторма, – говорили другие, – вся команда погибла, а мы, пассажиры, чудом спаслись. Не возьмёте ли нас на борт? Нам всё равно, куда вы плывёте – что в Америку, что в Европу, что в Африку, – нам бы только попасть на материк.

– Что-то не слышал я вчера ничего об этом шторме, – снова засомневался юнга Шмидт, – вспомните, капитан, ведь море было довольно спокойным! И по радию не было никаких предупреждений...

– Может быть, пронёсся местный смерч... – предположил я.

Людей у костра было пятеро.

– Здесь все, кто спасся? – поинтересовался я.

Потерпевшие бедствие замаялись. Потом один из них сокрушённо сказал:

– Там, в леске, находятся ещё двое. Они тяжело ранены, и мы спрятали их от солнышка в тень. Сейчас мы их доставим сюда...

– Мы пойдём с вами! – решительно возразил я.

Юнга и я в сопровождении пятерых потерпевших кораблекрушение вошли в лес – и тотчас со всех сторон на нас накинута толпа явных разбойников. В мгновение ока на нас набросили сети и потом связали по рукам и ногам. После этого из-за деревьев вышла недобрая парочка наших давних знакомцев: рыжий, с перевязанным глазом и деревянной ногой, и его приятель, не бритый всё те же три дня.

– Ну, – произнёс рыжий, который, видимо, был у них главным, – теперь «КАЛОША» наша, и, стало быть, нашими станут денежки, обещанные компанией тому, кто приведёт судно к берегам России.

– Урра-а-а! – радостно завопили остальные пираты. – А что делать с этими? – указали они на нас.

– А посадите их на кол! – хохотнул главный злодей. – Только не здесь – у меня душа добрая, я видеть не могу человеческих мучений! Эй, Фунт! И ты, Жердь! Отведите их подальше и сделайте, что я приказал!

Из толпы вышли двое пиратов самого мрачного и глупого вида. Они повели нас с юнгой подальше от «чуткого сердца и доброго глаза» своего предводителя.

На изрядном расстоянии от берега Жердь (что это он, я понял по его высокому росту и тощей фигуре) спросил у Фунта:

– Ты когда-нибудь сажал пленников на кол?

– Никогда, – ответил тот неожиданно юношеским, почти детским голосом, – я даже не знаю, как это делается и что это такое.

– И я не знаю, – сокрушённо признался Жердь. – Как же нам в точности выполнить приказание? Ведь за послушание главарь жестоко накажет нас!

– Непременно накажет! – поддержал я страхи разбойников.

– Так, может, ты, умник, и знаешь, как сажать на кол? – с надеждой обратился ко мне Фунт.

– Конечно, знаю, – охотно ответил я, – не раз сам сажал.

– Научи, – попросили пираты, – а мы тебе за это... ну хоть вот этот нож дадим.

– Идёт! – ответил я. – Посадить на кол означает привязать пленника к колу крепкой верёвкой. Верёвка должна быть короткой, чтобы он дальше трёх-пяти шагов не сбежал.

– Лихо! – сказал один из разбойников. – Вы же здесь с голоду умрёте!

– Так ради этого, собственно, и сажают на кол, – поддержал я расстроенным голосом, – чтобы, значит, привязанный пострадал-помучился...

– Хорошо главарь придумал! – одобрили разбойники Фунт и Жердь.

Они снова связали нам руки и ноги, вбили в землю кол, привязали нас с юнгой к нему и, довольные, ушли к своим собратьям.

– А как же нож, который вы обещали подарить капитану?! – возмущился юнга вслед Фунту. – Так нечестно!

– Ну что ж, твоя правда, – согласился тот и бросил свой нож к нашим ногам. – Берите, если сможете, всё равно у вас руки связаны!

Довольные тем, что выполнили распоряжение главаря, пираты удалились, а мы с юнгой, вдоволь насмеявшись, вдруг поняли, что положение наше, может быть, не так уж хорошо. Ведь оказалось, что кисти рук у нас так скручены верёвками, что взять нож руками мы никак не можем.

Однако вскоре юнге Шмидту, как более тонкому и гибкому, удалось схватить нож зубами. Нож, к счастью, оказался довольно острым, и юнга, хоть и с большим трудом, перерезал верёвки на моих руках. Ну а мне уж потом ничего не стоило освободить сначала руки и ноги юнги, а потом и собственные ноги.

Теперь нам оставалось только освободить свой корабль, если он, конечно, не отбыл уже в неизвестном направлении.

АБОРДАЖ «КАШИ»

Захватили мы с юнгой Шмидтом по куску верёвки, которой только что были связаны, и, соблюдая все возможные меры предосторожности, перебегая от дерева к дереву, приблизились к берегу. Наша «Калоша», к счастью, всё ещё стояла на якоре. А вся шайка пиратов шумно пировала на берегу у костра.

Пытаться атаковать их вдвоём при свете дня было бы безумием. И мы решили подождать наступления темноты, тем более что до ночи оставалось немного времени. Из реплик пиратов, доносившихся до опушки, легко было понять, что раньше следующего утра они в плавание не пойдут. Так что за «Калошу» до утра можно было не беспокоиться.

Самое интересное, что мы обнаружили при нашем наблюдении, это то, что главарь пиратов вовсе не был безногим! Деревянная нога лежала неподалёку от этого разбойника, в то время как он лихо отплясывал «Барыню»!

Наш знакомый Фунт, восхищённо глядя на своего повелителя, спросил:

– Так ты не... хром, Ванай?!

– Иногда же нужно быть здоровым! – хохотнул главный злодей.

– А может быть, ты и не крив, – уточнил Жердь, – ведь прежде ты носил повязку на правом глазу, а теперь – на левом?.. Стало быть, ты видишь обоими глазами?

– Или обоими не вижу! – веселясь, пошутил главарь, которого, как мы теперь уже знали, зовут Ванаем.

– Да, верно, – смутился Жердь, – как же я сразу об этом не догадался?!

– Я не хром, и не крив, и не слеп, – пояснил Ванай. – Повязка и деревяшка вместо ноги – это у меня... как бы форма матёрого пирата. Фирменные знаки отличия, как погоны у военных или передник у дворника.

– Значит, ты – *форменный* пират! – догадался Фунт.

– Именно так.

Между тем наступила темнота, и предусмотрительный главарь разбойников, прицепив деревянную ногу и перевязав на этот раз опять правый глаз, приказал Фунту и Жерди отправиться к опушке, где прятались мы с юнгой Шмидтом, и встать в караул. А двум другим разбойникам приказал отвезти себя на нашу «КАЛОШУ».

Фунт и Жердь приблизились к нам и уселись на ворох листьев в двух шагах от нас. Но их, да ещё в темноте, мы могли уже не бояться. К тому же я был вооружён пиратским ножом, а юнга Шмидт – изрядной крепости дубиной. Однако мы не обнаруживали себя, чтобы не поднять шума, на который могли бы сбежаться все пираты.

Вместе с тем мы продолжали следить и за берегом, и за морем. Поэтому видели, что пираты, на лодке доставив Ваная на борт нашего судна, вернулись на берег и подсели к костру.

– Слушай, – сказал между тем Фунт Жерди, – Ванай приказал нам с тобой стоять в карауле, а мы с тобой сидим! Ведь он же нас за это на реях повесит!

– А как же он увидит в такой темноте, что мы сидим? – возразил Жердь. – Мы завтра скажем ему, что стояли!

– Это верно! – обрадовался Фунт. – А всё же для безопасности я немного пройду по опушке... – И, помолчав, добавил: – Как ты думаешь, Жердь, верно говорят, что именно на этой опушке спрятаны бриллианты капитана Флинта?

– Дело верное!

– Так, может, нам их стоит сейчас найти?

– Ишь ты – губы раскатал! Было б можно, давно бы их до тебя выкопали.

– Да почему же нельзя-то?

– Заклятье на них! Вот если сам по себе огонь в воздухе появится... маленький такой огонёк... да поведёт за собой – тогда и можно найти!

И тут как раз прямо перед носом Фунта пролетел светлячок.

– Огонёк! – обрадовался он. – Ведёт! Ты тут пока посиди, а я узнаю, где клад закопан, и позову тебя.

– Только ты не зажьешь клад! – сказал Жердь.

Фунт в полной темноте пошёл за светлячком прямо на нас. И тут уж я проявил свою силушку в полной мере. Одной рукой обхватил пирата так, что он не мог и пошевелиться, а второй – забил ему в рот кляп. А юнга заботливо связал его по рукам и ногам остатками той верёвки, которой был связан когда-то сам.

Вскоре Жердь начал беспокоиться, что от Фунта нет ни слуху ни духу, и закричал:

– Фу-у-унт! Где ты-ы-ы?

Фунт, естественно, не отвечал.

Жердь снова закричал:

– Фу-у-унт! Нашёл клад?

И тут мой юнга, старательно подражая пирату, приглушённо ответил Жерди:

– Нашё-о-о! Тяжеле-е-нный! Нам с тобой вдвоём и не поднять! Зови на помощь всю вата-а-гу!

Жердь возбуждённо вскочил, начисто забыл про дисциплину и, не чуя под собой ног, ринулся к костру.

В это время мы вытащили своего пленника на опушку, чтобы при свете дня сотоварищам его легче было обнаружить, отнесли для верности шагов на полста в сторону, чтобы кладоискатели не наткнулись на него в темноте раньше времени. А сами снова спрятались.

Вскоре жадная толпа пиратов с факелами пронеслась мимо нас. У костра не осталось ни одного человека. Так что мы с юнгой Шмидтом беспрепятственно сели в шлюпку, добрались до корабля, и юнга постучал по борту своей дубиной.

Послышалось недовольное ворчание главаря Ваная вперемешку с угрозами:

– Кого там чёрт принёс?!

Мы молчали, готовясь к abordажу.

– Ну, – продолжал Ванай, – кто посмел меня – Ваная – разбудить?! А, это ты, должно быть, мой лучший, всегда три дня не бритый друг? Опять набрался рому так, что лыка не вяжешь?! Утопить тебя мало! Однако ведь ты и в самом деле можешь утонуть! А... Выпадешь из шлюпки – и поминай как звали! Нет, я не допущу несчастного случая на производстве! Сейчас сброшу верёвочную лестницу и попробую тебя втащить на борт...

Просвистела верёвочная лестница. Главарь спустился за своим загадочным другом.

– Руки вверх! – скомандовал я.

Ванай с недоумением уставился на нас с юнгой, узнал нас и рухнул на колени.

– Не губите!

– Тихо, – приказал я, – ни звука! До берега без лодки доплывёшь?

- Да-а-а, я хорошо плаваю.
- Ну так искупайся. После пира это очень кстати.
- Благодарю вас! – пролепетал главарь шайки и бросился в воду.

Мы подняли на борт шлюпку и снялись с якоря, не дожидаясь рассвета.

И лишь с наступлением дня мы тщательно осмотрели корабль – и обнаружили, что плывём на совсем другом судне! Оказалось, что Ванай на судне не терял времени и, чтобы ещё раз запутать следы и ввести в заблуждение встречные суда, заставил сопровождавших его пиратов снова заменить название корабля. В темноте многого сделать они не могли, но две средние буквы с борта срубили. И теперь наше многострадальное судёнышко называлось

«КАША»!

На прощание я окинул взглядом ещё видневшиеся горы острова Сан-Мигел и тепло отозвался о его могучих дубах, которые помогли нам перехитрить пиратов Фунта и Жердь.

– Знаешь, юнга, для полного счастья в море не хватает тени от дубов!

Юнга, как позже выяснилось, запомнил эти слова, едва не ставшие для него роковыми.

Впрочем, пока «КАША» вполне благополучно двинулась в заданном направлении.

ОСЬМИРУК

Однажды мы с юнгой Шмидтом сделали великое научное открытие. Мы обнаружили, что в морских водах водится очень опасное животное – ОСЬМИРУК. Да, да – не осьминог, а именно осьмирук!

Мы зашли на своей «КАШЕ» в небольшую бухту удивительно красивого южного острова, чтобы пополнить запасы пресной воды, что вскоре благополучно и сделали. Но остров нам так понравился, что мы единодушно решили отдохнуть на нём с недельку. После длительного морского плавания захотелось размять ноги на твёрдой земле и заодно ознакомиться с тамошней флорой и фауной.

Лазурная бухта во многих прибрежных местах оказалась неглубокой, и сквозь прозрачную воду хорошо просматривалось каменистое дно с многочисленными ямами, подводными скалами, расщелинами.

Водоросли самых необыкновенных расцветок – от бирюзовой до карминной, от синей до оранжевой – лениво шевелящимися гирляндами, кистями, ветвями манили к себе. Среди них, как в сказочных садах, плавали диковинные рыбки. А кое-где валялись замысловато витые раковины громадных размеров. Вот одна из таких раковин чуть было не стала для юнги Шмидта причиной непоправимой беды. Но она же и помогла нам сделать наше выдающееся научное открытие.

Как только юнга увидел эту красавицу, так решил, что лучшего сувенира в этих широтах ему уже не найти. И, с моего, разумеется, разрешения, надел акваланг и нырнул за раковиной.

И он уже подобрал эту прелесть, как вдруг из-за густо-фиолетового куста водорослей вытянулась ещё одна водоросль, которая схватила юнгу Шмидта за ногу. Юнга дёрнул ногой – но водоросль не отпускала её. Наоборот, из-за того же куста упруго протянулась ещё одна водоросль и обвила юнге другую ногу.

Я видел всё это с борта «КАШИ», но никак не мог понять, что же происходит. И вдруг всё стало ясно. Когда из-за фиолетового подводного куста появилось ещё шесть щупалец, я понял, что на моего юнгу напал чудовищный спрут. Вскоре он весь оказался на виду – и даже я, выдавший виды и совершенно бесстрашный, на некоторое время одеревенел и потерял способность мыслить, то есть принимать правильные решения.

Гигантский спрут, обычно называемый профанами осьминогом, уверенно потащил юнгу Шмидта в свою нору-расщелину, видимо, намереваясь им пообедать. Своими жуткими щупальцами с многочисленными вакуумными присосками спрут действовал так ловко, что я и сделал упомянутое великое открытие: эти его щупальца на самом деле не ноги, а руки! И правильнее осьминога называть не осьминог, а осьмирук.

Схватка между спрутом и несогласным с ним юнгой Шмидтом была отчаянной. Юнга колотил разбойника по единственному, что у него есть, кроме ног-рук, – по голове. Ведь недаром же спрутов называют ещё головоногими. Вот юнга Шмидт и колотил врага раковиной по голове изо всей силы. А кровожадное животное оказалось мастером на все руки, то есть на все восемь рук! Всеми этими вьющимися, как змеи, руками оно било юнгу и старалось обвить его и сжать в смертельных объятиях.

Юнга оказался храбрым, но силы были явно не равны, потому что у юнги было только две руки, а у осьминога, то есть осьмирука, – целых восемь. В четыре раза больше! Если бы у юнги было десять рук, он бы, конечно, успевал отбиваться. Зато голова у юнги Шмидта оказалась лучше, чем у этого страшного головоногого, простите, головоруккого: у входа в расщелину мой юный и замечательный спутник умудрился упереться в её края ногами – и спруту никак не удавалось втянуть его в свою пещеру-дом.

Но тут коварное чудовище догадалось обвить своей страшной рукой шею юнги, и, если бы я не опомнился, трудно даже предположить, что могло бы произойти дальше. Но я, к счастью, опомнился и, нацепив на себя акваланг и схватив в руки топор, ринулся на помощь своему юному бесстрашному, но недостаточно опытному другу. Через две секунды я уже рубанул спрута по той змееподобной руке, которой он пытался душить юнгу Шмидта. Но если вы думаете, что я отсёк её, то глубоко ошибаетесь! В воде топором махать – это вам не в воздухе! Топор здесь движется гораздо медленнее, поэтому перерубить ужасное щупальце мне не удалось. Но зато я поранил эту руку осьмирука. Из раны даже пошла голубая (да, да – у спрутов она именно голубая!) кровь. Хищник мгновенно отдёрнул её, точнее, свил, как змею, и поджал к своей голове. Но другие щупальца, как бы независимо от явно озадаченной голо-

вы, продолжали сжимать моего юнгу, прилипали к нему присосками и затягивали его в тёмную пещеру.

Но теперь соотношение сил несколько изменилось. У спрута было только семь здоровых рук, а у нас с юнгой – четыре. Да плюс к тому мой топор – раковина юнги к тому времени уже была разбита вдребезги о голову осьмирука. Итого пять против семи. Плюс к тому наши ноги. Вспомнив про них, я так двинул ногой по спруту, что тот от неудовольствия даже отскочил от входа в пещеру. Тогда я стал отрывать от юнги щупальца, помогая себе своим топором. Правда, бил я по ним уже не остриём, а обухом – что ни говори, а к могучему головному у меня уже появилось какое-то уважение! Так, должно быть, уважают врага.

Тут уж и юнга пустил в ход свои освободившиеся ноги – и так напододал противнику, что тот сначала с неудовольствием поджал все свои щупальца, а потом вытянул их – и пустился наутёк. И хотя он пытался убедить нас, что является осьминогом, потому что, унося ноги, пустился прочь со всех ног, но мы-то уже знали, что это не осьминог, а самый что ни на есть настоящий осьмирук!

Потом упорный юнга Шмидт всё-таки нашёл себе другую изумительную раковину, и только тогда мы с ним вместе поднялись на борт нашей славной «КАШИ».

Там я спросил юнгу, знает ли он, с кем ему довелось схватиться в смертельной борьбе. Он ответил:

– Конечно! Осьминоги, точнее, осьмируки – умнейшие из морских обитателей. Недаром их ещё называют приматами моря!

Капитан Бывалов затянулся трубкой без табака и после паузы добавил:

– Но я считаю, что это неверно и даже, может быть, оскорбительно для этих умных животных. Во всяком случае я никогда не слышал, чтобы спруты или прочие осьмируки выражались матом! Уж скорее приматами моря можно назвать некоторых невоспитанных боцманов, шкиперов и горе-капитанов, которые действительно всегда при мате! То есть используют неуставную, нецензурную лексику.

ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ НА МОРСКИХ КОНЬКАХ

Седьмой день нашего путешествия выпал на воскресенье. У сухопутных людей в этот день принято отдыхать. Этого, между прочим, и Священное Писание требует, и душа! К тому же мой юнга Шмидт – человек, хоть и отважный и очень трудолюбивый, но всё-таки очень молодой, ему требуются отдых, развлечение, культурная программа.

– Юнга Шмидт, – спросил я его, – как ты развлекался на суше? Было у тебя хобби?

– Так точно! – ответил юнга. – Простите, капитан, но развлечение у меня было... недостойное моряка: я занимался фигурным катанием.

– Прекрасное занятие для моряка! – возразил я ему. – Развивает координацию, чувство равновесия и глазомер. Эти качества очень важны для каждого морского волка, особенно при качке, при шторме.

ме. Должен тебе признаться, юнга, я ведь и сам в молодости катался на коньках!

– Это же так прекрасно! Так здорово, – мечтательно вспомнил юнга, – надеть коньки – и со свистом по льду! А потом... закружиться в пируэте!

– Конечно, – добавил он, – морское путешествие – куда интереснее, и единственное, о чём я жалею, что в море нельзя заниматься фигурным катанием. Нет ни льда, ни коньков.

– Прекратите панику, юнга! – ответил я. – Мы сегодня же займёмся фигурным катанием на коньках! Глуши двигатель, юнга Шмидт, ложимся в дрейф!

Юнга остановил двигатель. «КАША» тоже остановилась, точнее, легла в дрейф. И мы опустили за борт лот. Это, чтобы вы знали, такой прибор для измерения глубины. Глубина, как и утверждали морские карты, оказалась весьма небольшой. Поэтому я решил даже отказаться от дрейфа, и бросил якорь. Якорь вскоре лёг на дно, и наша «КАША» остановилась по-настоящему.

Штиль был полный – на море не было ни морщинки, и оно казалось голубым зеркалом. Однако, если присмотреться внимательнее, это «зеркало» кое-где пузырилось белыми бурунчиками – это вокруг резвились забавные существа – морские коньки.

– Красиво играют! – восхитился юнга Шмидт.

– Подготовьте сеть, юнга! – скомандовал я.

Юнга расторопно достал из трюма рыболовную сеть.

Морские коньки между тем совсем перестали бояться судна и начали резвиться прямо у борта бывшего «КАШАЛОТА», бывшей «КАЛОШИ» и теперешней «КАШИ». Они ведь животные не только очень весёлые, но и очень любознательные – весьма их наше судно заинтересовало!

Вот тут-то я и отдал юнге Шмидту вторую команду:

– Забрасывай сеть, юнга!

Сам я, разумеется, помог ему сделать это наилучшим образом – так что, когда мы подняли рыболовную снасть на борт, в ней оказалось в аккурат четыре замечательных красавца-конька!

Я взял двух покрупнее (соответственно своему весу) и, свесив ноги за борт, привязал морских коньков к подошвам своих ботинок. После этого ступил ногами на воду – и помчался по гладкой поверхности моря на коньках! На морских коньках. Освоившись с техникой такого катания, то есть как бы укротив двух морских коньков, я начал выполнять всевозможные движения обычного фигурного катания, как это делают настоящие фигуристы на льду.

– Делай как я, юнга! – крикнул я, пролетая мимо кормы «КАШИ», или бывшего «КАШАЛОТА».

– Но я не понимаю, капитан, как вам это удаётся?! – изумился юнга Шмидт. – Почему морские коньки не разъезжаются в разные стороны? И почему они просто не ныряют вглубь от вас... то есть вместе с вами? Ведь тогда бы вам пришлось утонуть... или... сбросить с ног ботинки!

– Но это же так просто, дорогой Шмидт! – не по уставу ответил я этому славному юноше. – Разъезжаться в разные стороны я им просто не позволяю, удерживая ноги параллельно, а нырять... Они бы и рады нырнуть, да только ведь и я не промах – как только морской конёк захочет погрузиться поглубже, я его немедленно ногой и выдёргиваю из воды! Так что они уже всё поняли и даже не рыпаются больше.

Сообразительный юнга немедленно «обул» оставшихся коньков и уже через полминуты восхищал меня пируэтами, двойными тулупами и акселями – фигуристом он оказался, надо признать, куда лучшим, чем я!

Позднее, когда об этом эпизоде рассказали почти все газеты мира, всевозможные общества защиты животных обвиняли нас в жестокости по отношению к морским конькам.

На это могу только сказать, что обвинение безосновательное и даже глупое. Это была взаимная игра. Ведь не ругают же любители животных людей за то, что они катаются на дельфинах, лошадях или верблюдах!

А нашим морским конькам развлечение очень понравилось – они, убедившись, что никакого вреда, кроме удовольствия, им не будет, выстроились в очередь у борта «КАШИ» и даже сами начали подплывать под наши ботинки, чтобы мы с юнгой их «запрягли»!

А потом эти умные и общительные животные ещё долго сопровождали наше судно. И мы с юнгой Шмидтом довольно часто развлекались по выходным катанием на морских коньках. И развлекали морских коньков!

И я бы даже скаламбурил, что теперь морской конёк – это мой конёк!

УКРАЛИ «КАШУ»

Слева по борту величественно проплывала Африка. И юнга Шмидт, мечтательно посмотрев на буйную растительность континента, попросил:

– Капитан, а почему бы нам не зайти на чёрный континент?

– Ну что ж, юнга, раз ты хочешь, сделаем привал. Только не здесь, где расположена Западная Сахара, а чуть подальше, у островов Зелёного Мыса.

Мы выбрали на глаз небольшую бухточку, на большинстве карт даже не обозначенную, и, пользуясь тихой погодой, причалили.

Чернокожие туземцы встретили нас очень радушно, к восторгу юнги, показали нам все свои достопримечательности.

– К нам редко прибывают люди со стороны, – говорили они по-английски, – и мы каждому рады. Но сейчас второй раз подряд приплывают белые. Первых привёз на вёслах наш местный разбойник Бимбо вчера. И лишь когда вы направили свой корабль к берегу, белые попросили отвести их вон на ту гору для научных исследо-

ваний. Знакомство с вами они отложили на завтра. Мы непременно устроим вам встречу.

– Ну что же, юнга, – сказал я после этого, – придётся, видимо, задержаться здесь до завтрашнего дня. Уходить сейчас в плавание, получается, невежливо. Да и очень мне интересно взглянуть на учёных, которым покровительствует разбойник!

Юнга обрадовался – и до вечера ознакомился с бытом и обычаями сенегальских негров и любовался в саванне львами и слонами.

Однако ночью в хижину, где мы с юнгой расположились на ночлег, вбежали взволнованные туземцы и затараторили:

– Белые, которых привёз разбойник Бимбо, возможно, и сами разбойники! Они уже поднялись на ваш корабль! Добрые люди так не поступают! Без разрешения хозяев не лезут на борт!

Мы в сопровождении негров немедленно отправились к берегу. Наше судно уже отчаливало!

– Берите мою лодку, – закричал один из чернокожих сопровождавших, – и догоняйте их!

Несмотря на бессмысленность этого поступка, мы столкнули на воду рыбацкую лодку и что есть силы погребли к «КАШЕ», бывшей когда-то «КАШАЛОТОМ» и «КАЛОШЕЙ». Она уже развернулась, но не набрала ход, и, пока я грёб, юнга Шмидт набросил на корму «КАШИ» рыболовную сеть хозяина лодки. Так мы и поехали в кильватере «КАШИ» на буксире, и тросом нам служила рыболовная сеть.

С судна никто нас не видел, и мы надеялись со временем по сети, как по лестнице, перебраться на свой корабль. Но мечте не суждено было сбыться: три дня не бритый помощник главара наших знакомых пиратов вышел на палубу погулять и увидел нас. Вскоре на корму по его призыву высыпала вся ватага. Злодеи покатывались со смеху, показывая на нас пальцами. Потом Жердь подошёл к самому краю кормы и кинжалом попытался перерезать снасть. Но главарь Ванай, фирменная повязка которого на этот раз закрывала левый глаз, остановил его и крикнул нам:

– Оставить вас здесь, у берегов, значит ни за что подарить вам жизнь. А я не занимаюсь благотворительностью! Мы отбуксируем вас в Индийский океан и там бросим на съедение свирепым акулам-барракудам! Если хотите выжить, выпрыгивайте из лодки. Может быть, здешние акулы менее прожорливы!

Главарь сдержал своё слово, отбуксировал нас вокруг Африки и перерезал сеть в центре Индийского океана.

После этого наша «КАША» с пиратами на борту резко двинулась на норд-ост, или на северо-восток, как говорят сухопутные люди, а мы остались дрейфовать.

Правда, вскоре появился ветер, и мы, натянув на два поднятых весла рыболовную сеть вместо паруса, бодро двинулись вслед за «КАШЕЙ».

Через несколько дней ветер так покрепчал, что нам пришлось, чтобы утлая лодка не перевернулась, снять «парус» и ввериться морскому течению.

Про эту часть путешествия мне даже и рассказывать не хочется... Скажу только, что после кражи нашего судна несчастья долго-долго преследовали нас. Нас носило по «шарику». Ели мы всякую дрянь, которую удавалось поймать сетью африканского рыбака, включая моллюсков и некоторые виды водорослей. Пили исключительно дождевую воду, выжимая её из собственных тельняшек в проржавевшее ведро, забытое негром в своей лодке.

Это я вам к тому говорю, чтобы не приукрашивать морскую романтику, чтобы в море выходили только те, кто, как я, способен выжить в любых условиях. Мы с юнгой тогда благодарили Бога за то, что часто шли дожди – хоть и холодно было, да от жажды не померли.

Я вам так скажу: при хорошем капитане и тельняшка – водопровод, и дырявая лодка – лайнер! Да и экипажем я вполне доволен. Опять же напомним, что у настоящего капитана всю команду может заменить один юнга!

Добавлю ещё к этому, что на лодчонке этой мы побывали даже и в Австралии! А уж оттуда подобравшее нас коммерческое судно взялось, не меняя курса на Тайвань, добросить нас вместе с лодкой африканского рыбака, осторожно поднятой на палубу, снова на север до 26-го–37-го градуса северной широты, где, по нашей просьбе, и опустило нас за борт на синие волны. Это было не слишком удобно, зато бесплатно.

Прогноз погоды был исключительно благоприятным, поэтому я рассчитывал, что мы с юнгой, гребя вёслами попеременно, за сутки-другие окажемся в Индии.

САБЛЕЗУБЫЙ ТИГР ПОМОГАЕТ ОБРЕСТИ «КАШУ»

И так, как сказал поэт, без руля и без ветрил, мы причалили к живописному берегу. Навигационных приборов у нас не было, но, делая приблизительные расчёты по звёздам, я знал, что принесло нас к юго-восточному побережью Индии. Так оно и оказалось. Судя по тюрбанам и сари жителей близрасположенной деревеньки да по йогам, которые сбежались поглядеть на нас, как на диковинку. Они славно угостили нас с юнгой и, почти не взяв денег, снабдили на дальнейший путь провизией – бананами, орехами и прочей субтропической невидалью. А вот поживиться у них солониной или сушёным мясом и вяленой рыбой не удалось – индусы ведь все вегетарианцы и едят только растительную пищу.

Поэтому добыть в дорогу немного дичи мы решили сами. Узнали у добрых индийцев, что дальше на востоке берег не заселён, потому что у берега дурная слава – там-де периодически появляются злые духи. Мы перебрались туда на своей, точнее, на негритянской лодчонке и снова бросили якорь. Здесь прямо у моря начинались джунгли. И мы надеялись, что далеко идти на охоту нам не придётся. Оружия у нас никакого не имелось – и весь расчёт делался на силки для мелкой дичи вроде птиц.

Вскоре мы услышали, а затем и увидели ещё одну приметку Индии – громадного саблезубого тигра, который лежал на суку дерева и почти по-человечески стонал.

Тигр тоже увидел нас – и тут же спрыгнул с дерева. Но и мы с юнгой оказались не простаками, и довольно проворными, – мгновенно забежали за какую-то изгородь из крепких и толстых стволов бамбука и заперли за собой калитку. И только потом мы сообразили, что этот берег не так уж и не заселён людьми, раз кто-то соорудил это ограждение! Тем более что за изгородью была довольно большая поляна с протоптанной тропинкой. Не духи же её протоптали!

Тигр между тем подошёл к изгороди и начал её трясти лапами. Но наша защита, к счастью, оказалась надёжной. Тогда этот саблезубый гигант лёг на бок – и снова застонал, приложив лапу к одному из своих ужасных, величиной с саблю клыков.

– Честно сказать, юнга, я был уверен, что эти красавцы давно вымерли! – произнёс я. – Во всяком случае так утверждает наука...

– Этот не вымер. Потому и стонет от одиночества! – пошутил юнга Шмидт. И тут же добавил: – Капитан! Да ведь у тигра зуб болит!

Я присмотрелся: действительно один из зубов у хищника под лапой пошатывается!

– Капитан, – снова сказал юнга Шмидт, – этот несчастный тигр просит у нас помощи! Он хочет, чтобы мы удалили у него больной зуб размером с саблю и такой же острый! Ведь сам он не может этого сделать, так как не имеет рук. Так, может, действительно стоит помочь больному?

– Возможно, юнга, – согласился я, – однако не известно ещё, что ему вздумается сделать с нами потом – ведь это всё-таки кровожадный хищник! А не захочется ли ему сразу после операции проверить работоспособность своих челюстей на нас?

– Возможно, капитан.

– То-то и оно! Жалко животное, но ведь и себя жалко. А бережёного Бог бережёт!

Так мы и воздержались от стоматологической помощи тигру. Не Айболиты же мы в самом деле!

Однако через несколько минут с другой стороны поляны до нас долетело дикое пение. Мы повернулись на этот звук – и увидели, что на поляну вышла чёртова дюжина наших недобрых знакомцев – пиратов!

Все они были обвешаны кинжалами и саблями. У главаря шайки был завязан глаз – на этот раз правый.

С одной стороны у нас был ужасный тигр, а с другой – такие же ужасные пираты.

– Не паниковать, юнга! – приказал я. – Может быть, мы ещё и найдём выход!

– Я и не паникую, капитан! – ответил храбрый и наблюдательный юноша. И мечтательно добавил: – Ах, если бы у нас была хотя бы одна сабля!..

– Ну что ж, – ответил я, – я понял твой намёк, юнга Шмидт. Деваться некуда – я иду на помощь тигру!

Я отворил калитку и смело шагнул к полосатому чудовищу. Умный саблезубый тигр правильно понял моё намерение, с благодарностью подошёл ко мне и подставил свой большой зуб. Я ухватился за зуб обеими руками, а ногами упёрся в челюсть тигра – и что есть силы рванул. Через мгновение в руках у меня оказалась прекрасная тигриная сабля, а бедный тигр сначала от боли упал, а потом поднялся и с благодарностью облизал мне руки.

– Ну-ну, – потрепал я его по морде, – ничего, скоро заживёт. А мне, извини, сейчас не до твоих нежностей – в бой пора!

Пираты, увидев юнгу Шмидта, с рычанием и свистом бросились на него и, верно, не оставили бы юношу в живых, не появившись в это мгновение я со своим грозным оружием.

Надо сказать, фехтовальщик я отменный – и через несколько секунд разогнал злых, но трусливых и неумелых в настоящем бою пиратов. У иных повыбивал из рук их оружие, другие сами его побросали и в страхе унесли ноги.

Но зря мы праздновали победу. Оказалось, злодеи убежали за подмогой – и вскоре вернулись громадной толпой вооружённых до зубов головорезов. Пришли они, естественно, за нашими головами.

Юнга Шмидт схватил одну из наших трофейных сабель, только что захваченных в предыдущей битве, и храбро выступил вперёд – на поляну. А меня на несколько секунд задержал исцелённый тигр. Он решительно и крепко схватил меня зубами за брюки.

– Чего тебе? – удивился я.

Тигр выразительно посмотрел на меня, на валявшиеся пиратские сабли и разинул пасть.

– Понимаю, – сказал я, – тебе нужен протез, но сейчас не до этого...

Но тигр снова схватил меня за брюки.

– Ах ты бессовестный! – укоризненно сказал ему я. – Ну что ж, видно, иначе от тебя не отделаться!

Пираты с грозными криками бежали по поляне. А я подобрал одну из оставленных злодеями сабель подходящего размера и вставил её тигру вместо больного зуба.

– Сиди! – приказал я тигру.

И он неожиданно, как дрессированная собака, сел. А я вступил на поляну и встал наконец рядом с отважным юнгой Шмидтом.

Пираты опешили и остановились.

– Эй, – возмутился один из них, – ведь сказали, что здесь один вооружённый противник... А их вдвое больше!

– Не благоразумнее ли отступить? – забеспокоились другие злодеи.

– Нет! – возразил Ванай. – Будем всё-таки атаковать. – Он обернулся назад и крикнул: – Эй! Резерв! Выходи!

На поляну выбежало ещё десятка два головорезов.

Юнга заволновался.

– Отставить панику! – приказал я ему. И, обернувшись к тигру, скрытому за деревьями, скомандовал: – Эй, резерв! Выходи навстречу неприятелю!

Тигр только того и ждал – тут же выскочил на поляну, сверкая своим новым зубом.

Пираты, сами понимаете, после этого бросились врассыпную. Не то что мы с юнгой Шмидтом, но даже и саблезубый тигр не сумел их догнать!

Однако, преследуя неприятеля, мы обнаружили небольшую бухточку, где стоял... наш красавец-корабль – бывший «КАШАЛОТ», бывшая «КАЛОША», теперешняя «КАША». И на судне не было ни одного пирата!

Юнга Шмидт, с восторгом прочитав название, сказал:

– Мало каши ели, господа пираты, чтобы у нас суда отбивать! А название... немного смешное, но вполне по-нашему.

Очень скоро мы перевели нашу «КАШУ» к месту стоянки лодки сенегальского рыбака, перегрузили запасы продовольствия и воды и отправились в дальнейший путь. Охотиться нам уже не нужно было, поскольку на «КАШЕ» мяса было достаточно – пираты вдоволь заготовили.

С тигром мы простились довольно тепло. Мы и он уж точно знали, что теперь его новый зуб никогда не заболит!

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

– Ну, «КАША» так «КАША», а всё-таки наша! – согласился я с судьбой. – Где наша не пропадала!

– Тем более, капитан, – откликнулся юнга Шмидт, – что до нас на каше ещё никто не плавал! В смысле, не ходил. И всё-таки, капитан, представляете, если со встречных судов нам кричали: «Эй, на «КАЛОШЕ!», то теперь будут кричать: «Эй! На «КАШЕ»! Забавно!

– Пожалуй, – согласился я с юнгой. – Но главное, юнга, что мы не попали на кол и не остались без своего корабля. При хорошем капитане название судна не имеет значения – что «КАШАЛОТ», что «КАЛОША», что «КАША». Меня бы даже «ША» устроило – многозначительно и оригинально!

– Ну уж это вы, капитан, перегнули! – недовольно передёрнул плечами юнга Шмидт.

Злоключения наши после пленения и абордажа не закончились. Для начала море будто решило продемонстрировать нам все свои биоужасы. С обеих сторон «КАШИ» появились громадные косяки кровожадных рыбёшек – пираний. Название «пиранья» означает то же самое, что «пират». Казалось, эти рыбки, способные за несколько минут растерзать и слопать лошадь, явились, чтобы отомстить нам с юнгой за славную победу над их коллегами-людьми, то есть над настоящими пиратами.

Однако «КАША» этим ужасным и многочисленным разбойникам была не по зубам.

– Мало каши ели! – смеясь, крикнул им юнга Шмидт. – И вообще, капитан, – обратился юноша уже ко мне, – откуда взялись в море пираньи? Ведь они же – пресноводные. Их место в реках Южной Америки!

– Так ведь здесь и пиратов быть не должно, а вот есть же, – ответил я. – Уж если не повезёт, юнга, то и на Северном полюсе пираньи могут напасть!

Затем откуда-то появились стада гигантских – футов по десять длиной – спрутов, которые кишели вокруг «КАШИ», хищно шевеля своими могучими щупальцами.

Не успели мы вырваться из их окружения, как вокруг над водой появилась тьма чёрных треугольников – акульих косых плавников. Эти хищницы долго кружились вокруг нашей «КАШИ» в зловещем танце. Но я и юнга Шмидт знали, что они нам не страшны, пока мы на борту судна. Однако вскоре возникла и настоящая опасность. Сначала вокруг «КАШИ» над морем одновременно взлетело несколько фонтанчиков.

– Киты! – обрадовался юнга Шмидт.

Однако вскоре выяснилось, что это не обычные киты, а киты зубастые – кашалоты, те бойцовые киты, в честь которых в своё время я и назвал свой корабль.

Кашалоты резвились в опасной близости от бывшего «КАШАЛОТА», точно были недовольны изменением названия корабля.

– Красиво играют! – восхитился юнга.

– Красиво-то красиво, – возразил я, – но мы не знаем, что у этих «малышек» на уме. Кашалоты – единственные из морских животных, которые в ярости могут напасть на крупный корабль. Могучей головой они, случается, проламывают борт – и тогда суда тонут. Не дай Бог, чтобы они приняли нас за врагов! Ведь один-два их удара – и мы пойдём ко дну без остановки. Это, может, и романтично, но без привычки тяжело!

К счастью, и кашалоты вскоре оставили нас в покое.

Юнга повеселел. А потом он развеселился ещё больше, когда увидел, как громадная крыса выбралась из трюма, стремглав пронеслась по палубе и бросилась в волны.

Я, признаться, оторопел от этого зрелища. Тем более что за первой крысой в море начали кидаться и другие – целая стая – штук, пожалуй, сто! Я даже не мог предположить, что их столько на «КАШЕ» развелось. Видимо, пираты по небрежности допустили их переселение на судно во время одной из остановок в гавани.

Юнга заметил моё беспокойство и по-юношески беспечно сказал:

– Что вы волнуетесь, капитан? Это же всего лишь крысы! Это не касатки и кашалоты с пираньями! Надеюсь, что мы без них на борту обойдёмся!

– Не уверен, юнга, – ответил я. – Если уж крысы сбегают с корабля, то, значит, дело действительно плохо.

– Ах, морская примета! – вспомнил юнга. – Но... наша «КАША» не может сгореть! Я сейчас её всю осмотрю внимательнейшим образом до последнего шпангоута и кнехта.

Мы действительно облазили всё судёнышко. Нигде никакого намёка на предстоящий пожар не оказалось, и всё-таки беспокойство с тех пор не покидало меня до роковой развязки.

Впрочем, про крыс скоро пришлось забыть начисто. Небольшие волны на поверхности океана сменились довольно приличным волнением со зловещими кипенно-белыми барашками. А затем небо сплошь заволокло свинцовыми тучами, и начался жуткий шторм. Вот тут-то я и вспомнил про неправильные размеры и пропорции нашего судна. Габариты «КАШИ» были недостаточно велики, чтобы спокойно игнорировать шторм, и недостаточно малы, чтобы взлетать на вершины волн, как щепка. Каждый удар норовил разломить днище бывшей «КАЛОШИ» пополам. Произведённое мной укрепление корпуса пока сопротивлялось намерению бури, но на рёв океана судно отвечало скрипом и скрежетом.

Вскоре вышли из строя навигационные приборы и руль (видимо, болт с гайкой, установленные вместо полагающихся заклёпок, были менее подходящими деталями крепежа).

Горы воды то и дело обрушивались на нашу палубу, «КАША» кренилась, черпая воду. Мы с юнгой Шмидтом, привязав себя надёжными канатами к мачте, чтобы не смыло за борт, всё же за счёт длины этой привязи оставили себе возможность передвигаться по палубе, чтобы выкачивать в море воду и устранять другие аварийные неприятности.

Я на всякий случай привязал к поясу нож, подаренный пиратом Фунтом, крепче закусил трубку (не оставлять же трубку проклятому морю!) и положил в карман мыло, а юнга Шмидт, как самое дорогое, положил в карман брюк забытую на борту пиратами же потрёпанную книжку о морской фауне и залитую от промокания воском коробочку спичек.

В небе не было видно ни солнца, ни звёзд. Мы не могли даже примерно догадаться, куда нас несёт стихия. Только по наручным капитанским часам я знал, что шторм носит нас уже двое суток.

Мы не ели, не пили, не спали. Силы юнги были уже на исходе. И я думал только о том, что необходимо спасти жизнь этому замечательному мальчику.

Поэтому, первым увидев, что «КАША» несётся к какому-то острову, я сделал всё, на что был способен, чтобы успеть до катастрофы перерезать верёвки, удерживавшие на привязи, – иначе бы у нас не осталось даже шансов выжить, мы оказались бы на дне вместе с нашей затонувшей посудой.

Через миг после этого раздался ещё более страшный, чем рёв океана, треск: корабль встал как вкопанный, ударившись днищем о подводную скалу, а нас с юнгой сила инерции выбросила в бушующую воду. Я схватил юнгу за верёвку, всё ещё обматывавшую его поясицу, а другой рукой ухватился за какой-то плавучий обломок нашего корабля.

Нас с головой накрыло водяной горой, ещё раз куда-то швырнуло – и через секунду я почувствовал, что мы в безопасности!

Оказалось, что волной нас благополучно перебросило через небольшую скалу – и мы попали в отгороженную от разбушевавшегося океана лагуну! В неё, правда, иногда ещё залетали брызги шторма, но в целом мы с опомнившимся юнгой получили возможность про-

плыть футов тридцать и выбраться на сушу, где сразу же, едва вытащив ноги из воды, заснули – так были измучены.

Шторм прекратился к утру. Причём к тому времени, когда мы проснулись, на поверхности океана уже не было ни морщинки! Он прикидывался добрым и спокойным.

Я ощупал себя и остался доволен, что пиратский нож и трубка оказались на месте.

Осмотрев место, куда накануне нас прибило, мы убедились, что от «КАШАЛОТА» («КАЛОШИ», «КАШИ») не осталось ничего. Правда, на одной из острых прибрежных скал висела чудом зацепившаяся за что-то тряпка. Достав и развернув её, мы увидели на тряпке изображение египетской пирамиды с заходящим солнышком. Это был непотопляемый флаг-вымпел фирмы, организовавшей наше путешествие. Тогда сложно было определить, насмешка ли это судьбы или её дар.

И море в месте крушения корабля было совершенно спокойным и гладким, как голубое зеркало. А в лагуне мы обнаружили ещё и ржавое ведро негритянского рыбака, видимо, как и мы, переброшенное через скалу штормом.

ЕДИНСТВЕННЫЕ СТРАШНЫЕ ЗВЕРИ – ЭТО КРЫСЫ. НО И ОНИ НЕ СТРАШНЫ ДЛЯ БЫВАЛОГО МОРЯКА

И вот, когда мы с юнгой Шмидтом оказались на необитаемом острове, мой спутник запаниковал:

– Это ужасно – жить на необитаемом острове!

Но я сказал:

– Прекратить панику, юнга! Раз мы на нём обитаем, значит, этот остров обитаемый.

Мы быстро соорудили хижину, руками наловили непуганой дичи и, изрядно подкрепившись, стали ждать проходящего судна, которое бы доставило нас на большую или хоть какую землю. Уж больно маленьким был наш остров.

И всё бы хорошо, но в хижине развелось множество крыс, которые настолько распустились, что буквально объедали нас. Ну не в смысле, что ели нас с юнгой Шмидтом, не в смысле, что нас именно обгладывали, а в смысле, что сжирали проклятые твари наши запасы. И расплодилось крыс – тьма. Так что юнга Шмидт уже снова запаниковал:

– Если так дело пойдёт, капитан, то скоро нам ничего не останется есть, кроме крыс!

Но я ему сказал:

– Отставить панику, юнга Шмидт! Капитан Бывалов никогда не ел крыс и не допустит, чтобы их ела его команда!

– Да откуда же они тут взялись, капитан? – недоумевал юнга.

– Ты молод и ненаблюдателен, – пояснил я Шмидту. – Забыл, что за два дня до крушения «КАШИ» крысы покинули наш корабль? Так вот, они приплыли именно сюда, на этот остров.

Однако что только мы ни делали, но крыс меньше не становилось. Отстрел из лука, силки, ловушки – всё это для них чепуха. Стоило запасти дичь впрок, эти обжоры её тут же съедали. И запасов птицы на острове оставалось всё меньше и меньше.

И юнга Шмидт сказал:

– Похоже, капитан, нам нечего будет есть на острове, кроме крыс, а крысам – нечего... кроме нас!

И тогда я ответил ему:

– Уж коль дойдёт до этого, то им нас есть не резон, так как нас с тобой мало, а крыс много. Им и по кусочку не достанется, тогда как их для нас хватило бы на добрый месяц.

– Я не думаю, что нам, капитан, удастся им это растолковать, – начал паниковать Шмидт.

– Отставить панику! – приказал я ему. – Мы избавимся от этих прожорливых конкурентов. Тебе повезло, юнга, что у тебя не какой-нибудь иной завалящий капитан, а капитан Бывалов!

– Но мы использовали уже все доступные для нас средства, – возразил юнга. – Ах, если бы сюда заполучить хоть одну-две крупных кошки! Или хотя бы одного котика!

– Молодец, юнга! Именно это я и имел в виду – КОТИКА!

– Но где же на острове найти котика?

– Не на острове, юнга, а в море!

Мы наловили морских котиков и выпустили их на наш остров. Морские котики, увидев настоящих крыс, сильно обрадовались – и тут же, как и положено котам, начали на них охотиться.

Так морские котики и съели всех крыс, а потом снова попрыгали в море. И дичи нам с юнгой хватило до самого спасения.

Капитан Бывалов всегда выйдет из любого даже безнадёжного положения!

КАК ПОСТРОИТЬ ПЛОТ БЕЗ ИНСТРУМЕНТОВ И ПЛЫТЬ БЕЗ МОТОРА

Как ни прекрасно нам жилось на острове непуганой дичи и перепуганных крыс, однако же мы с юнгой понимали, что рождены не для того, чтобы прохлаждаться на пляжах и набирать вес. Поэтому, хорошо отдохнув, стали думать, как же выбраться из этой райской дыры. Я точно знал, что по морям и океанам ходят во все стороны тысячи кораблей, но ни одно судёнышко на наш остров не заносило. По правде говоря, им там и делать было нечего. Точнее, было, что делать – спасти нас, однако ни один благородный моряк не догадывался о нашем положении, а рация наша разбилась вдребезги и утонула вместе с кораблём. Так что мы не могли передать в эфир своё отчаянное «SOS».

Наконец меня осенило. Посмотрев на деревья, росшие прямо у берега, я решительно сказал:

– Надо нам, юнга Шмидт, поймать рыбу-пилу.

– Да зачем нам рыбу-пилу ловить, если у нас достаточно дичи? А эта рыба, может быть, вовсе и не вкусная...

– Нет, юнга Шмидт, мы её есть не будем. Мы станем использовать рыбу-пилу по её прямому назначению!

Юнга, безоговорочно доверявший мне, изготовил из иглы и лески удочку и забросил крючок, насадив на него червяка, в воду.

– Этак, юнга, рыбы-пилы не поймать! Она тут же перепилит леску!

И, сказав это, я из короткого обрывка лески и длинного прута изготовил петлю-силок.

Сквозь прозрачную воду море просматривалось глубоко. И как только любопытная рыба-пила нацеливалась на приманку юнга, я подводил к её хвосту свой силок и набрасывал петлю рыбине на хвост!

А там уж всё просто – я резко дёргал, петля затягивалась, а рыба-пила, не успев дотянуться своими зубами до моего устройства, повисала в воздухе – и оказывалась на берегу.

Я взял первую рыбу-пилу – и начал ею пилить деревья для изготовления плота. Юнга то же проделал со второй рыбиной. А когда зубы у них на спине притуплялись, мы просто с благодарностью отпускали рыбин в море. И вынуждены были ловить новых.

– Что ни говорите, капитан, – посетовал на это юнга Шмидт, – а всё-таки жаль, что в море не водятся рыбы-напильники!

На эту реплику я только хмыкнул, так как знал, что напильники в море водятся, но считал, что проще поймать свежую рыбу-пилу, чем ловить напильник, а потом им ещё и затачивать рыбе зубы!

Потом к рыбе-пиле мы добавили рыбу-молот – и работа закипела вовсю. Уложив брёвна в ряд, мы выравнивали их по длине с помощью рыбы-пилы и тут же сколачивали плот рыбой-молотом!

Плот вышел – загляденье! Даже и трюм к нему снизу приделали. Соорудили мы, ясно, и парус из веток и листьев и к мачте прикрепили флаг фирмы по заготовке хвостов и ушей сельскохозяйственных животных. Да вот, как на беду, ветра на этот раз не было.

Зато вовсю резвились летучие рыбы – то и дело по нескольку штук в нашем парусе по глупости застревали!

– Юнга Шмидт! – сказал я. – Прекратить выбрасывать летучих рыб за борт! Складывай их в трюм!

– Есть, капитан! Приступаю складывать в трюм! – ответил юнга. – Будем создавать запас пищи?

– Никак нет, юнга! Ответ получите потом, а пока нам следует наловить их побольше, раз уж они сами к нам летят!

Когда летучих рыб стало довольно, мы с юнгой нарезали бечёвок, один конец которых привязали к хвостам летучих рыб, а другой – к мачте и реям нашего плота. Летучие рыбы, почуяв свободу, естественно, полетели – и потянули за бечёвки наш плот.

Так они и заменили нам отсутствующий ветер! А менять курс удавалось легко, с помощью небольшого хлыста. Пуганёшь рыбок справа – они влево начинают забирать, и наоборот!

Капитан Бывалов всегда из любого безвыходного положения найдёт выход!

И таким необычным образом мы добрались до заселённого острова недалеко от Новой Гвинеи.

МОРСКАЯ КАПУСТА

Туземцы встретили наше прибытие с помощью летучих рыб с ликованием. Целый рой или стая рыбок на бечёвках разной длины – это действительно впечатляет! Сам седовласый вождь воздал нам все полагающиеся почести и сказал, что хоть и давно отвык удивляться чудесам белых людей, но таких великих волшебников, как господин капитан Бывалов и юнга Шмидт, способных выдрессировать летающих рыбок, он отродясь не видывал.

Нам был оказан торжественный приём. Но юнга Шмидт на нём обратил внимание на то, как печальна и бледна одна из двадцати трёх принцесс – дочерей вождя. Однако он был юношей воспитанным и, боясь, не покажется ли вождю вопрос о дочери непристойным и дерзким, спрашивать ни о чём не стал. Я перехватил его сочувственный взгляд, но тоже побоялся нарушить церемониал.

К счастью, вождь туземцев неожиданно заговорил на эту тему сам.

– Белые волшебники! – обратился он как-то сразу к нам обоим. – Вам ведомы многие тайны. Не можете ли вы излечить мою дочь, страдающую недугом. Она стала бледна и скучна. И белый доктор, за которым я послал лодку на Новую Гвинею, посоветовал ей есть побольше морской капусты. И ей действительно на первых порах это очень помогло...

– Ну так что же? – не выдержал я затянувшейся паузы.

– Кончилась морская капуста, – горестно ответил вождь туземцев. – Я приказал заложить целый новый огород, но она там плохо растёт!

– Так едьте на ваш огород! – предложил я вождю и свите. – Капитан Бывалов, конечно, не агроном, но кое-что повидал в жизни! И уж в какой-то там капусте разберётся наверняка.

Меня, юнгу Шмидта и вождя со свитой посадили в белые паланкины. К каждому из нас подошли по шесть здоровенных малых – и нас торжественно понесли к огороду принцессы. Ну меня-то, понятно, несли не шестеро, а целых восемь туземных богатырей. А ещё двое, приоткрыв паланкин, обмахивали меня опахалами из страусовых перьев. Вроде бы и неудобно переносить такие почести, но приятно! И, главное, таков церемониал. А в чужой монастырь не резон лезть со своим уставом!

В четверти мили от бамбукового дворца вождя наши носилки остановились, я выбрался на землю – и глазам моим предстало весьма жалкое зрелище: огород чуть живёхонькой морской капусты. От вида этих жалких вилочков мне – морскому волку – и то трудно было удержать слёзы.

– Ну что? – тревожно обратился ко мне любящий отец страдающей девушки. – Какой из этого положения есть выход?

– А позовите-ка, глубокоуважаемый вождь, вашего королевского огородника! – потребовал я.

Привели заспанного и испуганного огородника.

– Что скажет мудрый белый господин?! – залебезила эта хитрая бестия.

– Что-что? – прямо, без всякой дипломатии рубанул я ему. – Ты что же, шельма этакая, не знаешь, что капусту поливать надо?!

Дело тут же было исправлено. Десятки водоносов в считанные минуты залили весь огород водой. К вечеру капуста отошла. А через две недели нашего пребывания в гостях у Его туземного Величества дочь его совершенно забыла про болезнь, стала кругла и резва. А при расставании она подарила нам с юнгой Шмидтом по необычайно красивой ракушке с собственноручным автографом.

Так что, если не верите в этот рассказ, можете сами осмотреть вещественное доказательство: ракушка у меня на полке книжного шкафа лежит. Вот она, – капитан Бывалов подал мне действительно изумительной красоты раковину, – а вот и автограф Её Высочества принцессы! – И капитан для убедительности ткнул концом, как всегда, неразожжённой трубки в замысловатый вензель исцелённой им туземной красавицы.

КАПИТАН БЫВАЛОВ ВЫХАЖИВАЕТ ЮНГУ ШМИДТА

Рассказав историю про морскую капусту и спасённую дочь островного вождя, капитан немного замялся. Я заметил это и, подозревая, что знаменитый путешественник утаил что-то очень интересное и не менее поучительное для будущих морских волков, не стал скрывать своего наблюдения.

Тогда капитан Бывалов махнул рукой и поведал мне ещё об одном приключении.

Солидно постучав пустой трубкой о ладонь, как бы выбивая невидимый табак, он повёл свой рассказ.

– Действительно, мне не хотелось вспоминать об этом, в сущности, печальном происшествии... Дело в том, что во время нашего путешествия на плоту, запряжённом летучими рыбами, юнга Шмидт внезапно почувствовал себя крайне плохо. Он побледнел и похудел. Перед глазами у него постоянно мельтешили какие-то мушки. Аппетит у молодого человека пропал. Было больно смотреть, как этот совестливый и любопытный юноша часами лежал на палубе, страдая от головокружений. Он порывался нести вахту, да я уж и сам запретил ему это – с таким головокружением недолго свалиться за борт и неровён час попасть в пасть одной из акул, которые уже несколько дней преследовали плот в надежде поживиться кем-либо из членов экипажа, а возможно, и обоими!

Нужно было что-то срочно предпринять. Оскорблять славного юнгу подозрением в морской болезни я и в мыслях не мог и поэтому спросил:

– Что с тобой, юнга Шмидт? Может быть, у тебя скарлатина? Или, по-научному говоря, анемия, а по-русски – малокровие? Это бывает с молодыми людьми в условиях нехватки витаминов.

– Боюсь, капитан, вы правы. Это, наверное, в самом деле малокровие – детская болезнь! Должен вам признаться, капитан, до самого выхода в море моя мама пыталась удержать меня от этого шага, говоря, что у меня... молоко на губах не обсохло! Она, конечно, не права. У меня на губах не только обсохло молоко, но над верхней даже, если внимательно посмотреть через увеличительное стекло, можно рассмотреть усы!

Увеличительного стекла на плоту не оказалось. Поэтому проверить утверждение моего замечательного младшего товарища по морским путешествиям я не мог. Впрочем, я и так на слово ему верил. А вот словами его достойнейшей матушки очень заинтересовался. Они-то и напомнили мне, что молодым, да ещё при малокровии, очень полезно молоко.

– Тебе регулярно надо пить молоко! – посоветовал я юнге Шмидту.

– Надо, – покладисто согласился дисциплинированный юнга, – да где же его здесь взять?

– Придётся завести корову, – ответил я ему.

– Для этого следует добраться хоть до какой-нибудь заваливающей земли...

– Ты ошибаешься, юнга Шмидт, – возразил я, – твоё здоровье требует, чтобы на него срочно обратили внимание – и поэтому мы немедленно заведём в своём хозяйстве корову. Морскую корову!

– Это гениально! – оживился юнга и даже решительно приподнялся на локте, всматриваясь в горизонт.

А там, на горизонте, как раз появилось приличное стадо морских коров.

Я шуганул наших неутомимых рыбок хлыстом в нужном направлении, и вскоре мы оказались около этих красавиц. Мне осталось только ловко набросить аркан на одну из них да подтянуть к плоту!

Остальное тоже оказалось, как говорится, делом техники. Я вырвал из нашего паруса несколько ветвей с вкусными листьями и протянул их корове. Корова, никогда не евшая такого деликатеса, потянулась за листьями и влезла на плот. А я тут же укоротил аркан и привязал его к мачте. Теперь морская корова уже не могла покинуть плот. А пока она жевала вкусные листья, я спокойно подоил её в кружку и подал молоко юнге Шмидту.

Больной молоко выпил – и ему сразу резко полегчало.

– Ну, как молочко, юнга Шмидт? – спросил я.

– Ничего, – ответил юнга, – вкусное, только... солоноватое.

– Ну что ты хочешь, юнга, – сказал я ему, – у обычной коровы, когда она полынть поест, – и то молоко горчит. А ведь это бедное животное всё время морскую воду пьёт! Другой у неё нет.

Так я и вылечил своего замечательного юнгу. Через несколько дней при таком питании от его малокровия даже и воспоминаний не осталось. На остров близ Новой Гвинеи он прибыл абсолютно здоровым и полным сил.

А корову мы недалеко от острова отпустили в море. С тех пор они там и водятся!

КАК КАПИТАН БЫВАЛОВ И ЮНГА ШМИДТ ТРИ ДНЯ БОЛЕЛИ РАКОМ

Капитан Бывалов задумчиво выбил из пустой трубки несуществующий табак и погрузился в воспоминания. И когда на его губах заиграла весёлая улыбка, а в глазах загорелся огонёк, я невпопад спросил:

– Капитан, неужели этот случай, с малокровием, был единственным за всё время ваших славных и необычных путешествий?

Однако вопрос этот оказался очень кстати.

– Я как раз вот о другом случае и вспомнил, – довольно ответил старый морской волк. – Однажды мы с юнгой Шмидтом дня три проболели раком! Собственно, сначала от рака страдал только я. Но потом серьёзно занемог и юнга.

Когда мы жили на необитаемом острове и поедали морских слонов, о коих я вам расскажу позднее, пристрастились мы в жару отдыхать, лёжа на мелководе в небольшой пресной речушке.

Как-то я даже задремал в этой полупрохладной-полутёплой, приятной воде. И проснулся от резкой боли в спине.

Я вскочил и тут же скорчился от неимоверной боли, так что чуть было не упал.

– Взгляните, юнга, что там у меня, – повернулся я к Шмидту спиной.

– Да у вас рак, капитан! – ужаснулся юнга Шмидт.

– Ну что ж, – остался я спокойным, – рак так рак! Если не впадать в панику, то и от рака можно избавиться. Главное, юнга, это не впадать в панику ни при каких обстоятельствах!

– Верно, капитан, – ответил юнга Шмидт, – я и не впадаю. И сейчас я немедленно избавлю вас от этого самого рака!

– Ты что, учился на доктора, юнга?

– Никак нет, но это и необязательно. Я его сейчас без всякой медицины уберу. Только немного потерпите, капитан.

Юнга подошёл ко мне. Я потерпел, хотя секунды на три боль в спине стала такой, что из глаз у меня искры посыпались! А потом внезапно полегчало.

После этого юнга Шмидт, выйдя из-за спины, показал мне громадного рака, который, как оказалось, вцепился мне в спину, пока я, блаженствуя, спал в воде речушки.

– Вы страдали от рака, капитан, – пояснил юнга. – Вот от этого самого. Не считаете ли вы нужным примерно наказать его за наглость?

– Да я достойной меры наказания этому паршивцу не придумал, – засомневался я.

– А я придумал, – сказал мне юнга Шмидт. – За дерзкое и вероломное покушение на моего капитана, за наглую попытку съесть вас, капитан, я сам съем этого рака! Я приговариваю его к съедению. И несколько десятков его собратьев тоже! Вообще, капитан, мне изрядно приелось мясо добрых морских слонов. Пора нам разнообразить рацион.

Юнга в самом деле вскоре наловил ведро раков и сварил их на костре. Ужин у нас в тот вечер был царским!

– А знаешь, юнга, – сказал я Шмидту, – какое лучшее средство при раке?

– Нет, капитан.

– Ты молод, юнга. Но я тебе скажу, что лучшее средство при раке – это пиво!

– Не пробовал, капитан. Я убеждённый противник всякого спиртного!

– Ты идёшь правильным курсом, юнга! – одобрил я здоровые убеждения своего молодого друга.

То ли потому, что пива не было, то ли оттого, что рак только что ел меня, но я раков много съесть не мог. Десятью штуками только и ограничился. Зато юнга Шмидт, видимо, по причине своих волжских корней, налёг на них основательно – так что всё ведро съел.

Только радовался он преждевременно и зря... Наутро его мучили тяжёлые боли в животе. Мы сразу поняли, что боль эта от рака. Не знали только, от которого – от первого или от сорок восьмого?

Как бы там ни было, а расстройство живота у бедного юнга случилось такое, что он целый день не мог смотреть ни на какую пищу, даже и на привычных и безвредных морских слонов!

А вообще от раков он страдал три дня. Столько же проболела и моя спина от коварного укуса.

Что ни говорите, боли от рака довольно сильные. А всё-таки если не терять самообладания, то и от него можно исцелиться. Для смелого человека никакой рак не страшен!

КАПИТАН БЫВАЛОВ ОТМЕНЯЕТ БУРЮ

Старый морской волк постучал пустой трубкой по ладони и, спохватившись, добавил:

– Да, ради правды я должен признаться, что относительно неприменности добавления пива к ракам я сказал юнге просто так – для красного словца, точнее, в шутку. Пиво раков на самом деле может только испортить! Как, впрочем, и любой другой продукт. На самом деле, хочешь быть здоровым – не пей пива! Как это всегда делал я.

Капитан немного помолчал и продолжил свой рассказ:

– Вы, молодой человек, – сказал мне капитан Бывалов, – наверное, не поверите, но однажды я делал погоду! Не в политике (я, кстати, её недолголюбиваю), не в шоу-бизнесе, а в самом прямом смысле. То есть вмешался в природное явление. И вполне удачно!

А дело так было. Пригласил меня вождь острова в свой замечательный сад. Кругом, представьте, этакие чудеса ботаники. Как сказал один замечательный поэт, «то в глаз тебе магнолия, то в нос тебе глициния». Бабочки – те прямо не летают, а величественно плавают в воздухе. И радужно-бархатные крылья у них в размахе с полметра! Архангельским энтомологам показать – не поверят, скажут, что из шёлка, как воздушные змеи, изготовлены...

И подводит меня досточтимый вождь туземцев к недостроенному зданию.

– Вот, – говорит, – дорогой капитан, хочу с вами посоветоваться относительно этого сооружения. Народу нужны культурные зрелища. Артисты у нас свои имеются, и с Новой Гвинеи приплывают, а иногда случается, и из самой Австралии труппа оперного театра появляется. Обычно концерты или спектакли мы организуем на открытых площадках, но однажды случился конфуз. Целый корабль звёзд пожаловал, а тут тропический ливень начался. Площадка в озеро превратилась, актёров кое-как в хижинах обсушили, а дождь всё льёт и льёт. Через неделю, не дождавшись хорошей погоды, уплыли артисты несолоно хлебавши. Ну, и народ на острове расстроился. «Вот, – говорят, – был бы у нас свой настоящий крытый театр – и концерт бы состоялся, невзирая на ливень».

И вот, господин капитан, я понял, что народ, как всегда, прав. Пригласил архитектора из Европы, но попросил его соорудить здание театра хоть и современным, но... с учётом местных традиций. Значит, не из железобетона и стекла, а преимущественно из дерева.

Проект мне понравился, но ведь я не специалист. А вы – человек бывалый, весь мир объездили. Так вот и скажите: хорош ли дворец с европейской точки зрения?..

Я осмотрел объект. Впечатление он произвёл внушительное, хотя до завершения работ было далеко.

– Ваше Величество, – сказала я вождю, – мне незачем вас обманывать, да я ведь и вообще никогда не говорю неправды. Посему скажу прямо: то, что уже сделано, обещает быть по завершении весьма красивым. Единственное, что меня в сооружении смущает как капитана и, стало быть, в какой-то степени корабеля, это, извините, недостаточная прочность. На мой взгляд, как только рванёт ветер покрепче, вроде того, что нас с юнгой на «КАШЕ» мотал и трепал, рассыплется этот театр как карточный домик!

– И что же, – забеспокоился вождь, – исправить ничего уже нельзя?

Подумав и ещё раз внимательно осмотрев объект, я успокоил собеседника:

– По-моему, с учётом требований науки сопромата укрепить здание ещё не поздно.

Я объяснил вождю, что необходимо сделать и добавил:

– Но я бы хотел высказать свои соображения архитектору. Тем более что он, как Ваше Величество подтвердили, и руководит стройкой...

А тут как раз вместе с бригадой строителей, доставивших к объекту несколько новых брёвен, приблизился архитектор – итальянец Джакомо Беллини.

– Господин капитан Бывалов из России, – сказал ему вождь, – выразил мне опасения, что ваше сооружение разлетится, как груда листьев, если на него дыхнёт настоящий ветер...

– Пока да, – согласился Джакомо Беллини, – с уважением взглянув на меня. – Но это именно пока. А через два дня мы укрепим каркас так, что ни одна буря его уже не возьмёт!

И далее архитектор объяснил нам, как он намерен это сделать, то есть в точности пересказал то, что я только что посоветовал вождю.

Вождь остался очень доволен. Но тут до нас донёлся шум возбуждённых голосов. Несколько туземцев вбежали в сад и попросили вождя немедленно их выслушать.

Вождь, видя, что дело нешуточное, приказал старшему в толпе говорить.

– Беда, вождь! – сказал тот. – К вечеру в море начнётся шторм. Будет страшная буря!

– С чего ты это взял? – недоверчиво осведомился вождь. – Во сне увидел?

– Не во сне, – возразил туземец, – не во сне! Мы в море рыбу ловили. И когда к берегу возвращались, заметили, что крабы в бесчисленном количестве выползли на мелководье и передвигаются к берегу. Ещё немного – и они будут у острова!

– Это действительно беда! – встревожился вождь.

– Я не понимаю, – спросил я, – при чём тут крабы? Какое отношение имеют они к буре?

– Да примета у них такая, – включился в разговор архитектор. – Если некая местная разновидность крабов доползает до берега, точно наступает шторм. Я сам это наблюдал – примета верная! О, мама мия! Мне бы ещё два дня! Ну хоть один, чтобы завершить укрепление остова будущего театра!

– Горе нам! – схватился за голову руками вождь. – Все великие труды насмарку – развалится самое великое сооружение острова! Если эти проклятые крабы доберутся до берега – всё!

– Так это верная примета? – уточнил я ещё раз у вождя.

– Куда уж точнее, – расстроился он. – Если крабы придут к берегу...

– Так вот, не бывать им у берега! – возразил я.

Вождь, архитектор и прибывшие туземцы сначала с недоверием, а затем с надеждой уставились на меня.

– Полундра, Ваше Величество! – крикнул я. – Прикажите выделить в моё распоряжение пятьдесят-сто островитян поздравнее.

Вскоре сотня крепких туземцев ждала моей команды.

– Откуда ползут крабы? – уточнил я.

Туземцы указали мне на восток.

– А с других сторон они не могут подойти?

– Нет. Они всегда приходят с востока.

– Слушайте мою команду, ребята! – обратился я к выделенным под моё начало малым. – Вырывай изгороди у хижин, у загонов для скота и где только ни найдёте – и тащите к морю, навстречу этим крабам.

Когда моя команда была исполнена, крабам до берега оставалось преодолеть лишь метров пять-семь.

– Ставьте плетни и тычинники на пути этих тварей, чтобы ни один к берегу не добрался!

Туземцы поняли мой замысел – и перед самым, так сказать, носом у крабов воткнули колья с изгородью в дно моря. Причём по всему фронту их движения!

Крабы, понятное дело, оторопели! А поделаться ничего не могут, упёрлись в прутья – и ни с места! Задние напирают на передних, карабкаются на них слоями, но тут же и соскальзывают.

– Ну что, ребята, – дал я островитянам очередную команду, – начали топтать по воде, бить в ладони и греметь всем, что у кого в руках есть! Да кричите, кричите побольше и погромче!

Ну тут уж туземцы старались даже больше, чем я мог вообразить – такой шум подняли, что крабы дрогнули и, как древнеримские когорты, организованно двинулись назад, в океан!

– Ваше Величество, – обратился я к вождю, – теперь соблаговолите распорядиться, чтобы в течение суток-двух этих поднявших невообразимый шум ребят периодически сменяли новые. Ведь при таком усердии часа через три-четыре они устанут до изнеможения.

– Уж это обязательно! – согласился вождь.

– А вы, господин Беллини, – обратился я к архитектору, – поспешите, пожалуйста, ускорить работы по укреплению здания.

Постучав трубкой о ладонь, капитан Бывалов взглянул на меня и добавил:

– А примета о крабах оказалась верной: раз не добрались они до берега, то, соответственно, и бури не случилось. Архитектору ударными темпами удалось завершить работы в течение одних суток, пока толпы островитян задерживали и пугали крабов.

Зато, когда Джакомо Беллини доложил, что теперь его творению никакая буря не страшна и я отпустил измотанных суточным напряжением голосовых связок туземцев отдыхать, сняв плетёное ограждение острова, нахрапистые крабы снова недуром попёрли на берег.

И что вы думаете? Едва они его достигли, начался шторм, перешедший в жуткую бурю. Так что, казалось, и света белого не видать!

Однако по её окончании выяснилось, что театр итальянца Беллини с блеском выдержал испытания!

Я, впрочем, всегда ценил итальянских архитекторов.

Но главный вывод из этой истории такой: если хорошо знаешь приметы и имеешь голову на плечах, то и бурю можно остановить, и вообще... делать погоду.

КАПИТАН БЫВАЛОВ И ЮНГА ШМИДТ МЕНЯЮТ ОБУВЬ

Вообще на острове близ Новой Гвинеи мы с юнгой Шмидтом устроились вполне благополучно. Одно плохо: прочная и тёплая обувь, пригодная для Архангельска и северных широт, здесь, на юге, была очень неудобной. А ходить босиком, как туземцы, мы не привыкли. Да и морскому уставу это не соответствовало – ну что это за моряк босиком?! Явное нарушение формы. Не моряк, а босяк какой-то получается!

Но однажды, когда, чтобы времени зря не терять, я расспрашивал вождя об особенностях местной флоры, то есть растительного мира,

он сообщил, что здесь, в некотором удалении от берега, произрастает сандаловое дерево, точнее, целая роща сандаловых деревьев. И тогда в мою практичную голову пришла великолепная идея. По окончании аудиенции у вождя я немедленно обратился к своему юному спутнику.

– Юнга Шмидт, – сказал я обрадованно, – считай, что проблема со сменной обувью решена!

– Каким же образом, капитан? – удивился юнга Шмидт.

– Бери мой нож и идём в глубь острова.

– Есть, капитан! – ответил юнга, как юнге и полагается отвечать капитану.

Уже через четверть часа мы добрались до красивой и благоухающей рощи.

Юнга поднял взгляд – и увидел, что на ветках сандаловых деревьев во множестве растут сандалии! Причём именно растут, потому что в некоторых местах на деревьях цвели красивые цветы в виде мягких детских пинеток. А когда пинетки созревали и падали с веток, на их месте появлялись крохотные плодики в виде сандалий самых разнообразных расцветок. По мере роста эти сандалии становятся всё больше и больше. Самые крупные были, пожалуй, сорок пятого размера.

– Вот именно такие – самые большие – и срежь мне! – приказал я.

Юнга взобрался на дерево, как на мачту, и своим, в смысле, моим острым ножом срезал три пары самых спелых, самых больших и самых крепких сандалий – красного, синего и жёлтого цветов. А для себя юнга Шмидт выбрал сандалии поменьше – тридцать девятого размера, но тоже крепкие и очень красивые: зелёные в голубой горошек, фиолетовые в клеточку и бирюзовые в полоску.

Юнга сбросил обувь на землю, затем спрыгнул сам. Мы тут же переобулись, а прежнюю обувь вместе с двумя парами только что снятой с дерева связали лианами и перекинули через плечо, чтобы руки не занимать.

Когда в таком виде мы с юнгой появились в посёлке островитян, всё местное население пришло в восторг от красоты наших обновок. И с тех пор туземцы перестали ходить на острове босиком, а начали обуваться в красивые сандалии, которые в изобилии растут на сандаловых деревьях.

У этой истории потом было довольно забавное продолжение. Моя методика стала для нас как бы открытием нового определителя растений.

Гуляя по острову в новых лёгких сандалиях, мы с юнгой, с одной стороны, не страдали уже от жары, а с другой стороны, не боялись наступить на острый корень или камешек. Поэтому уходили иногда весьма далеко от бамбукового дворца вождя. Так однажды мы и обнаружили странное дерево, которое почти каждой веточкой показывало нам, извините, фигу. Маленькие веточки заканчивались маленьким кукишем, а большие загибали свои концы в здоровенную дулю.

– Это что же делается, капитан?! – возмутился юнга Шмидт. – Это невоспитанное деревце намекает, что, в отличие от сандалового,

с него мы ни фига не возьмём?! По всей-то кроне – то шиш, то дуля, то кукиш, то, извините, та же фига!

– Ни на что оно не намекает, юнга, – догадался я, – просто потому на нём растут фиги, что это фиговое дерево!

БЛИЦ-ШАХМАТЫ

Между прочим, на острове близ Новой Гвинеи вождь за исцеление дочери подарил нашему экипажу роскошные шахматы, в которые, между нами, он играть всё равно не умел.

Мы расположились на самом берегу, чтобы поупражняться в этой высокоумной и полезной для всякого моряка игре. И вдруг доска наша соскользнула в воду и упала на дно. Глубина, правда, была очень небольшая – фута три. Доска утонула потому, что сделана была из очень тяжёлого и ценного дерева.

Юнга Шмидт хотел было тут же прыгнуть за ней в воду, но я остановил его, потому что крупная камбала подплыла к нашей доске и с любопытством уставилась на неё своим единственным глазом.

– Подожди, юнга, – сказал я, – пусть рыба удовлетворит своё любопытство. Как-никак она, может быть, первый и последний раз в жизни увидела шахматную доску!

А доска и в самом деле понравилась камбале так, что рыбина даже легла на неё. А дальше начались чудеса, как в фокусе: камбала начала менять окраску и вскоре стала клетчатой, как шахматная доска!

– Это называется мимикрия, – сказал юнга Шмидт, часто почитывавший книжку по морской флоре и фауне, – а точнее, приспособление к окружающей среде. На суше так же меняет цвет свой, подстраиваясь под окружающее, хамелеон.

Мы уже собирались прогнать развалившуюся камбалу, чтобы вытащить нашу шахматную доску из воды, но за нас это сделал неожиданный морской вор – осьминожек. Он подплыл к камбале, но та успела увернуться от его щупалец и быстро уплыла. А осьминог (мы-то с вами теперь знаем, что он на самом деле – осьмирук) по инерции схватил шахматную доску и утащил вместо рыбины в ближайшую расщелину в камне, видимо, всерьёз принимая доску за рыбу. А может быть, он сам собирался поиграть в шахматы – как-никак, а головоногие – самые умные из обитателей морей.

Когда юнга Шмидт понял, что шахматной доски нам теперь не видать как своих ушей, он среагировал мгновенно – ловко поймал уплывавшую камбалу. Он положил всё ещё клетчатую рыбину на берег и быстро расставил на ней шахматные фигуры.

Мы начали игру, но клетки на камбале постепенно бледнели – камбала стала принимать окраску берегового песка.

– Надо играть блиц, юнга! – предложил я. – Игра должна быть закончена прежде, чем камбала потеряет свои клетки.

Стимул оказался хороший, и блиц мы провели блестяще! Выиграл, разумеется, я. И тут же наша живая шахматная доска перестроилась и из клетчатой стала жёлто-серой.

Игра же нам очень понравилась, увлекла настолько, что даже потом, когда туземцы, узнав о случившемся, взамен утраченной пода-рили нам другую доску, мы с юнгой, чтобы приобрести навыки блица, то есть быстрой игры, каждый раз отлавливали в море камбалу, клали её на шахматную доску, а когда она становилась клетчатой, убирали доску – и играли на камбале!

Весь фокус был в том, чтобы сыграть, пока рыба не перекрасилась и не потеряла свои приобретённые на шахматной доске клетки.

А мой наблюдательный юнга даже заметил, что камбала – очень «шахматная» рыба, у неё название начинается на «ка», так же, как фамилии Карпова, Каспарова и Капабланки.

И я думаю, что при такой необычной тренировке, пока, кстати, не взятой тренерами на вооружение, очень скоро мы с юнгой Шмидтом стали лучшими шахматистами в блице на всех океанах!

А может быть, даже могли бы стать и подлинными чемпионами мира среди... моржей и карпов!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЮНГИ ШМИДТА

Однажды, когда мы ещё плыли на плоту, юнга Шмидт порвал по шву свою тельняшку и очень расстроился. А на мои утешения ответил:

– Что я – босяк какой, что ли, чтобы в рваной тельняшке ходить? Нитки можно сделать, развив кусочки каната, а вот иглы у нас, после того, как я из неё сделал крючок для ловли рыбы-пилы, не осталось. И надо же – порвать одежду как раз накануне моего дня рождения!

– Так у тебя завтра праздник, юнга?

– Так точно!

– А как ты провёл свой самый счастливый день рождения, юнга?

– Ну, самый счастливый у меня будет завтра, ведь проведу я его в море! – ответил благородный юноша.

– Похвально сказано! Ну, а до этого какой день рождения тебе больше всего запомнился?

– Наверное, когда папа подарил мне попугая, и в тот же день я выучил птицу немного говорить.

– Да, – загадочно произнёс я, – завтра у тебя, юнга, действительно будет самый счастливый день рождения.

Юнга не понял скрытого смысла этих слов. Но, когда я отменил его ночную вахту и остался вахтенным на вторую смену, он было запротестовал.

– Я не хочу поблажек, капитан! Сейчас моя очередь!

– Отставить капризы! – сказал я ему. – Приказываю спать!

Дисциплинированный юнга подчинился и действительно вскоре безмятежно, как это бывает у здоровых душой и телом юношей, заснул.

Я же во время его сна стал внимательно смотреть в воду. До темноты я не увидел в ней ничего нужного мне, но я знал, что в этих широтах в изобилии водится то, что ищу. И не ошибся. С первы-

ми лучами солнца я забросил снасти и выловил то, что хотел, о чём накануне мечтал юнга Шмидт.

– Подъём! – скомандовал я.

Юнга мгновенно вскочил:

– А? Что? Уже моя вахта? – спросил он, протирая глаза.

– До твоей вахты ещё достаточно времени, но нехорошо проспать свой день рождения! А вот тебе, кстати, и подарки – можешь привести себя в порядок. – И я протянул обрадованному юноше... иглу-рыбу.

Юнга мгновенно зашил распоротую тельняшку.

– А теперь, именинник, получай и второй подарок, как тот, который тебе подарил твой папа. – И я протянул ему попугая-рыбу.

Юнга Шмидт всё-таки, несмотря на свой героизм, был ещё мальчиком. Он очень обрадовался подарку и сразу начал учить попугая-рыбу человеческим словам и так преуспел в этом, что уже ко времени сдачи вахты его подарок свободно говорил по-русски такие слова и выражения, как «грот-мачта», «Есть, капитан!», «Отдать концы!», «Позор пиратам!» и, наконец, «С днём рождения, юнга Шмидт!»

МОРСКОЙ ДУБ

Ещё в самом начале плавания на плоту я заметил, что в одной из щелей между двумя брёвнами появился какой-то росточек. Догадавшись, что его выращивает для развлечения юнга Шмидт, я ничего не стал говорить своему младшему товарищу. Юнга между тем в свободное от вахты время тщательно заботился о росточке. И в один прекрасный день я, рассмотрев резные листочки растения, понял, что юнга... выращивает в щели плота самый настоящий морской дуб! Запомнил, выходит, моё сожаление при расставании с Азорскими островами – удружил! И вскоре, благодаря садоводческим способностям юнга Шмидта, мы во время своего плавания могли в свободное время блаженствовать в раскидистой тени морского дуба.

– Когда ты посадил этого красавца и каким образом? – спросил я юнгу.

– А помните, капитан, пренеприятную историю с ужасным спрутом? Когда вы спасли меня от съедения осьмируком?

– Это когда мы с тобой сделали выдающееся открытие в биологии?

– Да. Я ведь тогда хотел вам сюрприз сделать. В воде я ясно разглядел... морской жёлудь – за ним и спустился в воду. Вы же так пожалели, что с нами нет прекрасных дубов с Азорских островов! А чтобы получился именно сюрприз, не стал вам говорить, капитан, а прикинулся, что хочу достать необыкновенную раковину.

Спустившись в воду, я мгновенно взял в рот морской жёлудь, а уж потом попытался для прикрытия достать раковину редкой красоты...

– И во время всей жуткой битвы со спрутом-осьмируком ты умудрился не выронить жёлудь изо рта?! И не проглотил его?! – изумился я.

– Конечно! – ответил мужественный юноша. – Я так хотел, чтобы для вас вырос этот дуб!

Я был очень тронут и только из педагогических соображений не расцеловал юнгу.

– Но, капитан, – не выдержал я, слушая этот рассказ, – никто и никогда на свете не выдывал морского дуба! Нет таких в природе... Они нигде не растут!

– Никто до юнга Шмидта их не сажал, потому и не растут! – пояснил капитан Бывалов. – Надеюсь, в существовании морских желудей вы не сомневаетесь?

– Ничуть, – заверил я поспешно, – ведь морские жёлуди упоминаются в литературе довольно часто.

– Ну вот, – обрадовался капитан, – раз есть морские жёлуди, значит, из них можно вырастить морские дубы!

Против этой логики я был бессилён.

КАПИТАН БЫВАЛОВ РАСШИРЯЕТ КРУГОЗОР ЮНГИ ШМИДТА. НАПИЛЬНИК

Поправляя такелаж, юнга Шмидт однажды пожаловался, что нож, подаренный нам когда-то пиратом Фунтом, основательно затупился.

– Да на него в шторм сесть можно! – возмущался мой юный друг. – И, ничем не рискуя, дожидаться полного штиля!

Ну, положим, насчёт «сесть» он лишка хватил, но нож, я и сам это знал, действительно потерял свою остроту.

– Нет у нас инструмента для заточки, – бубнил юнга Шмидт, – так хоть бы камень какой-нибудь найти! Пусть не точильный, а любой камешек. Глядишь, и удалось бы привести лезвие в порядок.

Слушая непривычное для юноши ворчание, я по обыкновению рассеянно смотрел в воду и вдруг закричал:

– Эврика! Нашёл!

– Что вы нашли, капитан? – уточнил юнга. – Неужели в море плавает второй нож?

– Не нож, юнга, – ответил я, – в море плавает напильник!

– Это что-то новое! – недоверчиво сказал мой юный спутник, очевидно решив, что я его разыгрываю. – «Плавает напильник» – это звучит так же впечатляюще, как «плавает топор»!

– Ну, плавающих топоров, юнга, я не выдывал, а вот напильник я тебе немедленно представляю. – И, резко втолкнув в воду руку, я ухватил за хвост самого настоящего морского напильника и через мгновение передал его юнге.

Юнга полистал свою книжку по морской фауне и флоре, убедился, что пойман именно напильник, и минут через пять с помощью находки отточил лезвие пиратского ножа так, что им опять можно стало бриться. Способностей юнге Шмидту было не занимать.

Если хорошо знать море, то в нём никогда не пропадёшь. В любом море, если поискать, есть всё необходимое для нормальной жизни человека, даже такая вещь, как напильник или, как будет видно из дальнейшего рассказа, луна.

МОКРАЯ ЛУНА

Тропические ночи в общем-то довольно короткие. Но зато уж тёмные-е-е! Особенно в море. И наступают мгновенно: только что был день – и вдруг землю как будто крышкой накрыло, ни зги не видать.

Конечно, если луна висит, то ещё ничего, ну а если нет её на небосклоне, да ещё облачность сильная, то в море ночью хоть глаз коли – ничего не видно.

Оно не то чтобы жутко, но неудобств много. Тому, кто спит, это, разумеется, безразлично, а стоящему на вахте делается скучно. И даже грустно.

Вот так, как-то сдавая вахту юнге Шмидту, я заметил, что он очень заинтересованно читает свою потрёпанную старинную книгу о морской фауне.

– Не зря я их перед нашим кораблекрушением в карман брюк сунул, – порадовался он, – вот они чудом и сохранились. Теперь эти листочки – вся наша библиотека, читаю их на досуге который раз.

– И что же тебя на этот раз увлекло?

– Описание луны-рыбы, капитан.

– Никогда не слыхивал про такое чудо! – удивился я. – Да разве есть такая на земле?!

– На земле – не знаю, а в море есть, – пошутил юнга.

Он принял вахту и отдал мне остатки книги.

Начал я её было читать, но тут как раз землю как будто крышкой накрыло, то есть наступила тропическая ночь. И мне ничего не оставалось, как лечь спать под нашим раскидистым морским дубом. Только про рыбу-луну и успел прочитать. И вид её по картинке запомнил.

Однако ночью, хоть обычно в любых условиях сплю крепко, я внезапно проснулся от какого-то необъяснимого ощущения счастья. От ощущения непонятной радости, чего-то очень хорошего и весёлого.

Я раскрыл глаза: дуб приятно шелестел своими резными, чётко очерченными листочками, на мачте радостно развевался флаг с изображением пирамиды.

Юнга Шмидт внимательно смотрел в море, исполняя свои обязанности ночного вахтенного.

Всё на плоту было таким милым и нежным и залито причудливо-мягким, слегка желтоватым светом.

– Стоп! – подумал я. – Ведь ночь кромешная, луны на небе в это время уже пять дней не может быть! Откуда же свет?! Уж не горим ли мы?

Я вскочил, одновременно сообразив, что для пожара освещение наше слишком уж спокойное и ровное. Да и не мог вахтенный юнга допустить возгорания!

Свет лился с морского дуба. Я обошёл дерево кругом и обнаружил, что со стороны вахтенного на суку дуба висит... луна-рыба! Точно такая же, как на картинке в книге, только немного мокрая! Она и освещает плот.

На мои восхищённые ахи обернулся, радостно и озорно сияя, юнга Шмидт и пояснил:

– Я подумал, капитан, раз уж они водятся в этих широтах, то почему бы ими не воспользоваться для повышения культуры морского быта? Отловил одну – да и повесил, себе и вам на радость. И место выбрал, по-моему, удачное: тому, кто спит, в глаза не бьёт, а вперёдсмотрящему – прелестнейший фонарь! Даже, пожалуй, фара.

– Ну, удружил, юнга! – похвалил я его. – Такой, вроде, пустячок, а сколько душе и глазам радости!

СКАТ В БАНКЕ

Проходя мимо Бермудского треугольника, мы увидели, как из него (этого самого треугольника) выплывает довольно потрёпанный корабль. На судне не было никаких признаков жизни, да и само судёнышко было в полузатонувшем состоянии и с большим креном на правый борт.

– Да-а-а, с Бермудским треугольником шутки плохи! – произнёс юнга Шмидт.

– Верно, юнга, – согласился я и добавил: – Придётся нам с тобой побывать на этой несчастной посудине. Может быть, там есть люди, нуждающиеся в помощи.

Мы спустили шлюпку, и юнга поплыл к кораблю, потерпевшему бедствие в Бермудском треугольнике.

Вскоре он вернулся и доставил на борт, то есть на плот, какую-то штуковину, пустую консервную банку и резиновые перчатки.

– На корабле нет ни души, капитан, – доложил он, – судно не потонуло полностью потому, что вода через пробоину попала только в часть трюмов, а остальные защищены переборками... Впрочем, и в них началась течь, скоро судно пойдёт ко дну.

Я облазил всё. И решил взять с обречённого корабля вот эту рацию. Она, к счастью, не имеет никаких повреждений. По крайней мере внешних. Только батарея питания разбита вдребезги. Я её отсоединил и оставил на тонущем судне. А банку взял, потому что у нас очень мало посуды. На что-нибудь пригодится! Да и перчатки лишними не будут...

– Молодец, юнга! – похвалил я Шмидта. – Рация – главное, чего нам не хватает на плоту. Теперь мы свяжемся со всем миром. И сами сможет принимать чужие сигналы.

– Да, но... – замылся юнга, – вообще-то я уж подумал, что сваял большого дурака, доставляя на борт эту жестянку. Ведь без батареи электрического питания она годится разве только на балласт! Впрочем, вы, капитан, наверняка найдёте ей более полезное применение! Я даже не удивлюсь, если вы, с вашей находчивостью, заставите её исправно работать. Или найдёте для рации источник электрического питания!

– Вот именно, юнга, как раз это я и имел в виду! Давайте-ка, юнга, бросим за корму нашу из канатов на досуге связанную краболовку – пусть она немного поработает как трал!

– Вы решили разнообразить наше меню рыбой, капитан? – спросил юнга. – Тогда надо быть осторожными – вы же сами рассказывали, что в здешних водах водятся несъедобные и даже ядовитые рыбы и морские животные...

– Вот кое-кого из них я бы и хотел выловить, – загадочно ответил я молодому человеку.

Трижды мы забрасывали в море и вынимали на борт наш «невод» – всё время попадалось не то. Выбросив за борт очередной улов, мы забросили «трал» четвёртый раз – и нам повезло: в него попала прекрасная парочка электрических скатов!

Тогда я надел резиновые перчатки и подсоединил одного из этих симпатяг к нашей рации. Электрического ската, чтобы он не высох, мы положили в банку из-под консервов – и он заработал как электрическая батарейка, а наша, точнее, ставшая нашей рация ожила! И юнга Шмидт тут же передал в эфир:

– Всем! Всем! Всем! Пропавшая экспедиция под командованием капитана Бывалова в составе самого знаменитого капитана Бывалова и юнга Шмидта жива и невредима. Успешно идём намеченным курсом. Наши координаты... Просим передать это компании «Рашен энд Гиза компанейшнл». На судне только одна недостака – нет электро-батарей для рации. Вместо неё временно используем живого электрического ската. Судам, находящимся близко к нам, просим дать о себе знать и по возможности поделиться электробатареей! Всё-таки жалко эксплуатировать бедного ската. Он должен быть не на корабле, а плавать в море!

Эфир ликовал. Со всего света немедленно связывались с нами и поздравляли с успехом. Нам сообщали, что наше изобретение по использованию живой электрической батареи занесено в Книгу рекордов Гиннеса.

И только всемирное общество защиты прав животных настойчиво требовало, чтобы мы немедленно отпустили ската на свободу.

Впрочем, общество было, конечно, право. И как только французская спортивная шхуна, оказавшаяся с нами рядом, после нашего выхода в эфир скорректировала курс и подарила нам две прекрасные электрические батарейки, мы действительно с благодарностью выпустили послужившего нам электрического ската в воду и даже воздали ему соответствующую честь салютом, хлопая в ладоши.

ДОБЫЧА ТАБАКА

– Людская ненаходчивость иногда бывает анекдотически смешной, – развёл руками капитан Бывалов. – Вот я вам расскажу о таком случае.

Как-то раз во время нашего пребывания на острове близ Новой Гвинеи к тому же острову прибило ещё одного бедолагу – француза Жана по фамилии Дюрак. Он совершал кругосветку на яхте в компании ещё пятерых таких же чудаков, главное несчастье которых состояло в том, что им не повезло с капитаном. Так что их спортивная

скорлупка разлетелась на куски – и все спасались потом в одиночку на плавучих обломках.

Этого Жана через сутки принесло к тому же острову, куда причалили и мы с юнгой Шмидтом. Так что он не успел даже от жажды настрадаться. А всё-таки вид у парня был очень измученный. И оказалось, что это из-за отсутствия табака и от невозможности покурить! Вот почему ещё морякам да и вообще людям не стоит привыкать к этой отраве!

Туземцы, увидев его, доставили француза на берег, а у Жана уж и глаза закрываются, и он только хрипит:

– Курить! Дайте табаку!

А надо вам сказать, что у островитян это зелье не в ходу: указом вождя, как вредящее здоровью, запрещено.

Из снисходительности к чужим порокам они бы и рады были помочь Жану по фамилии Дюрак прийти в себя, да табаку на всём острове не имелось – ввоз его запрещён, чтобы атмосферу не портить.

А тут ещё и восемнадцатая по счёту принцесса шум подняла – моль у неё какое-то необыкновенное платье скушала.

Ну, вождь ко мне: так и так, чем француза отхаживать и как дочке помочь?

– Оба дела, – говорю я ему, – Ваше Величество, помог бы выполнить обыкновенный паршивый табак! Он ведь так вреден, что даже моль от него дохнет, не то что люди!

– Да ведь запрещён у нас никотин! – говорит вождь.

– Ну, по прямому назначению – как отравляющее вещество – и табак использовать можно! – высказал я своё мнение.

Туземцы снова хватать – а зелья-то нет нигде. Француз без отравы бредит, принцесса номер восемнадцать плачет – за другие наряды волнуется.

Вождь опять ко мне:

– Помогите, Прохор Иваныч! Придумайте, как табак добыть!

Я немножко подумал и спросил:

– А повар, знающий европейскую кухню, у вас, Ваше Величество, имеется?

– Да, мой повар, – отвечает он, – в парижских ресторанах науки постигал. В «Максима».

– Тогда все проблемы запросто разрешимы. Пусть-ка ваш повар приготовит нам сперва цыплят-табака.

– Вкусное блюдо! – облизнулся вождь.

– Вот и хорошо, – говорю, – мы отменно пообедаем именно им. Причём цыплят съедим, а табака оставим для гардероба вашей дочери и на потребу бедного француза с дурными привычками.

Так мы вскоре и сделали. И ужином все придворные остались довольны, и принцессу успокоили, и Жан по фамилии Дюрак из оставшегося табака самокрутку сделал.

Выход из положения, как видите, был весьма простым. Но человеческая ненаходчивость порой бывает анекдотически-смешной! Хорошо, если рядом в таких случаях находится человек, способный мыслить нестандартно.

ЭСКАЛОП ДЛЯ ЖАНА

Впрочем, на этом морока с легкомысленным французом Жаном по фамилии Дюрак не окончилась. Покуриив табаку, пришёл он в себя и, как это принято у вежливых французов, кинулся меня за находчивость благодарить. А потом, когда и вовсе оклемался, захотел есть, да непременно чтобы дали ему эскалоп!

Но ведь эскалопы из свинины готовятся, а на острове ни одной свиньи не водится!

Придворный повар, знавший о странных французских вкусах, предложил было ему:

– Не хотите ли, дорогой мусью, лучше жареных лягушек и лукового супа?

– Нет, – отвечает, – увольте: лук ведь в земле растёт, на лук мне и смотреть противно, а от лягушек у меня изжога!

(«Вот до чего, между нами, курение доводит!» – прокомментировал это капитан Бывалов.)

Вождь лицом в грязь ударить не хочет – опять ко мне за советом: как быть?

– Дело известное, – говорю, – спасение в море. Раз свиноводство на острове отсутствует, поручите своим государственным рыбакам выйти в море и наловить морских свинок. Эскалоп из них, уж верно, получится не хуже.

Так и поступили. Придворные рыбаки взяли на лодки большие сети и вскоре наловили в море целое стадо симпатичных морских свинок. Они, как всем известно, гораздо меньше сухопутных свинок, поэтому и пришлось ловить так много.

Доставили их на берег – в камбуз, и придворный повар, постигавший науки в парижских ресторанах, приготовил для спасённого француза его любимый эскалоп.

А что ему оставалось делать, раз у Жана по фамилии Дюрак от лягушек изжога?

СНОВА В ПУТЬ

Капитан Бывалов постучал трубкой по ладони, как бы выбивая невидимый табак, и продолжил рассказ:

– Впрочем, я, кажется, немного отклонился в сторону. Напомню, что некоторое время мы с юнгой Шмидтом были в гостях у вождя туземцев на острове близ Новой Гвинеи...

Но, как ни хорошо нам жилось там, однако пора было отправляться в путь. Дело в том, что по условиям контракта нам полагалось вернуться в Россию до наступления зимы – и приходилось спешить, так как, по словам вождя туземцев, надеяться на прибытие попутного лайнера или хотя бы торгового судна в ближайшие полгода на остров не приходилось.

Мы тепло простились с туземцами, которые одарили нас непортящимися продуктами и водой, и с первым ветерком отчалили.

В дальнейшем мы снова надеялись запрячь летучих рыбок, но оказалось, что в это время года их стаи мигрируют, то есть улетают ближе к экватору – на юг, точнее, на север!

А тут и ветер вдруг переменялся, подул суровый норд-ост – и понёсся наш плотик куда глаза глядят!

– Но, капитан, – уточнил я, – норд-ост близ Новой Гвинеи должен быть тёплым ветром с экватора! Ведь Новая Гвинея как-никак расположена в Южном полушарии!

– Верно, конечно! – тут же согласился капитан Бывалов. – Это я просто пользуюсь привычным, понятным для сухопутных людей выражением: норд-ост – значит холодно и опасно! А нас тогда на самом деле понёс ветер с южного полюса – зюйд-вест, действительно лютый в тех краях.

Я понял, что капитан, видимо, несколько утомился, и постарался направить его рассказ в нужное русло:

– Капитан, вы ведь охотились на морских слонов...

– Ах, да! – ответил он. – Что ж, это действительно занимательная история. И поучительная! Слушайте.

МОРСКИЕ СЛОНЫ

Итак, хоть норд-ост и свиреп, но и у него есть хорошее свойство – он гонит суда и плоты точно на зюйд-вест, то есть к югу, где тепло! И наш норд-ост пригнал нас с юнгой к острову Гваделупа.

Вы знаете, где находится остров Гваделупа? Далеко на юге, там, где живут морские слоны. А где же ещё водиться слонам, как не на юге? Вот и морские тоже там водятся. Как только вперёдсмотрящий юнга Шмидт закричал: «Земля!», я взглянул и увидел на ней морских слонов. И сразу же понял, что принесло нас к острову Гваделупу, то есть Гваделупе.

– А что это там за странные туши с хоботами? Прямо живые горы! – удивился юнга Шмидт.

(Он, как вы знаете, не был таким бывалым, как я, и видел этих красавцев с трёхтонным водоизмещением впервые.)

– А это, юнга, – ответил я, – наш подарок судьбы – надёжное пропитание на благословенном, но не часто посещаемом острове Гваделупа. Морские волки, вроде меня, называют этих «малюток» морскими слонами!

– А они не кусаются, капитан? – встревожился юнга.

– Ну где же ты видел, юнга Шмидт, чтобы слоны ели волков?!

– Нигде не видел, – признался юнга.

– Ну вот. Стало быть, и на этот раз всё будет наоборот: морские волки будут таскать на свой камбуз морских слонов!

Ну, поначалу всё именно так и было. В ожидании исследовательского судна, которое бы подобрало нас (а морских слонов учёные любят исследовать), мы соорудили хижину и питались этими трёхтонными «крошками». Но потом наши слоники заподозрили неладное

и понемногу стали исчезать с острова. А оставшиеся воспринимали наше приближение без особого восторга.

Но у юнга Шмидта была хозяйская сметка. В чём, в чём, а в этом ему не откажешь! Боцман в нём пропадал первостатейный. Впрочем, не пропадал – я тут же назначил юнга боцманом. Так вот, Шмидт однажды вдруг запаниковал – а в этом ему тоже не откажешь – сигнализировал об опасности загодя!

– Капитан, – сказал юнга, – опять возникает проблема с продовольствием. Слоны разбегаются и могут скоро разбежаться от нас совсем!

– Не паникуй, боцман Шмидт! – остановил я его. – У тебя не какой-нибудь заваливающий капитанишка, а капитан Бывалов! Уж я что-нибудь придумаю для задержания этих малюток!

– Хорошо бы, – подхватил юнга-боцман, – построить изгороди вдоль всего берега... Однако мы не располагаем временем, капитан, равно как и строительными материалами и достаточной рабочей силой...

– Силой здесь не возьмёшь, юнга Шмидт, – ответил я, – зато мы располагаем достаточной рабочей смекалкой – и поэтому обойдёмся без загородок-изгородей. Мы не скотоводы, а морские волки! Делай как я!

Я тут же пошёл, точнее, не пошёл, а лёг на землю и пополз к лежбищу – и оказался прав. Морские слоны ведут горизонтальный, то есть лежачий образ жизни, и всё вертикальное, стоящее воспринимают как враждебное. А стоило мне лечь и поползти, глупые слоники приняли меня за своего и подпустили вплотную. Так что я их даже гладил по бокам, что им очень нравилось. Ну а потом, когда вошёл к ним в доверие, я ухитрился и связал пару морских слонов хоботами друг с другом. Слоны, когда это заметили, очень удивились. А когда попробовали ползти к морю, выяснилось, что это им не удаётся, ведь каждый в свою сторону норовил повернуть! А боком ползти они не могут. Так и прекратила эта пара всякие попытки удирать в море.

Пополз я, чтобы вторую пару так же связать между собой, взглянул на юнга, а он уже всё давно усвоил и тоже связал хоботами двух красавцев!

Так через каких-нибудь полчаса мы и повязали всё стадо! И пищи у нас с юнгой-боцманом теперь стало хоть на всю оставшуюся жизнь. Если бы мы, конечно, захотели провести её на острове Гваделупа.

Но это, как вы понимаете, не входило в наши планы.

КИТ В УПРЯЖКЕ

Чутьё морского волка не подвело меня. Дня через два-три после того, как мы с боцманом-юнгой Шмидтом ловко связали попарно морских слонов, у острова, прямо напротив слоновьего лежбища бросило якорь японское научное судно под названием «Омар». Симпатичное такое, двухпалубное.

Учёные сначала страшно удивились, увидев необычных сдвоенных морских слонов, и кинулись их снимать кинокамерами и фотоаппаратами.

Стоя в стороне, мы с юнгой Шмидтом слышали их взволнованные фразы вроде «Это мировое открытие!», «Потрясающий феномен!» и прочую научную чепуху.

Наконец учёные обратили внимание на нас и обрадовались, что могут нас спасти. А мы рассказали им о том, зачем и как связывали морских слонов хоботами.

– Ну ничего, – сказал на это самый главный учёный Куросоо-сан, – всё равно это хорошо – нам сподручней будет их обмерить и укрепить на этих милых животных радиопередатчики!

– На это потребуется неделя, – добавил он, – а после мы отправимся к берегам Японии, в порт Хоккайдо на острове Окинава, и доставим вас туда же, а если захотите, то переправим и через пролив Лаперуза во Владивосток.

Однако, закончив исследовательскую работу, учёные решили развязать хоботы слонов, чтобы животные не погибли без еды, воды и возможности нормально двигаться. Вскоре большинство животных были освобождены друг от друга и с радостным рёвом бросились в сторону моря. Однако десятка два пар учёным развязать никак не удавалось.

Я подошёл к одной из пар слонов и понял, в чём дело. Юнга Шмидт перестарался и для надёжности нечаянно завязал их хоботы морским узлом! А против морского узла любая наука бессильна!

– Юнга Шмидт! – scomандовал я. – Срочно требуется помочь науке! Развязывай свои заковыристые узлы. Я займусь тем же.

Уважаемые и почётные академики почтительно посторонились, чтобы не мешать. А мы с юнгой взялись за сложное дело. И работали весьма споро, со скоростью по пять морских узлов в час!

Отпустив последних животных на волю, мы с юнгой Шмидтом в сопровождении японских учёных поднялись на борт «Омара». И судно тут же взяло курс домой.

Но всё-таки морское путешествие – это вам не прогулки по парку имени Горького! В первую же ночь я проснулся в своей каюте от непривычной для судна тишины и в тревоге вышел на палубу. Вскоре туда же выскочил обеспокоенный юнга Шмидт, который спал в кубрике с командой «Омара». А полсекунды спустя по команде «Полундра!» поднялись на палубу и научные светила, и неопытные матросы.

– Судно стоит на месте, – сообщил самый главный учёный, он же капитан судна, – точнее, «Омар» дрейфует вместе с морским течением! В чём дело? Почему молчат двигатели?

– Я заглушил моторы, – доложил вахтенный механик, – потому что как бы они ни работали, судно всё равно оставалось на месте!

За борт спустили водолаза, и он определил: сломан гребной винт. «Омар» обречён на беспомощный дрейф!

Подняли мачту, натянули парус, но он тут же обвис, как мокрый носовой платок на бельевой верёвке в квартире.

- А куда мы дрейфуем? – спросил главный учёный Куросао-сан.
- На мель, утыканную рифами, острыми, как акульки зубы! – доложил штурман. – Пропорем брюхо нашему «Омару» – до Гваделупы и уж тем более до Японии никто из нас не доплывёт!
- Есть ли спасение? – спросил главный учёный.
- Есть! – вдруг ответил ему мой юнга Шмидт.
- В чём оно состоит? – недоумённо уточнил Куросао-сан.
- В том, чтобы временно передать командование судном славному капитану Бывалову!
- В чём, в чём, а в уме моему юнге не откажешь!
- И откуда же вы знаете, что господин капитан Бывалов найдёт выход? – спросил Куросао-сан юнгу.
- Оттуда! Оттуда, что он всегда его находил! – смело резанул юнга Шмидт.
- Ну-у-у... – нерешительно начал учёный Куросао-сан и, чтобы свалить с себя ответственность, решительно закончил: – Командование научным судном «Омар» переходит в руки господина капитана Бывалова! Какая будет ваша первая команда, господин капитан? – почтительно обратился он ко мне.
- Слушай мою первую команду! – ответил я, обращаясь сразу ко всем. – Прекратить стоять как толпа на базаре! Построиться по росту вдоль борта!
- Ну, учёные – народ ничего, сообразительный, минут десять не прошло, как выяснили, кто выше, кто ниже. Встали в шеренгу.
- А где же спасение?! – спросил учёный-штурман.
- Прекратить разговоры, пока вас не спрашивают! – осадил я его и тут же показал за борт: – А вот и наше спасение!
- За бортом в двадцати ярдах от нас, надо сказать, безмятежно дремал гигантский кит.
- Сейчас мы его запряжём в наше судёнышко, – добавил я к ранее сказанному.
- Позвольте спросить, капитан, – уже по уставу заговорил учёный Куросао-сан.
- Спрашивайте, господин учёный.
- Не знаю уж, как вы собираетесь запрячь, но одно знаю точно: он проснётся, едва мы спустим шлюпки за борт. Неплохо бы его предварительно усыпить, но у нас нет усыпляющих пуль. Да и гарпуна для запряжки тоже нет...
- Всё просто, господин учёный, – ответил я на это, – включите-ка радио...
- Радио? Да вы с ума сошли! Кит мгновенно проснётся!
- Проснётся! А вскоре заснёт, если вам удастся поймать передачу на политическую тему. Уж на что я – могучий морской волк, и то не выдерживаю их более трёх минут – засыпаю, а бедный кит отключится ещё быстрее!
- На «Омаре» включили радио. Кит вздрогнул, но опытный радист быстро нащупал нужную передачу – и все увидели, как кит широко зевнул от скуки.

– Сейчас его сморит, – сказал я. – Приказываю снять парус вместе с мачтой! Боцман, доставьте на палубу канаты!

По моей команде мы просунули мачту с парусом под кита, так что конец полотна оказался чуть впереди китовой головы. Затем накинули несколько концов, то есть канатов, на спину усыпленного гиганта и по бокам кита привязали их к мачте и реям. Потом слегка утопили парус балластом, а мачту тросом соединили с якорной цепью «Омара».

А дальше осталось самое простое. Из крепких канатов мы соорудили уздечку с удилами из проволоки, натянули её на голову кита, продев удила в его рот. Вожжи передали на борт судна в надёжные руки юнга Шмидта. Из самого прочного каната сделали петлю, набрали её на кита, а конец привязали к кнехтам «Омара».

– Радист! – скомандовал я. – Переключить приёмник на другую волну! Желательно, чтобы на ней звучал рок!

По радио загремел тяжёлый рок. Кит в ужасе проснулся. Он, видимо, захотел нырнуть, чтобы спастись от резких звуков под водой, но увидел под собою натянутый парус и принял его то ли за мель, то ли за какое-то твёрдое сооружение. Кит понял, что нырнуть некуда. Он принял совершенно правильное для кита решение: проплыть вперёд, чтобы оказаться впереди неожиданного препятствия, выплыть на глубокое место, где можно произвести погружение. Но... полотно паруса, натянутое на рей мачты, надёжно висело на нём – и тоже двинулось вперёд!

Так вот и пошло: кит хочет сплыть с паруса – и плывёт вперёд, буксируя наше судно, а парус плывёт вместе с китом!

Юнга Шмидт только чуть корректирует курс, натягивая то правую, то левую вожжу. При этом он, конечно, подчиняется моим командам. А командовал я не «румб влево», а «левый конец на четыре дюйма!», не «право руля», а «правый конец на полтора фута!»

Справедливости ради скажу, что я при этом советовался со штурманом.

Так и шли мы по морю несколько дней. Команда моя от радости приключения песенки пела – из репертуара ансамбля «Девушки из Такарадзуки», «У моря, у синего моря» и «Калинку».

Вахтенный по графику менялся, управление оказалось несложным, доступным даже и учёным-биологам.

Со встречных судов на нас глядели квадратными глазами. До тех пор не было в морской истории случаев, чтобы какое-то судно использовало в качестве двигателя кита!

Так мы и вошли в порт Хоккайдо на острове Окинава – на китовой упряжке. В честь нас там даже салют дали.

Когда же мы оказались в нужном месте, я приказал юнге Шмидту перерубить буксирный канат. Судно таким образом отцепилось от кита. Трос ослаб – и петля соскользнула с бедного животного. Освободившись, кит поплыл вперёд, а мачта с парусом, привязанная к якорной цепи, отстала от него. Обрадованному киту оставалось только выплюнуть изо рта поводья и стряхнуть уздечку, что он сразу же и сделал! А после облегчённо нырнул – только его и видели!

Владелец судна «Омар» – главный учёный Японии Куросао-сан после этой истории хотел было мне за экономию топлива даже крупную премию выписать. Но я от неё отказался – как-никак в морских передрыгах мы оба друг другу помогали, друг друга спасли!

ЯПОНИЯ – ВЛАДИВОСТОК

Восторженные японцы приняли нас как национальных героев. Они буквально носили нас на руках. Ну, юнгу Шмидта носить – это я ещё понимаю, но меня – с моей-то солидной комплекцией – маленьким японцам каково носить?! Но ничего, специально доставили для этой цели на Окинаву бывших борцов сумо – каждый весом с четырёх средних японцев!

Сам император-микадо на чайной церемонии присвоил нам с юнгой почётное потомственное звание японского самурая. Нас с утра до утра показывали по всем каналам японского телевидения. Туристические фирмы и агентства шоу-бизнеса Страны Восходящего Солнца предлагали нам баснословно выгодные контракты на организацию аттракциона с китами. Но мы считали себя не вправе не выполнить условия договора с, похоже, забывшей о нас отечественной компанией по заготовке хвостов и ушей сельскохозяйственных животных «Рашен энд Гиза компанейшнл» и поэтому от японских предложений отказались, что и изложили тамошним шоуменам и туристическим боссам.

Узнав, в чём дело, японцы прониклись к нам ещё большей любовью. А один японский рыбак неожиданно пробился к нам через многочисленные полицейские кордоны и сказал:

– Я привёз вам, господа, подарок – в мой трал попался осколок бревна с надписью русскими буквами «ША» и... египетский флаг с заходящим солнцем. К чему *заходящее* солнце в Стране *Восходящего* Солнца?! И его я тоже подарю вам.

Мы с волнением бросились к берегу и убедились, что рыбак доставил нам бревно от носа нашего «КАШАЛОТА», на котором когда-то было закреплено название нашего судна. Теперь из всего слова «КАШАЛОТ» остались только две буквы «ША».

Как в воду смотрел я, когда-то неосторожно пошутив, что и «ША» – неплохое название для судна!

Однако нас обрадовало, что флаг-вымпел с изображением пирамиды был тут же. И всё это резко повышало наши шансы на вознаграждение по окончании путешествия – так что мы просто расцеловали японца за его подарок.

Капитан спасённого судна «Омар» – главный специалист по морским слонам Куросао-сан, узнав об условиях нашего контракта, воодушевился. Он немедленно сделал из нашего бревна большую водную лыжу на двоих. Закрепил на небольшой мачте флаг с пирамидой и, зацепив лыжу за катер, повёз нас с юнгой Шмидтом к берегам России.

Об этом рейсе японские средства массовой информации растрезвонили на весь мир. Так что на Родину мы возвращались на своей лыже с гордо сияющим названием «ША» почти по сплошному коридору

судов с телекамерами со всего света. Не встречалось там почему-то только русских журналистов.

Примчавшись к территориальным водам России, то есть к нашей Государственной границе, японский катер дистанционно отсоединил карабин буксировочного троса, так что в руках у нас с юнгой осталась только одна ручка, и резко отвернул в сторону. От этого манёвра образовалась приличная волна, на вершине которой мы и покатали на своей лыже, уже как на виндсёрфинге.

Так – на доске с надписью «ША» и с флагом нанявшей нас компании – мы и докатились до причального пирса во Владивостоке – в родные объятия наших дальневосточных болельщиков. Там мы узнали, что фирма-компания «Рашен энд Гиза компанейшнл», на флаге которой изображалась пирамида с заходящим за неё солнцем, своих представителей во Владивосток прислать не успела. Или не захотела. Поэтому оговоренного вознаграждения мы с юнгой Шмидтом не получили, и нам пришлось самостоятельно добираться до конторы фирмы в Архангельске.

Японцы перед отплытием набили наши карманы деньгами, но русские карманы, оказалось, плохо держат иностранные деньги – и множество йен вытащил из них сильный при движении на катере встречный ветер. Так что оставшейся валюты после обмена на рубли для покупки билетов на поезд немного не хватило. Поэтому мы с юнгой решили часть пути по Сибири пройти пешком – приятно, знаете, после морской качки пошагать по прочной земле. А русская земля – очень прочная! Особенно в Сибири.

ОХОТА НА СТРАУСОВ

– Ну вот, собственно, и весь мой рассказ о морском путешествии, – заключил отважный капитан и, отхлебнув ароматного чаю (единственного из признаваемых им крепких напитков), принялся старательно выколачивать о ладонь свою капитанскую трубку, в которой, как мы знаем, никогда не бывало табаку. – В общем-то ничего особенного для настоящего бывшего моряка! Осталось только поведать о наших злоключениях при вынужденном путешествии по земле, то есть по Сибири...

Я посмотрел на капитана Прохора Иваныча Бывалова восхищённо и не удержался, спросил:

– Простите, капитан, но, может быть, прежде вы всё-таки вспомните хотя бы одну-две поучительные истории из своего пребывания в Австралии? Ведь как-то же вы с вашим юным другом Шмидтом выжили там. Не думаю, что течение доставило вас прямо в благоустроенный Сидней! И уж тем более не попали вы в столицу этой удивительной страны – Канберру.

Знаменитый капитан помедлил:

– Ну что ж, одну историю рассказать, на пользу юным путешественникам, пожалуй, можно.

Прохор Иваныч отпил из чашечки и продолжил:

– Какая там Канберра! Приволокло нас тогда в лодчонке африканского рыбака к... незнамо куда. Я спал. На вахте юнга Шмидт стоял. И вдруг он радостно кричит:

– Земля, капитан! Урра-а-а!

Я поднялся, взглянул: и в самом деле – земля. А по ней, вижу, кенгуру прыгают.

– Ну, – говорю юнге, – и занесло же нас!

– В Австралию! – догадался уже и юнга.

А надо сказать, в наши сети уже больше недели ничего не попало. Так что, вы уж меня извините, на кенгуру мы смотрели как на объект сугубо гастрономический...

Однако, выбравшись на берег, ни одной или ни одного из этих попрыгуний-прыгунов догнать не смогли – уж больно резво скачут!

Зато, преследуя их, вышли мы в полупустынную местность. А там снова живность – страусы! Только как ты их без оружия достанешь – ведь бегают они прыгче, чем кенгуру!

Но, сами понимаете, капитан Бывалов не из тех, кто не может найти выхода из любого положения. Присмотрелся я, а в песке какие-то круглые белые камни пораскиданы. И к ним подходят страусы и садятся на них.

– Да это же яйца! – сообразил я. – А эти птички, вернувшись с кормёжки, садятся на них – высиживать страусят!

– Юнга! – вскричал я. – А ну, скорее брей мне голову наголо!

– Как угодно, капитан, но сдаётся мне, что сейчас не самое подходящее время для туалета! – удивился молодой человек.

Однако он взял у меня отточенный морским напильником пиратский нож, достал мыло и выбрил мне голову – гладкая, как яйцо страуса, стала. Потом и я, как ни жаль мне было его роскошную шевелюру, обрил юнгу Шмидта так, что череп засиял.

– Теперь поступаем так, – сказал я юнге, – идём поближе к страусам, зарываемся в песок, оставляя снаружи головы. Страус увидит бритую голову, примет её за яйцо и сядет насиживать. Тут-то ты его и хватай обеими руками за ноги!

Мы закопались в песок. Прибежали страусы, увидели наши бритые головы, подумали, что это яйца – и сели насиживать! А мы тотчас схватили их за ноги!

И минут через пять мы уже жарили на костре из эвкалиптов и обломков бумерангов двух прекрасных страусов.

Мясо страуса не всем нравится, да ведь голод не тётка!

КАК ИЗ ТЕПЛА СДЕЛАТЬ ХОЛОД

– Впрочем, – сказал капитан Бывалов, – расскажу-ка я вам ещё одну австралийскую историю... Пожалуй, и она может пригодиться будущим великим путешественникам.

Иногда говорят, что человеку угодить трудно. Особенно с погодой такая незадача. То тепла человеку хочется, то зиму ему подавай – чтобы по снежку да на лыжах пробежаться! То ему дождик

необходим, чтобы урожай был хорошим, то дожди надоели хуже зубной боли...

Уж на что мы, морские волки, никогда на судьбу не ропщем и любую погоду принимаем как должное, и то порой выражаем неудовольствие. Так и со мной однажды случилось. Когда мы с юнгой Шмидтом вынужденно прохлаждались в Австралии. Точнее, «прохлаждались» – слово очень к тому положению было неподходящим. На самом деле мы не прохлаждались, а наоборот, жарились на солнышке, как яичница на сковородке. Сверху и снизу так пекло, что я возроптал.

– Уж слишком нам тепло, юнга, – сказал я, – сейчас бы нам как-нибудь холода достать хоть немного! Вот бы нам научиться, как холодильник, получать холод из тепла!

– Да разве холодильник получает свой мороз из тепла?! – удивился юнга Шмидт. – Я всегда думал, что он делает холод из электричества!..

– Представь себе, юнга, – ответил я ему и подробно рассказал о принципе работы холодильника.

Юнга слушал с большим интересом. А когда я закончил урок теплотехники, он обрадованно крикнул:

– Эврика, капитан! Раз холодильник делает холод из окружающего тепла, то и мы это сможем! Тем более что у нас тепла гораздо больше! Вот как это делается, капитан! Надо на бумаге или хоть на песке палочкой написать слово «ТЕПЛО», а потом провести от него стрелочку и написать из тех же букв другое слово, переставляя их как угодно. А добавлять или отнимать можно только по одной букве. И заменить одну букву на другую можно за один раз тоже только по одной!..

Я, не скрою, очень обрадовался этому способу. Мы схватили по прутику и тут же на песке пустыни стали превращать тепло в холод. Вот что получилось у меня:

ТЕПЛО – ПОЛЁТ – ПОЛЕ – ПОЛО – ХОЛОП – ХОЛОД!

А юнга Шмидт получил тот же результат по-своему. Так мы и наделали для себя много-много холода! Потому и не зажарились в пустыне, избежали перегрева и солнечного удара.

Между прочим, способ нам так понравился, что мы позднее не раз им пользовались. Получали ведро из дождя, ветер из штиля и даже сахар из кирпича!

И вы тоже можете этому научиться. Попробуйте!

ОХОТА НА ГЛУХАРЕЙ

– Ну, вот видите, капитан, – сказал я Прохору Ивановичу Бывалову, – выходит, не напрасно я вас перебил и попросил про Австралию вспомнить – истории ваши получились на редкость полезны и поучительны! А теперь продолжайте воспоминания – о том, как шли по Сибири. Конечно, ваш способ охоты на страусов восхищает и своей простотой, и гениальностью. Но далеко не все даже и выда-

ющиеся путешественники попадают в Австралию. Однако я подозреваю, что у вас есть не менее поучительные истории, случившиеся с вами и юнгой Шмидтом во время путешествия по нашей тайге. Может быть, поведаете что-нибудь особенное о... Сибири?

– Сибирь – это вам не Австралия, в ней человеку всегда прожить можно, – ответил капитан Бывалов, – была бы только голова на плечах!..

А у юнга Шмидта голова на плечах была! Говорю это, поскольку не люблю приписывать себе чужих заслуг...

Итак, по причине временного безденежья, как я вам уже говорил, мы с юнгой Шмидтом часть сибирских просторов пешком прошагали. Сибирь, как известно, огромная, и путешествие наше растянулось сначала до поздней осени, а потом и до зимы. Рестораны мы всё по той же прозаической причине обходили стороной километров за пятнадцать. А кушать хочется, несмотря на целебный хвойный воздух Родины. Прикидываем, на что бы, то есть на кого бы нам поохотиться. Получилось, что удобней всего на тетеревов – их было вокруг видимо-невидимо.

Стали прикидывать, с чем охотиться, а юнга Шмидт и говорит:

– А без ничего охотиться станем, капитан! Надо только их в рябиннике брать, куда они обедать летают.

Ну, приходим в рябинник. Я, как моряк, прошедший всю жизнь в плаваниях, всё ещё никак не пойму затеи моего юного спутника. «Как, – думаю, – можно охотиться без оружия на тетерева – осторожную птицу с превосходным зрением?»

Глядим: тетерева в рябиннике пируют!

– Смотрите, капитан, – пояснил юнга Шмидт, – тетерев ягодку клюнет и начинает её глотать. А ягодка рябины го-о-о-орькая! Ну, тетерев от горечи глаза-то и закатывает, щурится. Вот в это время он ничего не видит – тут его можно прямо голыми руками брать да в сумку класть!

И что вы думаете? Через десяток минут мы с юнгой таким манером поймали этих птиц столько, что потом на всю дорогу почти хватило. А тетерев, я вам доложу, это не страус – вкус изысканный, его как деликатесную дичь прежде при дворце нашего императора подавали. Иными словами, царская еда, благородная! Ну да, напомним: мы с юнгой Шмидтом к тому времени уже как бы стали дворянами, правда, японскими – сам их микадо нам звания самураев пожаловал! Так что еда была как раз по нашим благородным желудкам и званиям!

– Весьма поучительная история, капитан, – признал я, – так вам только на тетеревов в матушке Сибири поохотиться пришлось?

– Нет, почему же? Охотились и на глухарей..

– И тоже без оружия?!

– Конечно! Ведь, кроме пиратского ножа, оружия у нас никакого не имелось.

– И как же это происходило? Что для такой охоты нужно иметь?

– Только сумку для дичи, – ответил капитан Бывалов. – Только большую сумку или ягдташ, или рюкзак..

А охота проводится примерно так же, как и на теререфов, только ориентироваться надо уже не на закрытые глаза, а на потерю слуха. Глухарь ведь на самом деле очень даже не глухой, но... увлекающийся, как всякий артист, особенно плохой. Глухарь сам себя великим певцом считает – когда поёт-токует, сам себя заслушивается! Ничего в это время не слышит вокруг. Так вот, надо улучшить момент, когда он в своей «песне» зайдётся – и смело, не боясь, что ветка под ногой хрустнет, топая, бежать к нему. Но только сзади! Как прекратит петь – стой как вкопанный. Если в это время на одной ноге стоишь, другую не опускай – как ни тихо это сделаешь, всё равно услышит! А уж как затокует, делай к нему второй бросок – и хватай артиста. Он этого порой не замечает. Ты его в сумку бросишь, а он и там, в сумке, поёт-заливается.

Тоже, между прочим, птица превкусная! И путешественников, особенно бывалых, не раз спасала от голода.

И вообще, я так думаю: с хорошим капитаном экипаж и на суше не пропадёт.

КАК МЕДВЕДЬ НАВЕРНУЛСЯ

– Чем мне особенно понравилось наше продвижение по Сибири, – признался капитан Бывалов, – так это тем, что на родной земле даже и на самых свирепых зверей мы охотились исключительно без оружия. Без ружья или даже силков. И всегда успешно. Хотите, например, я расскажу вам, как медведь навернулся?

– Навернулся? В смысле... упал, свалился с чего-то, что ли? – уточнил я. – Так иногда подростки говорят: «Вон как Санёк навернулся!»

– Нет, – возразил Прохор Иванович Бывалов, – не в этом смысле. А в самом прямом. Я, кстати, никакого сленга вообще не признаю. Я сторонник подлинно культурной речи. Так что наш медведь в Сибири на самом деле *навернулся*.

А дело было так. Попали мы с юнгой Шмидтом в одну деревню – на отшибе от больших дорог. Снег уже глубокий лежал. И тамошние жители пожаловались нам на то, что медведь-шатун сильно их беспокоит. Шатун – такой медведь, который жиру не нагулял за лето, потому и не лёг в свою берлогу в спячку. Либо залёг в берлогу, да его что-то разбудило прежде времени. Ну и ходит такой зверь как чумной. Как человек, которому выспаться не дали. Только ещё злее. Потому что человек, если недоспал, то хоть переест может. Некоторые шутники так и успокаиваются, говоря «лучше переест, чем недоспать». А медведю зимой с этим труднее – ни малины, ни мёду. Вот он тогда и на домашний скот может напасть. А то и на человека – с недосыпу-то не соображает!

– Да ведь сибиряки – прирождённые охотники, Прохор Иваныч! – возразил я капитану Бывалову. – Как же они с медведем всей деревней не могли справиться?!

– Вот и я им так же сказал, – ответил мне капитан Бывалов. – «Мы-то охотники, – объяснили сибиряки, да больно уж мишку убивать не хочется! Зверь шибко хороший, но вреда от него много. Вот бы его, мишку-то, поймать – да в берлогу уложить! Уж и ямы ему копали ловчие, и специальные нетравмирующие капканы кузнец с местным токарем делали – не попадается...»

– Так, значит, кузнец и токарь тут у вас имеются? – уловил юнга Шмидт нужные слова.

– Известное дело! – отвечают сибиряки.

– Тогда, – говорит юнга Шмидт, широко разводя руками, – выточите-ка мне длинный-длинный винт. Вот такой! Да чтобы головка у него большая была. И гайка прямоугольная со стороны сантиметров двадцать.

Мастера сделали, как он сказал. Тогда юнга попросил мёду, намазал им винт – весь, с конца до головки – и вынес его в тайгу и на крепкой верёвке повесил на сук над пеньком. А нас пригласил сесть в засаду.

Вскоре я, кузнец, токарь и ещё двое местных любопытных жителей спрятались за валежник, снежком присыпались, глядим в оба, что будет.

А медведь-шатун запах мёда, да ещё с голодухи, сразу почуял. Глядим – подошёл топтыгин к винту и начал его снизу облизывать. Облизывает нижний конец, а винт ему в пасть входит. Медведь лижет дальше – винт в него глубже и глубже входит. Увлёкся мишка, чтобы делу помочь, сопротивление уменьшить, стал сначала винт лапами крутить, чтобы, значит, лизать было удобнее. А потом сообразил, что лучше самому вокруг винта крутиться. Чтобы до конца мёд слизать, на пенёк даже встал. Так вот, он сосёт мёд и на винт наворачивается-накручивается. Пока до головки винта дошёл, винт в него весь вкрутился, прошёл медведя насквозь и сзади сантиметров на пятнадцать вышел. Ну, тут уж юнга Шмидт не зевал – выскочил из укрытия да сзади медведя на винт гайку-то и навернул!

Медведь с винта – ни назад, ни вперёд, и ничего понять не может. Тут уж сибиряки верёвку от сука отвязали – и за эту же верёвку через всю деревню повели топтыгина в заранее подготовленную берлогу. Там винт выкрутили и, пока не опомнился, затолкали медведя в берлогу, два ведра мёду туда поставили и закрыли берлогу специально сделанной дверью. Но тот и не пробовал вырваться, раз мёду полно. А съев мёд, как раз и жир, нужный для спячки, «нагулял» – и счастливо заснул до весны.

КАК ЮНГА ШМИДТ НА МЫШЕЙ ОХОТИЛСЯ

– А эта история, молодой человек, – сказал мне капитан Бывалов, очередной раз постучав пустой трубкой о ладонь, – будет самой кровавой. Даже не знаю, стоит ли рассказывать её юным читателям... Как-никак дело со смертельным исходом связано. Кровь пролилась. Ну да ведь охоты без крови не бывает. Нечего юношеству врать, прикрываясь одной романтикой да экзотикой!

– Верно, Прохор Иваныч, – поддержал я рассказчика. – Давайте вашу жестокую и кровавую правду!

– Однажды во время нашего путешествия по Сибири, – решился-таки капитан Бывалов, – ночевали мы на охотничьей заимке. Представляла она собой рубленую из сосны избу-пятистенку, то есть состояла из двух комнат. Нас с юнгой пригласил туда охотник Пантелей Степанович Черемных, временно поселившийся прямо в тайге. Кстати пригласил, а то бы тяжко нам пришлось без тепла и крыши над головой – как-никак больше недели уже человеческого жилья мы не видели.

Пантелей Черемных, случайно встретив нас на узкой таёжной тропе, сразу это понял. Привёл на заимку, обогрел, накормил добытой на охоте кабанятиной. Рассказал, как в таких случаях водится, о себе, а мы ему – о наших приключениях.

Подивился Пантелей Степаныч нашему необычайному, с его точки зрения, путешествию да и говорит:

– Люди вы необычные, из всяких передраг выходили невредимыми. И с тигром саблезубым поладили, и кита запрягли. А вот супротив самого простого зверя, пожалуй, не устоите. Я вот, вроде, тоже не льком шит, белку в глаз бью, на медведя не с винтом, так с ножом хожу, а тут не найду управы...

– И что же за зверь вас доконал? – заинтересовались мы с юнгой.

– Да мыши! – в сердцах выдохнул могучий охотник. – Припасы – крупу, мясо – портят. Едва я за дверь выйду или спать улягусь, сейчас же вылазят и грызут не для них припасённое. Я уж и щёлку в полу у стены заделывал – не помогает, новую прогрызают. А мышеловки игнорируют – образованные, видать. Я как-то даже подсмотрел, как это происходит. Спрятался за дверь. Сквозь щёлочку гляжу – вылазит из щели такая шустрая, с маленькими усами морда. Мышинный король, наверное! Головой вправо-влево покрутил – и за дело, то бишь, за разбой. К мешку с крупой побежал. Я дверь распахиваю – да поленом в него! Но полено – не ружьё. Несмотря на свою охотничью меткость, тут я промазал. Мышинный король – к щели, я попытался его опередить, да куда там!

– Пантелей Степаныч, – заговорил вдруг юнга Шмидт, – прошу прощения, но вот вы сказывали прежде, что уже две недели тут проживаете, электричества на заимке нету, а вы, я вижу, довольно чисто выбриты...

– Так я безопасной бритвой пользуюсь, – пояснил охотник. – Снега натоплю, вскипячу – вот тебе и горячая вода, чем не комфорт для бритья?!

– Ну, а на хорошее дело хоть одно безопасное лезвие пожертвовать можете? Или взяли с собой всего одно – «долгоиграющее»?

– Да нет, я здесь, на заимке, ещё с прошлого раза несколько штук положил. Так что бери, коли требуется. А что ты из него делать собираешься?

– Оружие! – ответил юнга. – По зверю и оружие. По размерам, стало быть.

А дальше юнга Шмидт сделал вот что. Он взял у охотника шмат сала, несколько раз протёр салом туда-сюда пол перед щелью, шмат

убрал, а возле мышиного лаза воткнул лезвие безопасной бритвы. После этого (а дело вечером происходило) мы потушили керосиновую лампу, оставили горящий огарок свечи, а сами спрятались в другой комнате и стали наблюдать из-за неплотно притворенной двери, что же произойдёт.

И вот, пяти минут не прошло, из щёлочки в полу показался нос. Он принюхался – и из щёлочки появилась голова мышиного короля. Она как бы блаженно ухмылялась, но и одновременно недоумевала, почему запах есть, а шмата нет! Удивлённый мышиный король несколько раз покрутил головой вправо и влево и как бы спросил: «А где тут было сало?!»

Так вот, когда мышиный король так крутил головой, он и перерезал о бритву своё горло! Пискнул что-то на своём мышином языке, должен быть, предупредил других мышей, чтобы в комнату больше никогда не вылазили, – и рухнул замертво на пол.

– История, конечно, жестокая, – повторил капитан Бывалов, – кровопролитная, но зато после гибели своего короля мыши больше никогда не появлялись на заимке. Во всяком случае так мне писал годы спустя сам Пантелей Степанович Черемных. И я думаю, всё-таки следует честно рассказать об этом кровопролитии. Тем более что великие битвы с мышами ещё в древности происходили. Именно об этом рассказывает нам древнегреческий эпос «Война лягушек с мышами», или, по-гречески, «Батрахомиомахия».

Так что наш случай можно считать маленьким отголоском тогдашнего великого сражения.

ЮНГА ШМИДТ ЛОВИТ УССУРИЙСКОГО ТИГРА

– Как видите, путешествие со мной явно пошло на пользу юнге Шмидту, – продолжил рассказ капитан Бывалов. – И он научился нестандартно мыслить и выходить из сложнейших положений. А чтобы у вас не сложилось впечатления, что юноша только с мышами расправляется горазд, расскажу ещё одну историю. Тут уж противник у юнги случился покрупнее – не мышь, а кошка. Кошка самая крупная в Азии – тигр.

В отличие от индийского саблезубого, миролюбиво к нам отнёсшегося, этот тигр был уссурийским и к нам дружеских чувств не питал. Раньше он служил в цирке, а во время гастролей по Сибири увидал родные места и сбежал в тайгу. Правда, некоторые люди утверждали, что он сбежал от обиды – дрессировщик, будучи не в духе, его – учёного тигра – дураком обозвал! За это, как говорили, тигр и мстил людям – домашний скот убивал. И не думайте, что, мол, легко было с дрессированным тигром схватиться. К этому времени он всю дрессировку забыл, а вот обиду помнил. Помнил и людские повадки, поэтому умел любых ловушек избежать. Конечно, сибирские охотники могли бы его выследить и пристрелить, да директор цирка больно уж просил не делать этого. Ну и дрессировщик надеялся, что если ему живым тигра доставят, то уж они непременно помирятся.

– Так он, стало быть, обидчивый? – уточнил ещё раз юнга Шмидт.
– Как зверь! – подтвердили местные жители.
– На обидчивых воду возят, – сказал юнга. – И, говорите, он
шибко учёным был?

– Ну прямо доцент! Дрессировщик утверждает, что даже грамот-
ный! Чего не о всех доцентах можно сказать.

– Тогда я его очень скоро поймаю, – заявил юнга Шмидт.

Для исполнения замысла он только попросил у местных крестьян
толстый лист фанеры, гвозди и молоток. Затем приколол фанеру,
как транспарант, к двум соснам, нарисовал на ней весьма карикатурно
тигриную морду и крупными буквами под этим «портретом» написал:
«ТИГР – ДУРАК!»

После этого юнга, я и несколько охотников посмелее сели в заса-
ду за этим фанерным щитом.

Смотрим: идёт наш тигр по тропе гроза грозой. И вдруг он видит
карикатуру на себя и, возможно, даже догадывается о смысле над-
писи. Вы можете себе представить, что творилось от такого издева-
тельства, от такой насмешки в обидчивой тигриной голове? Вот-вот!
Разъярённый тигр прыгнул на фанерный щит всеми четырьмя лапами
с такой силой, что всеми когтями проткнул его!

Ну, он, может быть, после этого бы и опомнился и освободил
ноги, но ведь и юнга Шмидт не промах – не для того операцию зате-
вал! Выскочил он из-за укрытия – и... молотком немедленно загнул
за фанерным щитом все когти!

Так – вместе со щитом – тигра и вернули дрессировщику и дирек-
тору цирка, так сказать, одновременно «со щитом» и «на щите».

А нам от этого была большая польза: в благодарность за возвра-
щение тигра директор взял нас с юнгой на поезд, в котором цирк
возвращался в европейскую часть страны. И тут оказалось, что едут
они с гастролями в... Архангельск, куда и нам надо было.

Так мы и вернулись в город, из которого начали своё необыкно-
венное путешествие.

ГДЕ СОБАКА ЗАРЫТА, ИЛИ ЮНГА ШМИДТ СОЧИНАЕТ СКАЗКУ

– В Архангельск, – напомнил капитан Бывалов, – мы приеха-
ли с комфортом – на поезде, в вагонах, зафрахтованных цирком.
Но прибыли поздно вечером – контору фирмы «Рашен энд Гиза
компанейшнл» искать было уже бессмысленно. Поэтому, поблаго-
дарив директора цирка и распрощавшись со всеми его работни-
ками, мы с моим юным другом явились сюда, – капитан обвёл руками
свои апартаменты, – в мою квартиру. А за стеной, вот тут, в квартире
номер сто шестьдесят шесть, – детский плач.

– Что случилось? – спрашиваю соседа.

– Да вот, – отвечает, – сынишку успокоить никак не могу.

Оказалось, соседский сын Дима – мальчик лет пяти-шести – так увлёкся компьютерными играми, что на время просто начисто забыл про свою собаку Альфу. Собака, видя пренебрежение к себе, сбежала из дома, и найти её никак не удавалось.

А когда через несколько дней Дима всё-таки вспомнил Альфу и захотел погулять с ней, родители вынуждены были сказать ему правду о том, что собака от него сбежала и потерялась.

Дима ошибку свою осознал, даже расплакался, но это не помогло – Альфа никак не находилась. И никакие объявления в газетах и на столбах о вознаграждении за возвращение не помогали.

Расстроился мальчик так, что даже похудел и в компьютерные игры больше не играл.

– Собаку, наверно, украли злые люди, – говорил он, – или её даже, может быть, переехали машиной – и я её больше не увижу.

Родители убеждали сына, что Альфа жива, предлагали купить новую собаку, но Дима расстраивался всё больше.

– Новых собак, – возразил он, – не бывает. Это же не вещь какая-нибудь. Новым может быть компьютер, а собака может быть не новая, а *другая*. А другая мне ни к чему. Я виноват перед Альфой. И если не могу её больше увидеть, то хочу хотя бы знать, где она зарыта!..

Так говорил мальчик Дима, а его папа, с надеждой глядя на нас с юнгой Шмидтом, прошептал:

– Придумайте что-нибудь, ради Бога! Отвлеките ребёнка рассказами о вашей необычной экспедиции... А потом мы, может быть, придумаем объяснение, куда подевалась собака! Или уж, на худой конец, где она зарыта...

И тут я опять убедился, что у меня растёт достойная смена. Юнга Шмидт, несмотря на свою юность, проявил выдающиеся педагогические способности! И заодно талант сочинителя сказок.

– Слушай, малыш! – обратился он к плачущему мальчику.

– Я не малыш, – ответил Дима, – я скоро в школу поступаю учиться.

– Ну да! Конечно, не малыш, – поправился юнга Шмидт, – раз ты уже на компьютере работаешь, ты почти взрослый. Поэтому ты сам должен догадаться, почему от тебя собака сбежала. Верно?

– Я знаю, – согласился мальчик Дима. – Я её обидел, на компьютер променял.

– Вот-вот, – подтвердил юнга Шмидт, – а если ты ещё сильнее задумаешься, то сам же догадаешься, *куда* именно Альфа сбежала.

– Я... – залепетал мальчик и от напряжения ума даже наморщил лоб, – я не знаю...

– Собака от тебя, – подсказал ему юнга Шмидт, – сбежала к тебе!

– Как это? – удивился мальчик и совсем перестал плакать.

– А так, – продолжил объяснять юнга. – Ты на собаку не смотрел?

– Не смотрел...

– А всё время смотрел в компьютер?

– В компьютер... в монитор...

– Ну вот, чтобы ты на неё смотрел хоть иногда, собака сбежала в... компьютер!

У маленького мальчика Димы посветлело лицо:

– Да, я слышал, когда электронные письма отправляют, то часто говорят: «е-мэйл... собака...»

– Ну вот! – поддержал юнга Шмидт. – Если ты кому-нибудь через компьютер письмо будешь посылать, то обязательно увидишь там собаку. Она как будто адрес сторожит. А теперь если кто-то тебе электронную почту направит, то у тебя есть в компьютере *своя* собака.

Мальчик рассмеялся:

– А она может оттуда вернуться?

– Да она обязательно вернётся! – заверил юнга Шмидт. – Но это может случиться завтра, а может очень не скоро!

– Ничего, я подожду! – обрадовался мальчик. – А могу я её *там* увидеть?

– Можешь, – ответил юнга Шмидт, – только в виртуальном мире всё немного меняется. И твоя собака там выглядит как буква «а». Но всё-таки узнать её можно... По хвосту. Потому что у настоящей буквы «а» очень короткий хвостик, а твоя собака Альфа прямо вся вокруг хвостиком себя обвила.

Тут в разговор включился папа мальчика:

– Да я тебе, Дима, сейчас покажу твою Альфу. Давай отправим электронное письмо, скажем... дяде Вите.

И папа Димы набрал адрес своего брата – Диминого дяди:

«.....@.ru»

И показал пальцем на экране монитора:

– Вот где твоя собака зарыта!

– Не зарыта, а *живёт!* – поправил Дима.

Его папа растерялся, а я, старый морской волк, удачно поддержал «электронную» сказку юнга Шмидта.

– А твоя Альфа когда-нибудь рычала? – спросил я мальчика.

– Конечно, – ответил Дима.

– Ну, так вспомни, какой звук она при этом издавала?

– Рррр! – ответил мальчик.

– Но ведь в виртуальном мире, как ты уже знаешь, всё немного меняется. Собака там, конечно, тоже рычит, чтобы показать, что она не какая-то простая буква «а», а что она – собака! Только вместо «рррр» в компьютере у неё получается «ru» – «ру» по-нашему.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Сначала рассказ самого отважного, находчивого и правдивого капитана Бывалова затянулся допоздна, потом – далеко за полночь, а после и вовсе до утра.

– Да... – произнёс Прохор Иванович, – много раз радовал меня юнга Шмидт, но, пожалуй, находчивость, проявленная в разговоре с мальчиком Димой, восхитила больше всего. Ребёнка успокоить – это вам не тигру когти загибать!

А на другой день, рано утром, захватив с собой водную лыжу из бревна бывшего «КАШАЛОТА» и флаг с пирамидой, отправились мы с юнгой Шмидтом в контору фирмы «Рашен энд Гиза компа-

нейшнл» за обещанным вознаграждением. Однако в знакомом особняке обнаружили совсем другую контору, где нам и сообщили, что пославшей нас в плавание компании по заготовке ушей и хвостов сельскохозяйственных животных давно уже не существует – лопнула, иначе говоря, обанкротилась, разорив миллионы своих вкладчиков. Узнали мы, что бывшие руководители «Рашен энд Гиза компанейшнл» давно уже неплохо живут в других странах – и поэтому предъявлять претензии нам не к кому.

В новой конторе особняка туманно намекнули, что компания по заготовке ушей и хвостов сама и нанимала пиратов, пытавшихся обокрасть нас, чтобы при любом раскладе не платить нам назначенных денег. Что с самого начала фирма хотела лишь понадевать шуму вокруг себя – и для рекламы бросила нас в море, а там, плывите, мол, как хотите.

Как бы там ни было, но никакого оговорённого вознаграждения с банкиров мы с юнгой Шмидтом действительно не получили. Но если честно, то мы не слишком расстроились по этому поводу. Как-никак мы всё-таки совершили своё удивительное, неслыханное путешествие! А главное, мы всё-таки вернулись домой! Живые и невредимые! И с громадной коллекцией впечатлений! И нам есть что вспомнить. Я уже был совершенно дома, а юнге Шмидту осталось только добраться до Саратова.

Тут капитан Бывалов взглянул на свои сверхточные капитанские часы, извинился, «выбил» несуществующий табак из трубки и начал собираться в путь. До отправления его поезда оставалось часа два. Поэтому о продолжении беседы не могло быть и речи.

Я записал эти удивительные истории. Они настолько невероятны, что я в некоторые из них ни за что не поверил бы, если бы их рассказывал кто-нибудь другой, а не прославленный капитан Бывалов. И я думаю, что если в записанном есть какие-то неточности, то это может объясняться лишь тем, что я неправильно понял слова этого великого морехода, правдолюбца и скромника. И ещё тем, что меня неправильно понял мой читатель. А читатель проницательный, разумеется, поймёт всё правильно и заключит, что всё рассказанное бывалым капитаном – чистая правда.

Жаль, конечно, что по причине скорого отъезда удивительный капитан успел рассказать нам только об одном из своих многочисленных путешествий. Но, может быть, мне повезёт и я снова встречу с ним, чтобы записать другие истории, происшедшие с этим незаурядным человеком.

Я же счастлив, что довёл до мира эти поучительные, полезные и развивающие ум и отвагу повествования. Может быть, кому-то попавшему в чрезвычайно трудное или даже невыносимое положение они сильно облегчат жизнь, кого-то заставят задуматься о жизни и, в частности, о том, что не всегда она такая уж серьёзная и, главное, что она – жизнь – всегда хорошая. И жить можно и в Архангельске, и в Саратове, и в Сибири, и даже в Австралии!

Лишь бы была голова на плечах.

**Николай
СОВЕТОВ**

КОСМИЧЕСКОЕ НАШЕСТВИЕ

(журнальный вариант)

Астрономы первыми заметили в космосе движение «неизвестно чего» с помощью космических же телескопов. Два из них, сначала «Хабл», затем «Хесл», висящие на околоземных орбитах, отметили и передали на Землю сообщение о перемещении в космосе некой точки. Потом это увидели и зафиксировали земные высокочувствительные, а далее и другие телескопы.

Замеченная тёмная точка была ничтожна. Но она была. Появилась. И это требовало осмысливания и объяснения. Крохотное тёмное пятнышко сначала смещалось по солнечному диску, будто пересекая его, а затем вообще вышло за сверкающие нестерпимым блеском солнечные границы.

Стало быть, это вовсе не пятно на Солнце, а нечто порождённое отнюдь не Солнцем и не на Солнце. У астрономов и всего мыслящего человечества явление вызвало шок. Ведь это означало, что наблюдаемое «пятнышко» — независимое космическое тело.

С течением времени «пятнышко» увеличивалось в размерах. И это означало, что тело мчалось с космической скоростью, и не куда-нибудь, а к Земле. Проведённые расчёты показали, что неизвестный объект встретится с Землёй ровно через год, когда она снова вернётся на то место, с которого «нечто» в космосе было впервые замечено.

-
- Николай Михайлович Советов родился в 1926 году в Саратове. Окончил радиотехнический факультет Московского авиационного института. Доктор технических наук, профессор. С 1961 года работает в Саратовском государственном техническом университете. Сыграл заметную роль в истории вуза. Автор более 150 публикаций и 5 монографий по приборам и технике СВЧ, в том числе одного учебного пособия в издательстве «Высшая школа». Прозаик, автор рассказов, повестей и романов. Некоторые произведения были изданы за рубежом. По одному из рассказов Н. М. Советова в 1984 году в Чехословакии был снят фильм. Ветеран Великой Отечественной войны. Член Союза писателей России. Живёт в Саратове.

Следовательно, это небесное тело запущено сознательно, целенаправленно в сторону нашей планеты.

Разумеется, возник вопрос: под действием каких сил происходит это движение. И ответ теперь уже напрашивался сам собой: под влиянием на это «нечто» либо реактивной тяги, или, что для нас совершенно ново, под давлением солнечного света. Как на парус лодки давит ветер, толкая её по воде, так, возможно, и неизвестное тело под действием солнечного ветра двигается в космосе.

Со страниц узко-астрономических изданий сногшибательная новость переключалась в широкую прессу, и в ней замелькали заголовки вроде: «К нам летят гости из космоса»; «Ждём пришельцев – братьев по разуму...» и т. д., и т. п. Но такие восторженные сообщения звучали совсем недолго. Довольно скоро появились разумные возражения: «Опомнитесь, люди! – писали некоторые газеты. – Где и когда вы видели радужные картины, например, при открытии и освоении новых земель? И тёплые встречи «пришлых» с аборигенами? Всегда более развитые пришельцы из других мест поработали прежних хозяев и затем грабили грубо и изкровенно. А то и вовсе подвергали уничтожению...» И радужные настроения быстро ушли, сменившись тревожным ожиданием. Дальнейшие сообщения как могли успокаивали людей: «Наблюдения астрономов позволяют утверждать, что летящее к Земле тело не вполне похоже на какой-то межпланетный корабль. Скорее, это некоторое пространственное образование площадью около половины квадратного километра, но как бы не имеющее заметной толщины. Нечто вроде летящей «тарелки». Или «одеяла» большой площади. И когда это «одеяло» из-за движения Земли по орбите поворачивается тонким «ребром», тело перестаёт быть видимым. И, возможно, и нет на нём никаких пришельцев...»

– Ну вот, дожили... – говорил профессор кафедры физики технического университета Семёнов любознательному студенту Виктору Токареву, который решил проводить его после лекции до кафедры.

Профессор Семёнов был немолод, но вовсе не сторонился студентов. И часто, закончив лекцию, шёл на кафедру не один, а в сопровождении одного-двух пытливых молодых людей. Сегодня его сопровождал третьекурсник Токарев, студент внимательный, который, как казалось Семёнову, даже что-то понимал в читаемом им, Семёновым, курсе. Впрочем, профессор и не считал, что студент, даже самый умный, сразу поймёт сложные премудрости теоретической электродинамики.

Но провожавший его студент был далёк от мысли обсуждать только что завершённую лекцию. Токареву явно хотелось высказать свои соображения по поводу последних космических новостей умному человеку.

– Пётр Иванович, – начал студент, задавая профессору мучивший его, как и многих других, практический вопрос, – что же всё-таки к нам летит?

«А, задело это и тебя! – удовлетворённо подумал профессор. – Значит, голова работает». И, усмехнувшись, но без всякой попытки уклониться от вопроса, ответил:

– Как и вы, хотел бы я это знать.

Затем после секундной паузы добавил:

– Но не жду ничего хорошего. – И, явно ощущая, что студент хочет услышать от него больше, продолжил: – Родимая наша планета Земля уникальна. И чей-то, вероятно, недобрый разум понял это и решил поживиться за наш счёт.

А какой ещё ответ на основании скудных сообщений в прессе мог дать профессор любознательному студенту? И потому он потеплевшим голосом завершил разговор:

– Но вы не стесняйтесь. Если ещё что заметное вычитаете – заходите, обсудим. И, может, что интересное выудим.

И действительно, астрономы и астрофизики вскоре развернули дискуссию по вопросу: «Что к нам летит?» И если это некий межпланетный объект, то находятся ли на нём мыслящие существа? И смогут ли эти существа, если они там есть, летящие на столь странном «корабле» в виде простыни или, скорее, развёрнутого одеяла, преодолеть земную атмосферу и благополучно приземлиться?

На этот вопрос учёные сообщества многих стран однозначно ответили: «Нет. Столь большой и необтекаемый летательный аппарат в виде «тарелки-одеяла», летящий с огромной скоростью, при входе в земную атмосферу непременно будет разорван на бесчисленное количество мелких кусочков. И кусочки эти будут рассеяны по весьма большому объёму воздушного пространства Земли. И уже потом они, подобно опадающим осенним листьям, под действием земного притяжения и ветров будут разноситься по Земле и оседать на ней.

«...Так что пришельцев, в скафандрах или без, но человекообразного вида, нам, скорее всего, на этом «одеяле» увидеть не придётся» – перепечатывали газеты высказывания многих учёных.

Из всех студентов разных факультетов университета Витька Токарев считал разумными только физиков и математиков. И только из них, после того, как они ещё немного поучатся, могут выйти хорошие инженеры. Из инженеров тоже могут выйти физики, но таких случаев гораздо меньше.

Что же касается иных факультетов, включая и медицинский институт, расположенный недалеко, то Витька высказывался по их поводу категорически:

– Чего о них говорить? Я могу выдолбить любой их учебник. А вот пусть они попробуют хоть что-то на должном уровне изложить по любому из моих предметов!

И как бы показывая, что эти умственные упражнения он готов предложить только мужской части иных студентов, пояснял:

– Ну, а что касается девочек и их способностей к физико-математическим наукам, то уж тут я замолкаю. Даже наши факультетские «физички-математички», на пять голов по разуму превосходящие «биологинь», «медичек» и т.п., и те порой не тянут.

И добавлял как бы по секрету:

– Но, признаюсь, говорить с девочками о науках мне ну никогда не хотелось. – И ссылаясь на то, что его пассия Ниночка – «биологиня».

– Знаю это непонаслышке. У них в биологии вообще ничего точного нет. Пестики-тычинки... – И насмешливо хмыкал.

А то, что он считал свои собственные утверждения безапелляционно-верными и не нуждающимися ни в обсуждении, ни в доказательствах, его ничуть не смущало.

Тем временем загадочное «нечто» приближалось к Земле, и люди всё более и более понимали, что время выяснения того, «что к нам летит», неотвратимо приближается. И теперь уже точно было предсказано: «Вхождение неизвестного тела в атмосферу Северного полушария начнётся 20 апреля 20*** года, примерно в 20 часов 11 минут по Гринвичу...» И в газетах для широких кругов читателей говорилось: «Столь нехарактерное для астрономических расчётов пояснение – «примерно» – сделано лишь по той причине, что указать точно, где начинается атмосфера, способная разрушить, разорвать на куски неизвестный нам объект, затруднительно».

В назначенное время огромное количество зевак во многих странах Северного полушария столпились на улицах, во дворах, на крышах. И не были обмануты в своих ожиданиях. Они увидели, что небо, в его северо-восточной части, сначала не очень ярко, но затем всё сильнее и сильнее засветилось, постепенно разгораясь сотнями, а затем едва ли не тысячами и тысячами светящихся точек. «Светлячки» эти двигались, пересекали пути друг друга и облачками медленно, очень медленно оседали на землю. И по мере опускания точки-светлячки уходили из зоны подсветки их закатившимся за горизонт солнцем и гасли.

Зрелище было феерическим, но толпы в большинстве своём подавленно молчали, никак не выражая своего отношения к происходящему и непонятному явлению.

«Биологиня» Ниночка, с которой Витька Токарев встречался, была прекрасно сложенной девочкой, спортсменкой, но отнюдь не отличницей. Однако «хвостов» и троек не имела, так как очень ценила свою стипендию, ибо иных доходов у неё не было. Витька стипендию тоже весьма уважал и учился старательно, но он был крепким парнем и потому, если удавалось, подрабатывал. А поскольку Витька был пока лишь третьекурсником, то ни на завод, ни в каких-либо институтских лабораториях, как некоторые старшекурсники, на платную работу не устроился. Да пока и не стремился, считая свои временные «шабашки» более удобными. И нанимался либо на разгрузки вагонов на «товарке», либо в порту, либо в магазины на те же погрузки-разгрузки.

И часто шутил:

– Такие работы очень развивают интеллект, чётко понимаешь: если не будешь хорошо учиться, это «тащи-подай» станет твоей основной профессией. А я почему-то такого не хочу.

Естественно, вопрос о том, что к нам летело и что прилетело, обсуждали и они. И Нина первой рассказала о слухах, обсуждаемых на биофаке:

– А не кинули ли нам на Землю эти «братья по разуму» какую-нибудь космическую гадость? Да не дай Бог «живую». – И посмотрела на Виктора отнюдь не своим обычным шутивным, со смешинкой, взглядом, а серьёзно и вдумчиво.

Надо сказать, что и такие высказывания уже мелькнули в газетах. Но это было бы по-настоящему страшно. И, вероятно, потому массово газеты эту версию не развивали. В специальных же изданиях, возможно, от нежелания распространять даже в узких научных кругах непроверенные предположения, об этом тоже не говорилось. Учёный мир словно замер в ожидании подтверждённых фактов и заключений.

Деревня Грибановка была названа так неизвестно кем в давние времена. Возможно, первые поселенцы деревни обнаружили в холмистых и лесных её окрестностях много грибов, которые до сих пор не перевелись, и результаты «тихой охоты», как и прежде, радовали местных жителей. Кроме того, здесь имелось несколько прудов, которые разнообразили и оживляли лесные пейзажи. А поскольку мимо деревни пролегла большая трасса, автобусы ходили регулярно и добраться до окружающих лесов было нетрудно.

И Виктор с Ниночкой, весной и летом, когда выдавалось свободное время, любили гулять в этих лесах.

Летние прогулки на природе позволяли Виктору и Нине оставаться друг с другом наедине.

Молодые люди гуляли, изучая окрестности, а то и просто любуйась природой. И здесь Ниночке иногда удавалось подколоть своего кавалера:

– Ты вот часто хвастаешь, что всё знаешь...

– Нет, – прерывал он её, – не всё. Но многое могу понять.

– Ну, раз ты физик и всё понял, объясни, что к нам прилетело?

Витька зло мотнул головой и ответил:

– Вот прочитаю, что об этом пишут умные люди, тогда и объясню.

Незнание сердило Виктора и подрывало его веру в могущество мировых умов.

А Ниночка, женским чутьём уловив его раздражение, сразу сменила тему:

– Природа нашего края, то есть средней полосы России, – сказала она, явно копируя лекторский тон кого-то из своих преподавателей, – по пышности растительности, конечно, уступает тропикам. Но она всё равно пленяет своим разнообразием. Вон смотри, как чудесна дубрава, спускающаяся с холма, на котором мы стоим. А вон на северной стороне – ельник, он любит более тенистые склоны. – И повела рукой, словно охватывая ею всю эту лесную красоту.

– Ну, довольно ботаники! – почему-то резко прервал её поэтический тон Виктор. – Ты вот лучше скажи, что за липкая гадость слетела мне на руку с твоих листочков-цветочков? – И протянул ей руку.

На среднем пальце руки было видно небольшое, но яркое красное пятнышко, явно свидетельствующее о начинающемся воспалении.

– И что, болит?

– Да, немножко болит, – сморщив губы, ответил Виктор. – А может, и «не немножко». И, думаю, это от той «липкости», что я зацепил под кустом.

– Ну ничего, до свадьбы заживёт, – ответила Ниночка бабушкиной фразой.

И Виктор подумал, что, вероятно, все бабушки говорят так своим внукам. Но потом, даже дёрнувшись от пришедшей в голову мысли, резко обернулся к собеседнице:

– Слушай, я с раннего детства лазил по деревьям, падал, накальвался, обдирался – было. Но чтобы так жгло – не помню.

Нина взяла его руку, посмотрела и, слегка хмыкнув, ответила:

– Пятнышко-то крохотное...

– Это так, – ответил Виктор, – но сильно колет.

– Иди к врачу, – спокойно ответила Нина, – возможно, посмеются, но йодом помажут. И уж ты, пожалуйста, вытерпи, – с небольшой долей издёвки сказала девушка.

На следующий день, ближе к вечеру, у Ниночки зазвонил телефон. Это был Виктор. И то, что она услышала, заставило её пошатнуться и чуть не упасть на пол. Виктор ровным тоном, сквозь который прорывалось волнение, едва не переходящее в рыдание, сказал:

– Нина! Из поликлиники, куда я пошёл, меня срочно переправили в больницу. Постоял там немного в очереди в регистратуру и потом сразу – в операционную. Да, да. И там, вопреки твоим словам, не смеялись. Там мне отрезали мой уколотый палец. По вторую фалангу. Слышишь? Отрезали палец!

– Что? Как? Почему отрезали? Без попыток лечить эту «мелочь»?

Виктор ответил на это грустным, но уже спокойным тоном:

– Вежливый, но очень взволнованный хирург сказал мне в ответ на мои попытки отказаться от операции: «Как вы думаете, чем я занимался вчера и что делаю сегодня? Режу пальцы, отсекаю ступни, пораненные и наколотые на природе. И делаю это уже два дня. Выполняю строжайший циркуляр Министерства здравоохранения, пришедший позавчера: ампутация, иначе – смерть». И ещё пошутил, с ухмылкой глядя на меня: «Ну что, молодой человек, будем резать? Или пойдёте домой умирать?» Так что, Нинка, я теперь инвалид, – заключил Виктор. – Ковырять пальцем в носу будет ещё можно. А вот что-либо иное?..

– Ну, раз ты про что-то иное вспомнил, значит, ничего страшного нет, – ответила Нина, которая, хоть и взволновалась донельзя, но пыталась вернуться к их обычным, с подтекстом, разговорам. – Проживёшь и без одного целого пальца, – уже справившись с собой, сказала девушка, стараясь и далее убеждать Виктора не переживать слишком сильно.

Однако долго молчать о том, что теперь простой укол чем-то на тропинке, на дороге, о колючий кустарник ведёт к таким последствиям, было нельзя. Тем более что с большой скоростью уже распространялись слухи, которые, как выяснилось, были не так уж далеки

от истины: это проделки злобных пришельцев-инопланетян. А может, и сами они суть микроорганизмы?

Предположение Ниночки оказалось верным. Газеты словно взорвались, печатая высказывания учёных и неучей, общественных и религиозных деятелей.

Сначала об этом говорили по центральному радио, а затем и в серьёзных газетах появились статьи, в которых поддерживалась версия, что всё это – следствие инопланетного вторжения, которое Земля пережила в апреле этого года. Эти инопланетные организмы, размножаясь, начали образовывать колонии в виде скопления некой белёсой и, несомненно, живой и растущей субстанции. Из «плевков этой гадости» образовывались и росли новые «озёра-скопления» её. Те в свою очередь начинали «плеваться», и таким образом межпланетная «плесень» завоёвывала всё новые и новые пространства, чётко обозначив, каким образом она намерена захватить планету Земля и уничтожить всё живое на ней.

«Это какая-то неизвестная нам микробиологическая инфекция, – объясняли людям. – Сколько её было за века обнаружено людьми? Всякой там холеры-чумы, а также прочей гадости. И с большинством из инфекций учёные справились». Но забывали напомнить лишь о том, что на это потребовалась чуть ли не вся известная нам история человечества.

Немного проще было в северных странах, где люди всегда обуты и довольно плотно закрыты одеждами. Но в южных странах, где половина, а то и более, населения ходит босиком, да к тому же не слишком развито здравоохранение, количество смертей стало угрожающим.

Разумеется, мир потерял спокойствие. И хотя источник угрозы был определён, ампутация, сделанная вовремя, признана универсальным способом «лечения», настроение жителей всех континентов отнюдь не улучшилось.

Однако страх перестал быть паническим. Враг определён. Линия поведения – известна. Ну, а что касается болезненности и даже жестокости лечения – так на что не согласишься, чтобы избежать смерти?

Оставалось лишь выработать надёжные способы противодействия «плевкам» и, таким образом, размножению «плесени». Последние сообщения ещё более успокоили людей: к борьбе с космической «плесенью» решено подключить армию. И ряд армейских подразделений в разных частях страны, и отнюдь не только в России, разбитых на мелкие отряды, вооружённых огнемётами, отправился на поиски скоплений того «нечто», что было вброшено из космоса.

Лейтенант Смирнов, только что окончивший пехотное училище, получил первое самостоятельное задание: с группой из семи солдат, вооружившись огнемётами и бензопилой, ехать в окрестности города. Было известно, что там образовалась колония межпланетной «гадости».

Командир батальона, сверяясь со своей картой, вытащенной из планшетки, очертил уже по карте Смирнова выделенный ему квадрат, как посчитал Смирнов, площадью не менее двух-трёх квадратных километров.

– Начнёте с известного «озера». Осмотреть всё, выявлять места скопления «гадости» и выжигать её вместе со всем, что есть вокруг. Предварительно выпиливать деревья, чтобы было меньше пожаров. Возьмите с собой сухой паёк на два дня.

– Но ведь это пригородная зона. Там могут быть дома и строения.

– Возможно. Но твоя задача – выжечь всё заражённое в указанном квадрате. Всё! И осмотреть округу: нет ли там того же. – Командир секунду помолчал и добавил: – То есть мерзкой «плесени», которая есть космическая «зараза». Надеюсь, слышал? А жители уже оповещены. И, если будет надо, предоставят крышу для ночлега. Сухой паёк получили?

– Так точно.

– Ну, а если задержитесь, звоните. Я – «Пятый». Здесь недалеко. Ваш радиотелефон в пределах связи со мной. По приезде звоните и доложите. Не в пустыню же едете, а спасать людей от «заразы».

– Так точно, слышал. Но самой «заразы» я ещё не видел.

– Ну вот, теперь увидишь. Закрывайте лица сеткой, которую вам выдали. И берегите руки. Без рукавиц ни за что не хватайтесь.

И, переходя с дружелюбного на официальный тон, скомандовал:

– Выполняйте!

Выехали на двух «уазиках» – лейтенант и семеро солдат, вооружённых двумя огнёмётами, со сменными баллонами, каждого из которых хватало на полчаса выжигания.

Солдаты посмеивались, перекидываясь шутками:

– Жечь – не строить. На это квалификации у нас хватит.

Менее чем через полтора часа «уазики» были на месте. При въезде в село команду обступили жители. Но ни вопросов, ни весёлых шуток не было слышно. Люди, пёстро одетые – кто в рубашках (на дворе ведь лето), а кто в ватниках и шапках-ушанках, – смотрели на команду.

– Кто из вас покажет нам скопление «гадости»? – поздоровавшись с ожидавшими их людьми, спросил лейтенант.

Тут же выскочили двое мальчишек:

– Мы, мы!

– А кто-нибудь из взрослых присоединится?

Явно не очень охотно на вопрос отозвался мужчина лет пятидесяти, в ватном, несмотря на август, пиджаке-архалуке:

– Василий Иванович, – отрекомендовался он, – уполномоченный от сельсовета. Нас уже известили, сказали: надо показать самую большую «гадость». А что помельче – вон детвора всё знает.

Потеснившись, все уместились на «уазиках» и менее чем через десять минут, проехав рощицу и спустившись по небольшому овражку, оказались в низине. Впереди поблёскивало что-то вроде озера.

– Близо не подходите, – предупредил Василий Иванович, – эта «зараза» «плюётся». У нас двое мальчишек полезли – так один до сих пор в больнице мается.

– А что с ними случилось? – поинтересовался лейтенант.

– Да камнями в «озеро» стали кидаться. И подошли слишком близко. А оно «плюнуло». Шею зацепило и волосы. Одного-то немного задело – больше на одежду попало. А второму – воспалило шею и, попав под рубашку, плечо пожгло...

И добавил:

– А если «плевок» попадает на сухую траву или валежник – костёр, а то и пожар получаются. Видите, сколько золы кругом. Так что лучше её, эту «гадость», не сердить и не кидать в неё ничего... Это даже наши мальчишки поняли.

Действительно, окинув взглядом ближайшие окрестности «озера», лейтенант отметил, что чем ближе деревья подходили к нему, тем более голыми оказывались их ветви.

И, вспомнив о предупреждении старика, лейтенант скомандовал:

– Всем гражданским – отойти шагов на сто. Огнемётчикам – надеть костюмы и взять в руки оружие!

Словно выполняя собственную команду, тоже вынул из багажника свой комбинезон. А одев его, стал похож на космонавта. Два солдата, помогая друг другу, тоже надели комбинезоны.

Перед тем, как дать команду: «Закрывать шлемы», лейтенант уточнил:

– Я в центре. Двое – по обе стороны от меня. Дистанция – десять метров. Включить переговорные рации. На связи я – «Шестой». Закрывать шлемы.

И почему-то невольно подумал, что ныне он действительно «шестой»: «шестёрка» – по своей сегодняшней жизни и чину. И номер его ещё не скоро подвинется ближе к первым.

Тем временем лейтенант и двое солдат одновременно шагнули вперёд, подняли огнемёты, и все поняли, что наступление началось.

Перед глазами собравшихся лежало некое белёсое пространство диаметром не более десятка метров, заполненное чем-то отдалённо напоминающим беловатый кисель, с небольшими и очень медленно колышущимися на месте волнами.

– Опробовать огнемёты! – скомандовал лейтенант.

Резкие вспышки двух огненных струй, направленных в небо, наискосок над «озером», у которого стояли солдаты, с треском вырвались из стволов их огнемётов.

И тут случилось нечто невероятное. Лежащая перед ними белёсая поверхность «озера» вдруг сильно заколебалась, зарыбила, и на поверхности возникли какие-то фигуры, занявшие почти всё её пространство. Показались выпуклости линий, образовавших некую чёткую фигуру в виде треугольника и трёх квадратов.

– Смотрите, смотрите! – после секундной паузы услышал Смирнов в своих наушниках крик одного из солдат. – Это же теорема Пифагора! «Пифагоровы штаны во все стороны равны...»

«Гляди-ка, соображает! – почему-то вдруг, как о чём-то совершенно несущественном, подумал Смирнов, сам ещё не успевший удивить-

ся тому невероятному, что предстало перед его глазами. – Видно, что солдат – первогодок, школу недавно закончил...»

Действительно, перед ними, как на огромной школьной доске, на поверхности «озера» возник хорошо знакомый со школьных времён чертёж знаменитой теоремы. Треугольник и три квадрата. Два на катетах и один – на гипотенузе.

«Значит, белёсое «озеро» – мыслящее существо! Мыслящее существо из Вселенной... И что мне делать?..»

Вот так природа загадывает людям загадки. Загадывала их во множестве за многотысячелетнюю историю Земли. И продолжает снова. А суть теоремы Пифагора на плоскости, по-видимому, – абсолютное знание, справедливое во всех мирах.

«Надо доложить начальству», – мелькнула уже на уровне автоматизма простейшая и правильная мысль.

– «Пятый», «Пятый»! – закричал в свой микрофон Смирнов. – «Озеро» подаёт мне какие-то сигналы. Рисует их... Рисует теорему Пифагора. Что делать? Огонь открывать?..

– Что-что? Ты с ума сошёл? – отозвалось в телефоне.

– Пока не сошёл! – тоже закричал в микрофон Смирнов. И, нарушая всякую субординацию, едва ли не приказным тоном буквально заорал на своего старшего лейтенанта: – Связывайся с начальством, доложи обстановку! И пусть прикажут, что делать?

Телефон молчал долго. Командование части обратилось со сногсшибательной новостью в штаб полка, те – в дивизию, и так далее. Через какое-то время министр обороны позвонил президенту России, изложил суть и спросил о том же: «Открывать ли огонь на поражение по тому непонятному, что заброшено к нам, по-видимому, инопланетянами?»

– Ну и задачу вы мне задаёте! Должен ли я объявить межпланетную войну? – ответил президент. И хотя сказанное для него не было совершенной неожиданностью – уже несколько дней в окружении президента вопрос об уничтожении колоний пришельцев серьёзно обсуждался, – но сообщение о разумности «озера»...

И потому он после краткого раздумья ответил:

– Срочно собрать Совет Безопасности России. Так же срочно известите о происходящем Генеральную Ассамблею ООН. И сообщите в воинскую часть, что ответ на заданный вопрос будет дан через некоторое время.

А лейтенант, на своём месте решая тот же вопрос, подумав ещё минуту и не получив ответа уже от своего начальника, скомандовал в микрофон:

– Огнемётчикам: опустить оружие! Десять шагов назад! Ждать команды.

Следующая команда начальства, полученная-таки минут через тридцать, была проста и понятна:

– Лейтенанту Смирнову сдать территорию находящемуся там сторожу и возвращаться в часть!

Открытая война межпланетных цивилизаций была отложена. Но, как быстро поняли люди, только в этом конкретном месте. Пресса,

радио- и телепередачи тщательно фильтровали сведения о межпланетных выбросах. А то, что всё же попадало в печать и на радио в разных странах, различалось в частности, но не расходилось по сути. Некий холодный и безликий разум объявил населению Земли длительную и беспощадную войну.

Оказалось (хотя пресса об этом почти молчала), что по всей необъятной России «межпланетные колонии», подобные той, возле которой лейтенант Смирнов решал вопрос, открывать ли ему планетарную войну на Земле, образовались уже во множестве. И с каждым днём количество их увеличивалось, как и число пожаров, источником которых являлись пресловутые «озёра» пришельцев. Горели леса в Европе, горели в Европейской части России и Сибири. Поыхал огонь в Северной и Южной Америке. Планета Земля могла стать сплошным пожарищем.

А поскольку все начали понимать, что своим вторжением на Землю межпланетные пришельцы уже начали войну, мир замер в ожидании дальнейших событий. И многие люди стали думать о будущем со страхом и ужасом.

Все домыслы и достоверные сведения, которые доходили до физиков и техников университета, тщательно обдумывались. Ведь любознательность в учёном мире всегда была движущей силой, развивающей мышление людей.

И потому профессор Семёнов внимательно обдумывал скудные сообщения о местах, связанных с приземлением пришельцев. И то, что одно из этих мест находится рядом с его городом, чрезвычайно его волновало. А когда выяснилось, что его студент Виктор Токарев знает эти места и даже пострадал там, решил поподробнее поговорить с ним.

– Вы, молодой человек, задавались вопросом о том, откуда берётся у так называемого «плюющего озера» энергия, ну, например, для этих самых «плевков»? Ведь закон сохранения энергии никто не отменял.

– Нет, как-то не задумывался.

– Так давайте подумаем вместе. И со своей стороны могу предположить лишь один источник – Солнце. А «озёра», черпая и запасая с его помощью энергию, являются для нас материальным воплощением субстанции пришельцев.

– Да, – ответил Виктор, – видимо, так. Но тогда они и их энергия будут иметь место в таком виде только летом, зимой «озеро» замёрзнет.

– Возможно. Но, скорее всего, оно не замёрзнет, – искал аргументы профессор, – ведь мы не знаем химического состава «жидкости», из которой состоит «озеро». А может, его «жидкость» – как некий электролит для аккумуляторов – при наших зимах и не замерзает? Да и «озеро» явно может долго держать запас энергии. Ведь Солнце не каждый день светит. А запас энергии нужен...

И при этом подумал, что центральные научно-исследовательские институты уж наверняка, предъявив все необходимые документы, получили и исследовали эти загадочные «электролиты». Но молчат.

– Значит, – следуя мысли профессора, продолжал Виктор, – надо и нам достать хотя бы стаканчик этого «электролита». Но... Достать бы можно, но оно «плюётся».

– Это надо обойти! – ответил профессор с молодым задором. – То есть «плевать» мы ему не запретим. Но избежать попадания «плевков» можно.

– Как?

– Да с помощью хотя бы зонта. – И Семёнов слегка улыбнулся, поняв, что ведёт разговор по сценарию популярной песенки об устранении жизненных неприятностей «...с помощью зонта».

– Сделаем «зонт», чтобы прикрыть голову и плечи. И сделаем его, например, из жести. А остальное закроем плотной одеждой, которую не жалко. Лишь бы выдержала несколько «плевков», – сказал Семёнов.

И при этом подумал, как часто в нашем мире «новое» добывалось самыми примитивными способами.

При встречах с Ниночкой Виктор подробно рассказывал ей о замыслах своего профессора и своём участии в реализации их общих мыслей по добыче «эликсира» жизни или смерти из загадочного «озера». Буквально при следующем их разговоре на эту тему Ниночка вдруг заявила:

– А тебе, Витенька, не кажется, что вы, физики, слишком уж безапелляционно накладываете свою лапу на явления, находящиеся вне вашей компетенции?

Виктор от неожиданности вопроса оторопело посмотрел на подругу и после паузы спросил:

– Так ты что же, хочешь сказать, что это не наше дело? Не дело физики?

– Если речь идёт о жизни, всё равно какой – земной, инопланетной, – то да, это дело биологов, медиков, физиологов.

– Так чего же «другие», то есть ваши учёные спят и не интересуются животрепещущими вопросами иных наук?

– Почему спят? У нас на факультете говорят, что скоро биологи соберут научную конференцию по вопросам других – внеземных – форм жизни.

– Ну вот когда соберут, тогда и поймём, кто спит, а кто работает.

Ниночка, врождённым женским чутьём поняв, что если она хочет далее разговаривать со спокойным, а не раздражённым мужчиной, решила, что дальше ей спорить не стоит. И совершенно примирительным тоном попросила:

– Витенька, когда ты со своим чудо-профессором добудешь из загадочного «озера» его «водички», отлей маленькую-маленькую толику её и для наших отсталых занятий наукой.

И как никогда ласково-ласково заглянула ему в глаза и погладила по щеке.

А Виктор, пожалуй, впервые в жизни чётко понял, что женщина может добиться от мужчины, чего захочет.

На следующий день профессор и его студент сели в семёновскую легковушку и быстро доехали до загадочного «озера». Но там теперь

стоял «караул» в лице незнакомого деда из той же Грибановки. И тот никак не хотел их подпускать к «загадке».

– Мне за это деньги обещали платить!

Пришлось вернуться. Впоследствии Семёнов потратил целую неделю, чтобы получить допуск к загадочному месту. Следует сказать, что профессор ничуть не сетовал на задержку. И, будучи давно приучен к тому, что на переднем крае физики секретность и тайна давно идут рука об руку, не роптал. И даже пробурчал:

– Опомнились. Давно всё это надо было бы огородить и праздных зевак не пускать. – И закончил сентенцию: – Да нам это и к лучшему. В случае чего, «караул» и помочь сможет: мы же теперь будем работать официально.

Затем, после паузы, заметил:

– Но ничего особо нового от химического анализа жидкости «инопланетного озера» я не жду. Таблица Менделеева для всей Вселенной одна. Но возможны разные и, вероятно, неизвестные нам соединения. Но ничего большего.

Экспедиция состоялась в один из дней последней недели лета. Как оказалось, никакого особенного «караула» не было. Была поставлена деревянная будка и около неё – в хорошую погоду, и в ней – в плохую, дремали по очереди два старика из той же деревни Грибановки.

С обоими из них профессор Семёнов был уже хорошо знаком, потому что применил к ним «секретный способ воздействия». Способ, о котором, как совершенно серьёзно сообщил он студенту, рассказать он не может в «силу той же секретности». И при этом засмеялся. А студент, обходя будку сторожа и увидев на земле пару пустых бутылок, понял, что его профессор вырос и воспитывался явно не на Луне.

«Экспедиция» за добычей «озёрного тела» состоялась в один из следующих дней. И, конечно, вопрос – кто поползёт к «озеру» за пробой его «тела» – Семёнов не согласился даже обсуждать. Конечно, возможный «огонь» он примет на себя. Он – старший. У себя дома, во дворе, он опробовал сооружённую им «экипировку»: оцинкованное корыто с двумя дырочками спереди для глаз, хотя и не полностью, но прикрывавшее лицо, спину и поясницу, и старый ватный комбинезон, сшитый когда-то для зимней рыбалки. Удилище же с примотанным к нему стеклянным стаканчиком Семёнов намеревался держать в руке.

– Вперёд я это корыто буду толкать головой. А когда начну пятиться, тебе придётся тащить его за длинную верёвку. И смотри не сдёрни с меня корыто раньше времени. «Плевки электролита» этого инопланетного «аккумулятора», как уже осознали люди, весьма неприятны! – значительным тоном пояснил профессор.

К их радости, «разведывательная операция» прошла успешно и в их руках оказалась колбочка с почти прозрачной жидкостью. Озеро в этот раз почему-то не «плевалось», а стаканчик-колбочку исследователи упаковали и с предосторожностью привезли в университет.

Как и ожидал Семёнов, экспресс-анализ «электролита» с помощью двух химико-аналитических лакмусовых бумажек показал, что он

похож на едва ли не обычный раствор двуокиси свинца с какими-то кислотными добавками.

— А с какими — покажут подробные исследования, — едва ли не лекторским тоном произнёс Семёнов и с долей иронии добавил: — Я же очень хотел бы знать, из чего состоит собственно «эликсир разумности»? Его бы выделить и потом «прививать» нерадивым студентам.

И тут же засмеялся, смягчая высказывание:

— Ну, ну — не вам, не вам. Вы — в пределах допуска. Для нас же, людей Земли, — продолжал профессор, — важно будет доказать, что ничего принципиально иного, по сравнению с нашими, уже полученными знаниями, в окружающем мире нет. Я не могу даже предположить, что на других планетах действуют другие физические и химические законы, нежели в нашем мире.

И, ставя в одной из лабораторий своей кафедры колбочку-мензурку на стол и закрывая её плоским стёклышком, подчёркнуто повторил:

— Принципиально иного нет. Ну, а в деталях разберёмся.

К сожалению, «детали» оказались не столь просты и безобидны, как ошибочно предположил профессор.

Пожар в лаборатории начался глубокой ночью. Дежурная техничка мирно дремала в вестибюле первого этажа физико-технического корпуса и ничего не замечала, пока едкий дым не проник в вестибюль и не разбудил её.

Проснувшись от едкого запаха и ничего не поняв, пожилая женщина сначала заметалась по помещению, пытаясь найти, откуда идёт дым. Но через некоторое время опомнилась и поняла, что раз что-то где-то горит, её обязанность — не тратить время на поиски этого места, а хватать телефон и вызывать пожарных.

Приехавшие на двух машинах пожарные не более пары минут потратили на то, чтобы разбудить дежурную на воротах, открыть их и въехать во двор. Очень быстро обнаружилось, что горит комната на втором этаже учебного корпуса, принадлежавшая кафедре физики.

Как узнал рано утром профессор Семёнов, когда ему позвонили и сообщили о пожаре, это был его кабинет. И он быстро, ещё собираясь в университет, сообразил, почему произошёл пожар.

«Ах, осёл, ох, дурень! Ты полагал, что взвезенная «гадость» тебя не тронет? Вот и получи!»

И хотя пожар быстро потушили, вопрос о том, кто виноват, непременно должен был возникнуть. И уклоняться от ответственности за случившийся пожар профессор не стал. И на все не благожелательные вопросы начальства о причине пожара чётко ответил:

— Вчера я добыл для исследования некую субстанцию из инопланетного «озера», привёз её и до утра оставил в лаборатории. Она, несомненно, и учинила пожар.

— И вы не знали, что эта, как вы говорите, «субстанция» пожароопасна?

— Предполагал. Но я оставил её на столе в закрытой стеклянной колбе.

– Ну, так вам теперь за это придётся отвечать, – с ноткой явного удовлетворения объявил ректор.

Пожароопасность «озера» и его огненные «плевики» в общем-то не были ни для кого секретом, и виновность профессора Семёнова в создании пожароопасной ситуации теперь ни у кого не могла вызвать сомнения. И потому на Семёнова было наложено довольно приличное материальное взыскание.

– Почти полжизни проработал в университете, факультет создал, корпус построил. А теперь буду ещё и платить за это, – сокрушённо высказывал он своё огорчение близким друзьям. И тут же успокаивал себя: – А впрочем, виновата-то во всём межпланетная «гадость». Отчего бы не назвать всё это «происками Сатаны»? – И смеялся тому, что в прежние времена это было бы вполне удовлетворительным объяснением возникновения любого несчастья.

Жаль, что сейчас такого объяснения никто не примет.

Разумеется, попытка профессора Семёнова добыть «жидкость» с тем, чтобы осуществить её анализ, была не единственной. Это, и вполне удачно, удалось сделать группам других исследователей как в России, так и в иных государствах.

И что важно: перед всеобщей угрозой учёные разных стран в дальнейшем отказались от обычной практики засекречивания результатов исследований – анализа состава «чёртовых озёр». Тем более что он скоро стал общеизвестен. И с позиции химии являл собою почти знакомое кислотное соединение, едва ли не подобное используемым на Земле аккумуляторным электролитам. Однако земляне пока не поняли, в чём «изюминка» жизнеподобных и зажигательных его свойств. Над этим ещё предстояло думать.

Но люди на данный момент поняли главное: обыкновенные щелочные материалы, которых на Земле достаточно: мел, известь и т. п., – полностью нейтрализуют раствор «инопланетных озёр».

Первые же опыты на «живых озёрах» это подтвердили. А профессор Семёнов, услышав о возможности нейтрализации «чёртовых озёр», был почти уверен, что и с их «озером» власти поступят так же. И, воспользовавшись отсутствием занятий, едва ли не таясь, караулил на своей легковушке дорогу на Грибановку. Благо, ещё не кончились летние каникулы. И он не упустил из виду два самосвала, наполненных белёсым комковатым грузом – явно известняком, направлявшихся к «озеру».

Затем прибавил ходу, обогнал самосвалы и первым приехал к окрестностям, как он его теперь называл, «чёртова озера». Немного не доехав, загнал свою машину за кусты и побежал. Но не к озеру, а к горе. И там, прячась за кустами, полез вверх. Поднявшись метров на пятьдесят и прямо-таки задохнувшись от перенапряжения, остановился. Затем, немного подумав, снял пиджак и накрыл им голову и плечи.

В это время урчащие грузовики с известняком тоже подъехали к «озеру». Из кабин вышли двое в военной форме и подошли к сторожу. Немного поговорили, покричали, как, смеясь, рассказывал потом Семёнов – по-видимому, на «французском языке», после

чего один из грузовиков стал разворачиваться, чтобы сбросить груз в «озеро». Второй, пофыркивая, начал заезжать с другой стороны.

Семёнов затаив дыхание ждал, что сейчас произойдёт? Одновременно, оглядываясь, прикидывал, как и куда и он в случае чего может убежать. «Только за гору, и там изо всех сил – вниз». И с неотрывным вниманием сосредоточился на том, что происходило внизу.

А там первый грузовик с комьями белёсого груза пятился к самой кромке «озера», и кузов его начал медленно опрокидываться. Второй изготовился сделать то же самое. По «озеру» пошли концентрические круги. А когда известняк с обеих машин одновременно с шумом начал сыпаться из кузова в «воду», из центра «озера» со свистом взвился фонтан жидкости, почти обнажив ничем не примечательное дно.

Потом, после опадания фонтана, «озеро» закипело, забурлило и, как показалось Семёнову, злобно зашипело. Но химический процесс неотвратимо делал своё дело. Образовалась едкая вонь, поднимающаяся вверх и вызвавшая у Семёнова дыхательный спазм и тошноту. Чтобы не задохнуться, он вскочил и, сдерживая дыхание, побежал к другой стороне склона. И там, не теряя ни секунды, устремился вниз.

На следующий день газеты всего мира публиковали статьи о заранее согласованном через Организацию Объединённых Наций «Дне уничтожения внеземных пришельцев». Вместе с их «озёрами».

И эти сообщения вызвали у людей чувство удовлетворения и некоторое облегчение от того, что цивилизация Земли справилась со свалившейся на неё с небес страшной угрозой.

Ну, а что будет или что может быть дальше, люди могли теперь лишь предполагать. И, как и ранее, жили, будучи всегда готовыми бороться за своё существование в этом мире.

**Михаил
КОЛЬЯШКИН**

РАДУЖНАЯ ПЕСЕНКА

ПЕСЕНКА КАПЕЛИ

Зима с весной встречается –
Яснеет небосвод,
И сразу начинается
Весёлый хоровод.

Как только солнца первые
Появятся лучи,
Так песня акапельная
Капели зазвучит.

КАПЕЛЬКА ЗА КАПЕЛЬКОЙ...

Капелька за капелькой...
Что за чудеса?
Стало мокрым всё вокруг –
Дождик начался.

Капелька за капелькой –
Стала мокрой я.
Так вот познакомилась
С песенкой дождя.

-
- Михаил Александрович Кольяшкин родился в 1964 году в г. Балашове Саратовской области. Окончил Саратовское музыкальное училище и Балашовский государственный педагогический институт. Автор пяти книг – музыкальных сборников (издательство «Феникс»). Публиковался в коллективных сборниках (издательства «Композитор», «Музыка», «Молодая гвардия»). Живёт в Саратове.

БУКЕТИК

Утром летним по траве
Я к реке бегу.
Много радостных цветов
Вижу на лугу.

Здесь букетик соберу –
Яркий и цветной.
И кому-то подарю
Я букетик свой.

А кому я подарю –
Тайна то моя,
Знают её бабушка
И, конечно, я!

ТУЧКА

В небе появилась тучка небольшая,
Солнышко закрыла, хмурится с утра.
Над рекой повисла, хитрая такая,
Говорит, что в дождик поиграть пора.

Дружно мы ответим этой хмурой тучке:
«Улетай скорее в лес, что за горой,
Тучка, ты – летучка, синяя колючка,
В дождик поиграем вечером с тобой».

Улыбнулась тучка, дальше полетела.
А на небе ясном солнышко опять
Засверкало ярко, сразу потеплело.
И на речку снова можно нам бежать!

ОСЕНЬ

Ветерок прохладный дует,
Облака бегут гурьбой.
Листья снова вальс танцуют,
Увлекая за собой.

Лес затих. Как на картине,
Зачарованный стоит.
На деревьях паутина
Лёгким шарфиком висит.

Птицы вновь лететь собрались
В дальний край, к теплу, на юг.
Вот и с летом мы расстались.
Здравствуй, осень, добрый друг!

РАДУЖНАЯ ПЕСЕНКА

Дождь прошёл, и радуга
Прямо надо мной
Небо всё раскрасила
Яркою дугой.
Наступила радужной
Песенки пора:
В небе – мостик радости,
Света и добра.

Дождь прошёл, и солнышка
Прыгают лучи.
Радужная песенка
Радужно звучит.
И летит от мостика
Прямо до меня
Радужная песенка,
Радужно звеня.

Дождь прошёл, и весело
Во дворе играть,
С радугой петь песенку,
С радугой скакать!
Радужная песенка!
Вновь звучи и вновь
Ты дари, на радость всем,
Свет свой и любовь!

УТРОМ ЗИМНИМ

Утром зимним в узоры
Всё раскрасил мороз:
И деревья, и горы –
Как из сказочных грёз.
Дремлет даль голубая,
Тишина на лугу.
Лучик солнца играет,
Разливаясь в снегу.

Затуманены взоры
Облаков поутру,
И звенят переборы
Снегирей на ветру.
А поляна лесная
Вся блестит серебром,
Вся искрится, сверкает
Белым, чистым снежком.

Много красок у лета,
У зимы лишь одна:
Вся природа одета
Белой сказкою сна.
Утром глянешь в окошко,
И на снежном холсте
Нарисуешь дорожку
К дальней, давней мечте!

НОЧНАЯ СКАЗКА

Вечер умчится
Непонарошку.
Ночь постучится
Снова в окошко.

Спать нам ложиться
Время настанет.
Сказка приснится,
В мир свой поманит.

Встретим там гномов,
Добрую фею,
Князя Гвидона
И берендеев.

В лунном мерцанье
К звёздам слетаем
И там желанье
Мы загадаем.

ЛЕТО

На лугу ромашки
Дружно расцвели.
Распевают пташки,
И жужжат шмели.

Луч играет с ветром.
Зеленеет лес...
Наступило лето –
Время всех чудес!

**Редакция журнала «Волга–XXI век»
поздравляет замечательного детского поэта
Михаила Александровича Кольяшкина
с юбилеем!**

**Олег
МОЛОТКОВ**

14 мая исполнилось 80 лет со дня рождения Олега Николаевича Молоткова (1934–2010), поэта-сатирика, чей талант не вызывает сомнения у всякого, кто читал его стихи. Другое дело, что творчество его неизвестно за пределами земли саратовской, не считая «Инженерного варианта человеческой комедии», ни одно его стихотворение не опубликовано в центральной прессе, не издана в столице ни одна книга (и только с появлением Интернета творчество Олега Молоткова стало достоянием всех, кто читает на русском языке, где бы читатель ни проживал). Поэт, однако, сознавал масштаб своего дара, относясь к нему с долей юмора: во «Вступлении» к книге «Ужас, смех и слёзы» (Саратов, 2001) поэт, обращаясь к читателям, замечал:

*Мелкие свои стихотворения,
но глубокие по содержанию
предлагаю вашему вниманию.
Я прошу читателя ни часика
из-за них не отрывать от классика.
Классика откладывать негоже.
Автор станет классиком попозже.*

Он мечтал о том, что его творчество будет оценено по достоинству:

*Весною лопаются почки,
весною всходят зелена,
и зарифмованные строчки
нахально лезут из меня.*

*А в них всегда довольно яду.
Друзья мне даже говорят,
что если только я не сяду,
то, очень может, стану в ряд.*

К этому стихотворению в рукописном томе за 1979 год автор приложил свой автопортрет. Ко многим стихам делал зарисовки тушью, однако никогда не публиковал их, а зря: и его рисунки столь же ярки, как и его «зарифмованные строчки». Предлагаем вниманию читателей журнала под-

борку стихотворений Олега Молоткова для детей. Каждое стихотворение проиллюстрировано поэтом, и эта грань его таланта – умение рисовать – впервые предстанет перед публикой.

Владимир ВАРДУГИН

СТИХИ ДЛЯ СЫНА

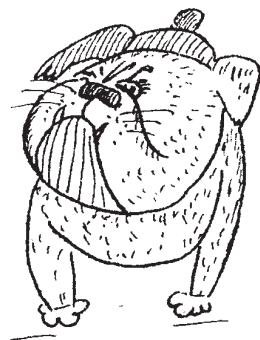
ПРО БАРБОСА

Я пришёл к Барбосу в гости!
Я принёс Барбосу кости!
Он глодал их больше часа,
а потом спросил: «А мясо?»

БОКСЁР

Не выходил Боксёр на ринг,
не надевал перчатки,
не применял ни «хук», ни «свинг»,
а всех хватал за пятки.

ВОЛЧЬИ ПЕСНИ

Волчий вой над лесом льётся.
Вой, проникнутый тоской.
И быстрее сердце бьётся.
Где же ты, былой покой?
Как-то жутко нам с тобою.
Содрогается весь люд.
А ведь волки и не воют –
Волки песенки поют.

ДИКОБРАЗ

Дикий, дикий дикобраз.
Раздаёт он всякий раз,
как подарки с ёлки,
всем свои иголки.

Волк воет без умолку –
не вытащит иголку.
Без слёз не глянешь на лису:
иголок дюжина в носу.

Подбежал к нему шакал,
завизжал и убежал.

Поведенье дикобразе –
это просто безобразе!

ДЕТИ ВЕКА

Лошадь увидев, Колька
маму свою спросил:
«Мама, не знаешь, сколько
в ней лошадиных сил?»

О ЕЖЕ

Я, от радости дрожа,
взял дарёного ежа.
Во дворе за гаражом
целый день гулял с ежом.

Только встану, мне уже
надо думать о еже.
Умываюсь – и бегом
в магазин за молоком.

Очень часто, если сыт,
где-нибудь ёж крепко спит.
Тут уж только не забудь,
где сегодня «где-нибудь».

Ах, как плохо будет, если
спать решит он в мягком кресле!
Честно! Руку положи...
Вы сядились на ежа?

Часто, книгу взяв из шкапа,
на ежа садится папа.
Сразу после восклицанья
начинает воспитанье.

Говорит он очень долго
каждый раз о чувстве долга,
будто вырос я уже,
и ни слова о еже.

Я молчу. А что скажу?
Я скорей бегу к ежу.
Как он, бедненький, здоров?
Папа весит пять пудов!

В молоке мочу я булку,
ёжик ест – и на прогулку.
Ты купил ежа уже?
Жаль. Подумай о еже!

Михаил
МУЛЛИН

Уроки от Олега Молоткова. Весёлые и грустные

Молотков О.Н. Алёшин сон. Новый ветер, Саратов, 2014. — 176 с.

А знаете ли вы, как правильно называются ягоды, которые выросли на Марсе, или как бы они назывались, если бы могли там вырасти? Не знаете? А вот Олег Молотков точно знал! Если на Земле мы собираем *землянику*, то на «Красной планете», естественно, должна быть *марсника*. А если после прилёта на Марс вам, чтобы укрыться от непогоды, срочно потребуются построить простейшее жилище, то уж это точно будет не *землянка*, а, разумеется, *марсянка*!

Все эти и множество других важных сведений вы можете обнаружить в недавно выпущенном сборнике стихов для детей «Алёшин сон» («Новый ветер», Саратов, 2014). А главное, всё это с удовольствием узнают ваши дети и внуки.

В книге более ста семидесяти страниц, удобный и безвредный для детского чтения шрифт с крупным кеглем. Автор книги — Олег Молотков. А издала её на свои деньги вдова замечательного поэта Галина Георгиевна Молоткова, посвятив сборник светлой памяти своего и Олега Николаевича сына, Алексея Олеговича, для которого Молотков и писал свои детские стихи.

Особый шарм изданию придаёт то, что в качестве иллюстраций в нём использовались очень живые чёрно-белые (графические) юмористические рисунки самого Олега Николаевича. Всем, казалось бы, было известно, насколько широк диапазон творческих интересов Молоткова — поэта, изобретателя, спортсмена, педагога. Но вот оказалось, что он ещё и интересно рисовал: шаржевая манера, минимализм средств позволяли ему прекрасно передать замысел, выступить своим же соавтором в качестве художника.

А ещё Олег Николаевич не побоялся показать детям... где раки зимуют! Так называется одно из его стихотворений. И дети ничуть не пугаются, наоборот, раду-

ются новым знаниям о природе, полученным в весёлом разговоре с мудрым силачом. Силачом — потому что, если в Москве самым сильным среди поэтов был добрый юморист Николай Глазков, то в Саратове, безусловно, юморист и сатирик Олег Молотков. Сравнение, кстати, можно и продолжить: сам Глазков говорил, что является самым умным грузчиком Москвы, а ведь наш земляк Молотков вполне мог бы сказать о себе то же самое, поскольку тоже подрабатывал, перенося тяжести! Общим (хоть и разным) у этих двух «богатырей» (определение самого Глазкова) является редкое чувство юмора, точнее, чувство смешного — ибо юмор есть и у тех, кто чужие анекдоты «травит», а своё смешное выдают редкие люди — те, у кого есть как раз чувство смешного. Как правило, это ещё и добрые люди. Именно такие способны написать книги для детей.

Интересно, что книга не только представляет художественные произведения, но и включает небольшие авторские комментарии к ним, что создаёт ещё больший эффект живого диалога между читателем и автором, позволяет глубже понять внутренний мир Олега Николаевича.

Эти стихи он писал в воспитательных целях. Учитывая, что маленький сын Алёша очень любил стихи для детей, Олег Молотков «подвергал его сатирическому бичеванию» — для избавления с помощью «критики» от «нехороших» черт развивающегося характера. В заглавном и «прикладном» стихотворении «Сон Алёши» написано:

*Он кусается, плюётся!
Хулиганства он рассада!
Вам, родители, придётся
взять Алёшу из детсада.
Не водите в детский сад,
пусть он ходит в зоосад.*

*В зоопарке детки редки,
нет пока отдельной клетки,
и плакатик не готов:
«Мальчик Лёша Молотков».*

С учётом поведения, взять бы мальчика из детсада — да перевести в зоосад... Но не тут-то было, потому что директор зоосада взмолился: *«К вам, родители, претензии: / что за мальчик, что за пруть?! / Мне остался год до пенсии, / но теперь мне не дожить!..»*

Видимо, ирония сыграла положительную роль — мальчик вырос хорошим человеком. Уроки пошли впрок.

Однако, думается, «уроки» Молоткова в не меньшей степени направлены на воспитание... взрослых. Им в назидание от имени ребёнка сказано: *«Я единственный (здесь и далее выделено мной. — М.М.) ребёнок. / Мною командуют с пелёнок, что «разжёвываается» для совсем «невоспитанных» родителей: «Мне братишек бы, сестрёнок. / Мы бы всем наскучили, / нас бы и не мучили.»*

В сборник включены стихи, способные смутить некоторых «особо пронизательных» взрослых, кои могут даже, пожалуй, и возмутиться: *«Этого же дети не поймут!»* Подобные прецеденты в литературной критике уже неоднократно были в прошлом. Например, после написания В. Маяковским «Маяковской азбуки». Тогда даже некоторые «профессиональные» критики не поняли, что «Азбука» вообще написана не для детей, а представляет собою политическую сатиру, поданную в узнаваемой «детской» форме для достижения юмористического эффекта. Кстати, и сам Молотков признаётся в книге: *«Иронических стихов у меня раз в тридцать больше, чем детских.»*

К таковым относится, например, стихотворение «О храбрости зайца». *«Храбрый заяц жил в лесу. / Не боялся он лису. / Оказалось, что на вкус / он такой же, как и трус».* По сути, это вид басни. Так же, как и стихотворение *«Если волка кормить капустой...»*, и, отчасти — *«Страшнее льва»,* и *«Вот такие разговоры: / Воробей и ворон — воры».*

Впрочем, многослойность мыслей и юмора Молоткова проявляется часто, почти повсеместно. Даже, казалось бы, самоирония у него может являться иронической критикой издательской системы страны, «кочаноголовости» чиновников: *«...для взрослых книгу, хоть убей, / не издадут никак мою. / А у детей рождает смех / моя корявая строка. / Но не у всех, а лишь у тех, / которым больше сорока...»*

И всё-таки вернёмся к собственно детской теме. Авторская ответственность

Олега Николаевича проявляется, в частности, в том, что он не создаёт стихов уныло-описательных, не «гонит строку» — в его стихах *обычны...* парадокс, юмор, и воспитательный эффект достигается за счёт спровоцированной поэтом душевной и умственной работы самих маленьких читателей. В связи с этим у Молоткова даже всем известные «крокодиловы слёзы» приобретают другой смысл: ребёнок, чтобы научиться главному (какая польза вам, если вы приобретёте весь мир, но не приобретёте любви? — спрашивается в Евангелии), должен любить даже и крокодила, который, как преступник, посажен в «клетку» зоосада. *«С глаз крокодилийх / каплют слёзы. / «Сторож мой милый, / директор родной! / Хоть крокодила / пустите домой! / Что стоит вам? / Здесь и холод, и лёд. / Я его сам / посажу в самолёт!»*

Игровые стихи Молоткова написаны не просто для развлечения, они, как уже было сказано, дают пищу для сердца и ума. Молотков во всём патриот. И в детских стихах — тоже. Провоцируя читателя-ребёнка на созидание, он служит и ребёнку, и стране. Но «как бы между прочим» обращает внимание маленького читателя на «прикладной» патриотизм. Ныне, когда подрастающее поколение программируется на то, чтобы «урвать» и «свалить за бугор», особенно практично учесть, например, мнение героев книги — муравьёв: *«Шёл трамвай из леса в лес. / Муравей в трамвай залез...»* — какая народная, простая, легко запоминающаяся интонация! А чуть погодя: *«Муравей ответил мне: / — Хорошо в родной стране! / За морями же нам беда. / Одолели муравьеды. / Кроважидный муравьед / муравьёв ест на обед...»*

А вот вам действенная «агитация за уважение к природе, к любому живому»: *«Вот уж кто не знает страха, / так степная черепаха (обратим внимание: самый бесстрашный, оказывается, не хищник-«агрессор» лев, а... безобидная черепаха. — М.М.) / ...Черепаша же не птица, / для чего ей торопиться? / Встретишь ты её на воле, / хоть в лесу, хоть в чистом поле, / убирая урожай. / Ты её не обижай. / С ней тебе прислал привет / твой пра-пра-пра-прапрадед».*

В зависимости от поставленной цели ритмику и размерность Молотков использует самую разную: от «народной» до захватывающей «английско-маршаковской», как, скажем, в описании бега: *«Бежало насекомое, / прекрасно всем знакомое, / известное, полезное, бежало*

по делам. / Ему навстречу потное / громадное животное, / полезное, известное, / затопало: плам, плам. / Сказало насекомое, / прекрасно всем знакомое: / «Возможно ли, любезное, / мне обратиться к вам?»

Герои стихов Молоткова психологически развиваются, раскрываются с разных сторон. Маленькому читателю не надеваются розовые очки восторженного благодушия, он, по мнению автора, должен знать, что с иными надо быть начеку: «Жил волк благородный, / худой, небольшой, / без злости природной, / с прекрасной душой». Однако вскоре выясняется, что, хоть «Волк – добрый в душе, / от стада осталось немного уже!»

Но вот совсем другая ситуация. «В зелёном жил болоте / зелёный крокодил. / Кто видел, падал каждый. / Не мог он не упасть: / была такую страшной / разинутая пасть». И если вы решили, что главный страх – от разинутой пасти, то вы недооценили фантазию и «хитрость» Молоткова – страх-то, оказывается, от вида... **нечищенных** зубов пресмыкающегося! Чтобы не быть крокодилом, маленький читатель, конечно, начнёт чистить зубы.

Начав писать стихи для сына, Олег Николаевич позднее продолжил писать их и для внука. И тоже в педагогических целях. Хорошо зная психологию детей, он легко добивался внимания маленького слушателя, читателя. Потому и сейчас его произведения не приходится навязывать детям, напротив, малыши и подростки сами требуют, чтобы им прочитали Олега Молоткова. И внук поэта Вова не был исключением. Бодрые ритмы, весёлые сюжеты, оптимистический задор и юмор завораживали его. Тем более что дед обычно описывал те истории, которые внуку хорошо были известны, вообще были достоверными. Вплоть до адреса проживания «семиголового змея». Кто же этот «змей»? Да никакого секрета... «Жил-был в доме сто четыре / по Большой Садовой / змей в двенадцатой квартире. / Змея звали Вовой». Внука тогда просто энергия распырала – и хватался он за семь дел одновременно. Такому нужна не колыбельная, а «обличающая» (читай – воспитывающая) сатира.

Кстати, сатира детям очень нравится, а узнаваемость (себя в герое) при тактичной, умной подаче ненадолго обижает. Зато воспитывает в них спасительную самоиронию. В стихотворении «Всюду цирк» описывается реальный класс или даже школа. «В перерыве клоунада. / Ну уж это нам не надо! / В школе их такая масса, / в

каждом классе по полкласса». По прочтении этого, глядишь, и к труду учителя приглядятся не только дети, но и их родители, и органы власти. «А заслуженный учитель – / классный наш руководитель – / про себя тихонько шепчет: / «Дрессировщику-то легче. / Ведь зверей для штук подобных / отбирают лишь способных».

Многие умные мамы, будь у них книги Молоткова, могли бы их использовать в качестве дополнительных воспитательных средств при выполнении всяческих «процедур» с детьми, например, при купании ребёнка в ванне пригодятся советы, изложенные в стихотворении «Кораблекрушение».

В то же время встречается в сборнике «Алешин сон» прямо-таки лирика: «Искрылось солнце осеннее, / и слышалось нежное пение / ... / На берег собрались дети / и слушали песенки эти...» Но Молотков есть Молотков! Поэтому далее следует: «Носились запахи дивные... / «Какие лягушки противные! – / сказал один мальчик другому. – / Пойдёмте, ребята, до дому». / А рядом лягушка лягушке шептала: / «Послушай, подружка, / я видела в жизни немало, / людей тоже разных встречала, / озёр и прудов, разных речек. / Противный какой человек!»

Внутренний рост ребёнка психологически точно и с юмором передан в стихотворении «Я рисую»: «Я и раньше рисовал, / но никто не понимал», которое, кстати, заканчивается по-молотковски неожиданно: «Можно всё нарисовать, / только (оказывается!) – **М.М.**) надо подписать: / «На картине Комарова / нарисована корова».

Игра слов используется автором очень часто. «Я готовлю антрекот. / Я ем «антре», кот ест «кот».

Олег Николаевич не боялся насыщать книгу для детей афористичностью: «Ум – вещь весьма условная, / когда есть родословная. / А мы – эпохи детушки – / не знаем даже дедушки».

Есть в книге одно стихотворение, стоящее особняком. Но стоящее с полным правом. Оно называется «Памяти военных лет». «Я пошёл тогда в класс первый свой, / проглотив холодный завтрак скудный, / не с портфелем – с сумкой полевой». (Какие точные детали, отражающие время!) «Не пришёл никто с портфелем, ранцем. / Выступал директор горячо. / Мы стояли, будто новобранцы, / с сумкой полевой через плечо».

А вот ещё детские воспоминания из того же стихотворения:

*Слышал ты истошный женский вой,
Страшный крик, пронзительный
и тонкий?
Видел, как об землю головой
Бились, получая похоронки?*

Впрочем, Олег Николаевич, рассказы-
вая, вроде бы признаёт:

*Знаешь ты, как могут мёрзнуть ноги?
Их ладонью оттирала мать.
Эта боль известна лишь немногим,
Кто не знает, лучше и не знать.*

И всё-таки... сообщает об этом. Чтобы
знали!

Это тоже урок от Олега Молоткова.

Всем интересующимся литературой
известно, что на стихотворение Олега Нико-
лаевича «Человеческая комедия» (в сбор-
ник оно не включено) написано несколько
вариантов песен. А вот читая «Алёшин сон»,
я обнаружил несколько стихотворений для
детей, также положенных на музыку. Песни
эти написал саратовский композитор Юрий
Массин, и детские коллективы с удоволь-
ствием (и к удовольствию публики) испол-
няют их. Недавно это случилось в Саратов-
ской консерватории: детский хор пел весё-
лую песенку о «семиголовом змее». Так что
добрый сатирик обладал и песенным даром.

Однако по-настоящему своими уроками
Олег Молотков боролся не с семиголо-

вым, а с безголовым змеем. Очень часто
тогда (а ныне это встречается ещё чаще)
именно «чуды-юды» и «змеи безголовые»
определяли, что издавать для детей, а что
нет.

Итак, Молотков начал писать детские
стихи ради образования и воспитания сына
и продолжил как забавные и безуслов-
но полезные уроки для внука. Теперь, как
точно выяснилось, они не менее интерес-
ны и даже увлекательны **для всех детей**
вообще. Потому что развивают ребёнка
или подростка, делают его умнее, культур-
нее, добрее.

Тем же целям служат и рисунки поэта.
Но, повторимся, не менее полезны уроки
Молоткова взрослым. Разумеется, если
у этих взрослых не закрылись точки
роста – интеллектуального и нравствен-
ного, точки роста их любви, юмора. Кста-
ти, помню, что людей без чувства юмора
Олег Николаевич считал... ненормальными.
Таким образом, новая книга Олега Молот-
кова – ещё один урок для писателей,
увы, только для небезнадёжных, способ-
ных понимать, что такое детская литера-
тура, для издателей, чиновников и всевоз-
можных комиссий, решающих, что детям
нужно читать. А сами дети (я это проверял
неоднократно) Молоткова любят и сразу
понимают.

А вот взрослые?..

Михаил
СОКОЛОВ

После «радуги» — «звёзды»

Кольяшкин М. А. Зачем нам звёзды светят! —
Ростов-на-Дону: Феникс. — 68 с.

В издательстве «Феникс» вышел сборник песен для детей («в сопровождении фортепиано» — как сказано в подзаголовке) саратовского композитора Михаила Александровича Кольяшкина. Книга с нотами и текстами песен называется по строчке поэта, живущего в Саратове, — члена Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей Михаила Муллина «Зачем нам звёзды светят?»

На весело оформленной, нарядной обложке есть, разумеется, и звёзды, и месяц, и как бы летящие нотные знаки, и, главное, дети, съезжающие по радуге как с горки или, может быть, как по перилам. Ведь у детей это занятие — одно из любимейших! Расположение цветов в радуге, кстати, точно соответствует природе и «науке»: по принципу «каждый охотник желает знать, где сидит фазан» (иначе говоря, красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый).

Сборник — для удобства музыкантов и к удовольствию детей — большеформатный (60х84/8). Он солидной толщины — 68 страниц, и очень может пригодиться детским садам, музыкальным школам, кружкам школьной художественной самодеятельности.

Интересно, что в прошлом году в том же «Фениксе» Кольяшкин выпустил сборник песен для детей «Радуга», авторами текстов которого были (за исключением Афанасия Фета) поэты-саратовцы. И вот не прошло и года, как наш талантливый композитор-земляк повторил успех.

Верный своему принципу творческого сотрудничества преимущественно с поэтами-земляками, Михаил Александрович и на этот раз из двадцати трёх песен аж двадцать две создал на слова саратовцев! «Со стороны» он, как и в прошлый раз,

«привлёл» только одного Фета, положив на музыку стихотворение Афанасия Афанасьевича «Задрожали листья, облетая...»

Большинство песен написано на стихи Михаила Муллина и Евгения Грачёва, членов Ассоциации Саратовских Писателей (из 23 песен в сборнике — 19). Кроме того, в сборнике есть песни на слова Николая Палькина и Сергея Маслова.

Впрочем, это хоть и интересные, но «цифры». Для приобретающих же книгу важны собственно музыка и слова. Но тут порукой не только талант и профессионализм Кольяшкина и его соавторов, но и безупречная репутация издательства, и тот факт, что прошлогодний сборник — «Радуга» — был раскуплен настолько быстро, что издательство само обратилось к композитору с предложением немедленно выпустить новую книгу!

Оно и понятно: мелодичные и радостные песни дети поют с удовольствием. А тексты написаны с учётом детского восприятия. «Нашенские» авторы пишут для детей стихи непременно игровые, развивающие, формируют в маленьких читателях и певцах доброту, чувство любви к людям и миру, активную жизненную позицию, фантазию и стремление к созиданию и творчеству. Впрочем, стихов, не соответствующих этим требованиям, ни композитор, ни издательство «не берут».

А всё это в совокупности может в какой-то степени сформировать у детей вкус и умение сопротивляться разлагающему, растлевающему влиянию псевдокультуры, обосновавшейся на радио- и телеканалах да и на сценах.

Так что остаётся поздравить композитора-саратовца и его соавторов с удачным сборником и пожелать: дай Бог, чтобы он был не последним!

**Маргарита
САЛМИНА**

ДРЕВО ЖИЗНИ

*Подлинный художник лишён тщеславия,
он слишком хорошо понимает,
что искусство безгранично.
Он смутно ощущает расстояние,
отделяющее его от цели;
и, быть может, в ту пору, когда люди восхищаются им,
он страдает из-за того, что ещё не достиг вершины,
откуда излучает сияние величайший гений,
подобно далёкому солнцу.*

Людвиг ван Бетховен

Татьяна Пелех просто не может не рисовать, ведь занятия живописью для неё — это не времяпрепровождение и не путь к популярности. Это путь приложения душевных сил, форма нравственно-философского отношения к жизни. В то же время рисовать так же необходимо и естественно для художницы, как дышать, ходить, говорить. На её картинах мы видим Древо Жизни и причудливые растения, сказочных птиц и животных, улыбающееся Солнце. Все эти изображения отсылают нас к вдохновившим Татьяну Пелех сюжетам: к народным северодвинским росписям, к каменной и деревянной резьбе декоров Георгиевского собора в городе Юрьев-Польский и в Дмитриевском храме во Владимире. В скульптурных рельефах владимирских соборов повторяются мотивы львов, грифонов, двух птиц, сросшихся хвостами, и т. д.

Все эти мотивы несут серьёзную символическую нагрузку. Орнаменты по своему значению, содержанию, придуманные нашими далёкими предками, имели потаённый смысл, нами почти забытый. Выполненные народными мастерами, они оберегали, рассказывали, даже просили. Христианские символы, переплетаясь с языческими, бытующими в народе, поражали образностью и богатством поэтического содержания. Народное искусство было рождено не только бытовыми потребностями или религиозными верованиями людей, оно наполняло красками жизнь в её будничной повседневности. Древний заклинательный смысл был неразрывно слит с народным чувством красоты, которая отождествлялась с добрым началом.

Остановимся на нескольких мотивах: птицы, льва, Солнца, Древа Жизни, особенно часто встречающихся в народном искусстве и в работах Татьяны Пелех.

Птица – древний символ человеческой души, а **лев** – символ Христа. Образ льва, как символ власти и мощи, заимствован с Востока. В Средние века считалось, что львица рождает детёнышей мёртвыми и оживляет их своим дыханием. Это воспринималось как прообраз Воскресения Христова. Кроме того, существовало поверье, будто бы лев спит с открытыми глазами, подобно тому, как Бог не дремлет, храня человечество. Наконец, лев – царь зверей, а Христос – Царь Небесный. Последнее толкование связывало льва с идеей княжеской власти: ведь земные правители считались наместниками Бога на земле. А резные львы внутри храма помещены на верхней части столбов, поддерживающих купол. Купол церкви – это небо, простёртое над землёй; небесный свод утверждался на львах, как на власти утверждается порядок земного мира.

Не стоит забывать, что русские мастера привнесли в каменную храмовую скульптуру образы древней языческой символики, широко бытовавшие в то время в декоративно-прикладном и народном искусстве. Дерево с птицами – **Древо Жизни** – стало одним из любимых изображений: с ним связывалось представление о могуществе сил природы, о зависящем от неё благополучии человечества и его счастье. Птицы часто символизировали тепло, свет, предвещали урожай и богатство. В образах птиц олицетворялись души умерших. Изображение птицы на прялке считали символом невесты.

Павлин (птица-пава) часто встречается в народных росписях. Его изображение было известно в искусстве античного мира, Византии и Киевской Руси. В русском народном представлении павлин – птица женского рода (птица-пава). Очень часто изображения этих птиц в росписях размещаются по разные стороны куста или дерева, друг против друга, или же пава изображается крупным планом в виде отдельной фигуры.

В основе многих узоров находится **Солнце (круг)**. Часто круг (иногда ромб или шестигранник) с лучистым или цветочным обрамлением использовался в северных росписях. Круги и розетки, связанные с образами животных и птиц, символизировали небесные силы.

Мотив Солнца часто использовался в северодвинских росписях. Они напоминают нам северное лето – долгожданное, тёплое, короткое. Особое значение придавалось жёлтым и золотистым цветам, потому что это – цвета Солнца. А с Солнцем в жизни крестьянина связано очень многое. Если лето тёплое и солнечное, значит, и урожай хороший. Урожай хороший – значит, все сыты и взаимоотношения добрые и светлые. Деревья, ветки с плодами и ягодами были в известной степени и символами достатка.

Термин «народное искусство» – очень ёмкий. Часто этим термином обозначают и творчество крестьянских художников, и мастеров художественных промыслов, и художников-любителей. Но, называя самодеятельное искусство народным, не следует забывать, что это не фольклор в изначальном смысле слова. Главное отличие между ними в том, что народное искусство – это образная творческая система, которая подчиняется определённым законам. Самодеятельное творчество более индивидуально.

Народные мотивы в работах Татьяны Пелех – скорее не результат познания законов этого искусства, а следствие обострённого восприятия мира, внезапно зазвучавшего голоса памяти, ярко вспыхнувшего чувства. Сходство между образами народных мастеров и художника идёт не от желания подражать старинным и современным образам народного творчества, а продиктовано интересом и любовью к жанру.

Для своих рисунков Татьяна просто выбирает близкий ей выразительный язык, используя элементы народного искусства, не борется за свою неповторимость, не воспроизводит в точности элементы росписи и резьбы, а как бы дополняет традиционные для наших предков сюжеты своим прочтением образов, создаёт своих сказочных, загадочных, неизменно добрых и светлых персонажей. О них нам пели и рассказывали бабушки, такими мы представляли себе героев русских сказок. Сердечная теплота освещает внутренним светом её произведения. Райские сказочные птицы, в нескончаемом диалоге друг с другом величаво изогнувшие шеи, львы, нестрашно разевающие пасть, Солнышко-Ярило с большими глазами пробуждают в зрителе ребёнка.

Сюжетный вымысел в работах Татьяны Пелех несёт в себе обобщение. Вдумчивый зритель понимает тактичный монолог автора о вечных ценностях. Иначе и быть не может: духовная сущность народного искусства наполняет особым смыслом жизнь и творчество тех, кто к нему обращается. Пробуждает силы, поднимает человека до понимания подлинной гармонии и красоты. Обогащает не только эстетически, но и нравственно.

Олицетворяющие национальный дух народа образы, наши обычаи и традиции, природа родного края, нашешшие воплощение в произведениях Пелех, отражают национальные и общечеловеческие идеалы. Ведь народное художественное творчество пробуждает интерес к искусству вообще, любовь и уважение к культуре разных народов и своего народа, как самобытной, но неотъемлемой части общемировой культуры.

Елизавета
МАРТЫНОВА

Лирика живописи

**Марина Турецкая. В. Турецкий. Каждый человек неповторим.
Книга об отце. М., изд-во «Бослен», 2013 год.**

В 2013 году в Москве вышла книга, посвящённая художнику Валериану Турецкому, подготовленная его дочерью Мариной Турецкой.

В. Турецкий учился в Саратове, в Боголюбовском рисовальном училище, куда поступил в 1925 году. Творческая жизнь Валериана Турецкого трагически оборвалась в неполных тридцать два года. Он ушёл добровольцем на фронт и погиб в 1943 году.

У книги – три автора (М. В. Турецкая, искусствоведы В. Мейланд и Е. И. Воднос), каждый из них высказывает свою точку зрения на творчество Турецкого.

Издание снабжено обширной цветной вкладкой. Стоит отметить отличное качество иллюстраций. Книга открывается автопортретом художника, написанным в 1940 году. На развороте представлена «мозаика» из работ В. Турецкого. Эта панорама творчества художника говорит о его жанровых предпочтениях: большинство его живописных работ – пейзажи, но и портреты его острохарактерны.

В начале книги Марина Турецкая сразу же заявляет о целях её создания: память об отдельном человеке, даже если он талантлив и оставил после себя творческое наследие, всё равно зыбка, и книга, письменный документ – это фиксация «личной истории». Она необходима, потому что «каждый человек неповторим, но при всей уникальности есть также и повторяемость: есть выводы и уроки, есть ответы на некоторые вопросы дня нынешнего».

Автор книги чётко делит текст на корневые главы: «Семья отца», «Об истоках», «О влияниях, характере». Говорит ровно столько, сколько нужно, чтобы заинтересовать. Стиль изложения – живой, лаконичный, с характерным использованием риторических вопросов, обращений к читателю.

В картинах Турецкого, по первому впечатлению, самое главное то же – живость, жизнь, живое пространство – и восприятие самого человека, чувствующего тонкие переходы цвета и настроения в этом пространстве. Думается, это не романтизм, не романтизация мотива, а скорее – передача реального пейзажа. Он передаёт движение и в то же время – реализм, реализм вечно движущейся жизни. Хотя большинство представленных работ – этюды, они закончены в своей гармонии.

С моей точки зрения, это чистой воды живописная лирика, которой присуща гармоничность, напоминающая цельность лирического стихотворения.

Марина Турецкая считает своего отца, с одной стороны, «самобытным» художником, с другой – автором, не чуждым влияния западного искусства. «Стиль Турецкого – это проявление гармонии, внутренняя цельность, отсутствие противоречий». Она отмечает влияние культурных традиций города, в котором учился художник, рассказывает об учителях Турецкого: П. Уткине, В. Юстицком, А. Сапожникове, говорит о высокой оценке творчества Турецкого П. Кузнецовым и о выставке 1941 года, на которой творчество В. Турецкого было «замечено и отмечено».

Кроме того, в книгу включена статья Вильяма Мейланда, члена Международной ассоциации искусствоведов («Валериан Турецкий»). Он сетует на то, что творчество Валериана Турецкого «практически незримо», но всё же, по его мнению, «количественные величины не являются в искусстве определяющими». Вильям Мейланд считает, что пейзажные этюды и портреты Турецкого свидетельствуют о специфическом даре пейзажиста и портретиста-лирика. Он видит в произведениях Турецкого тончайший дар колористического восприятия. По его мнению, Турецкий улавливает «трудноулови-

мую игру цвета и света», «пишет не только собственно портрет, но и солнечный свет и воздух».

Вильям Мейланд полагает, что Валериан Турецкий только показал перспективу развития своей живописи – этюды, камерные работы, но главное, что эта перспектива и талант художника очевидны.

Автор второй статьи, Е.И. Водонос, искусствовед, член Союза художников России, сотрудник Художественного музея им. А.Н. Радищева, также отмечает нераскрытый диапазон творческих возможностей художника. В отличие от Вильяма Мейланда, он считает, что, возможно, многое из творческого наследия остаётся неизвестным и со временем проявится то, что помогло бы раскрыть его перспективу как художника.

По мнению Е.И. Водоноса, выбор Турецким жанра пейзажа – это своего рода попытка отказа от «навязывания политизации», которое проявилось в те годы, когда В. Турецкий формировался как художник. Автор статьи говорит о «незаёмности творческой поэтики», об особой тонкости колорита, «восходящей к общим признакам живописцев мусатовской плеяды».

Книга-альбом завершается разделом «Хронология жизни и творчества». Хронология сопровождается архивными фотографиями.

Думаю, что эта книга будет полезна детям, подросткам, учителям. Они получат представление о, скорее всего, неизвестном им ранее художнике, о его творчестве, смогут посмотреть и изучить прекрасные репродукции. Дети узнают о том, какие замечательные, талантливые люди сражались в рядах защитников нашей Родины в период Великой Отечественной войны. Ведь В. Турецкий отправился на фронт добровольцем, хотя мог этого избежать, остаться в тылу и реализоваться как художник.

Марина Турецкая в своих воспоминаниях так говорит о патриотизме отца, о причинах его ухода на фронт: «Нет ни письменных, ни устных свидетельств, но ответ на этот вопрос можно найти в творчестве Турецкого, в его картинах. Они очень русские – вы можете в этом убедиться. Столько копий сломали телевизионные витии в спорах о том, что такое патриотизм, хорошо это или плохо. Художник Турецкий дал свой ответ. Однозначный».

**Михаил
КАРИШНЕВ-ЛУБОЦКИЙ**

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МОРСА И КРЮШОНА

(журнальный вариант)

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

В Гнэльфбурге на Вишнёвой улице жили-были два друга – Морс и Крюшон. Морс обожал всякие приключения и, как только выдавалась свободная минутка, он тут же начинал их искать. А Крюшону это очень не нравилось, и он в отместку за доставленные ему неприятности называл приключения «злоключениями». Но изменить своего друга Крюшон не мог: Морс был неисправим.

Вот и в эту роковую пятницу, когда Крюшон после сытного ужина в прекрасном расположении духа поднялся из-за стола и, переместившись в уютное мягкое кресло в гостиной, включил телевизор, на пороге внезапно появился Морс и поманил загадочного друга в коридор.

– Крюш! Иди скорее сюда!

-
- Михаил Александрович Лубоцкий (литературный псевдоним – Каришнев-Лубоцкий) родился в 1948 году в г. Чапаевск Куйбышевской области. Живёт в Саратове. Окончил филологический факультет Саратовского государственного педагогического института. Автор книг «Волшебные сказки», «Приключения маленькой волшебницы», «Чародей из Гнэльфбурга», «День рождения домового», «Театрализованные представления для детей школьного возраста», «Искатели злоключений», «Обманное колечко». Публиковался в журналах «Мурзилка», «Детская роман-газета», «Странник», «Волга–XXI век», в «Литературной газете» и других изданиях. Четыре пьесы-сказки писателя поставлены в театрах РФ. Член Союза писателей Москвы. Ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей. Заслуженный учитель РФ. Лауреат премии журнала «Мурзилка», лауреат Всесоюзного конкурса на лучшую пьесу для детей (первая премия, 1991 год), Всероссийского литературного конкурса на лучшую книгу для детей «Добрая лира» (2007), премий имени П. П. Ершова (2008) и А. П. Чехова (2008).

Лицо Морса светилось ослепительной улыбкой, и это «свечение» не сулило ничего хорошего ни Крюшону, ни самому Морсу.

– Ну, что ты приготовил на этот раз? Выкладывай, пожалуйста, не томи!

– Ты веришь в чудеса? – спросил Морс, и его улыбка стала ещё ослепительней.

– Теперь верю, – Крюшон сделал ударение на слове «теперь», и его непоседа дружок прекрасно понял этот намёк.

– Я не имею в виду обычные чудеса, я подразумевал необычные чудеса!

– Извини, Морсик, но я не научился ещё их сортировать.

– А такие, которые мы сами можем делать? Точнее, я могу, про тебя пока не знаю. Идём к тебе, Крюш, я покажу одну вещь...

Не дожидаясь приглашения, Морс зашагал по коридору в сторону комнаты друга. Крюшон без особой охоты поплёлся за ним.

Войдя в комнату, долговязый мальчишка-гнэльф приблизился к письменному столу, взял с него первую попавшуюся под руки книгу и открыл её на том месте, где была помещена красочная иллюстрация.

– Ты видишь этот цветок, Крюш? – Морс ткнул пальцем в алую розу, изображённую искусным художником.

– Конечно, вижу. Это – роза.

Морс положил раскрытую книгу на стол и простёр над картинкой ладони.

– Теперь смотри внимательно...

Юный толстячок послушно уставился на подрагивающие пальцы приятеля, измазанные чернилами. Но, как нарисованная роза превратилась в настоящую, он всё равно не увидел. Не уловил этого момента и сам чародей, хотя и смотрел во все глаза на поблёскивающую яркими бликами иллюстрацию. Единственное, что они оба успели заметить, так это лёгкое марево, за клубившееся вдруг между ладонями начинающего волшебника и книжной страницей. А через мгновение рисунок исчез, а вместо него на белоснежном листе бумаги оказалась настоящая живая роза с капельками росы на алых лепестках и с острыми шипами на тёмном стебле.

– Получилось... – прошептал Морс. – Снова получилось, Крюш...

– Я вижу, я не слепой... – Толстячок перевёл дыхание и хрипло спросил: – Как ты это делаешь, Морсик? Ты раньше такого не умел!

– Раньше мне в голову такое и не приходило, а вот сегодня я посмотрел передачу про экстрасенсов и попробовал... Оживил огурец, банан и двух мышек!

Крюшон выпучил глаза от удивления.

– Ты и мышек оживлять можешь?! Ну, ты настоящий волшебник!

Лицо молодого чародея покрылось краской смущения, но было видно, что комплименты Морсу приятны.

– Мышки – ерунда, мышки – мелочь... Наверное, я и слона оживить смогу, только пока не пробовал.

– И не надо, Морсик! – испугался не на шутку Крюшон. – Слоны всякие бывают, ещё набросятся на нас и затопчут!

Понюхав розу, юный волшебник передал её другу.

– Поставь цветок в вазочку, Крюш. Пусть она у тебя останется на память, а я себе ещё наколдую.

Крюшон охотно выполнил пожелание Морса и, водружая вазочку на свободное место на книжной полке, поинтересовался:

– А как ты это делаешь, Морсик? Неужели правда колдуешь?

Немного замявшись, наш чародей признался:

– Нет, не колдую... Просто простираю руки над картинкой и мысленно приказываю ей стать живой. Наверное, у меня много лишней энергии. Во всяком случае, так объяснили в телевизионной передаче.

Крюшон утвердительно закивал головой:

– Да-да, Морс, чего-чего, а энергии тебе хватает! Можно сказать, она бьёт через край!

– Она вытекает из ладоней и преобразуется в биоматерию, – уточнил юный волшебник. И, не делая почти никакой паузы, вдруг предложил: – Давай ещё кого-нибудь оживим?

Морс подошёл к книжной полке и стал рассматривать корешки книг. Внезапно его взгляд остановился на толстом томе древнегнэльфских сказаний и мифов. Сняв книгу с полки, новоиспечённый чародей положил её на стол и стал перелистывать страницы.

– Ты только посмотри, Крюш, что тут изображено! – взволнованно шептал Морс.

Он переворачивал одну страницу за другой, и почти на каждой ему попадались изображения страшных колдунов и колдуний, ужасных монстров и мерзких существ с двумя, а то и тремя головами и десятки загадочных карликов и карлиц, выглядывающих из хижин, из кустов роз и акаций, из-за веток яблонь и груш, а то просто откуда-нибудь из-под земли – из мышшиной или лисьей норки.

– Прошу тебя, Морсик, положи эту книгу на место! – взмолился Крюшон. – Если хочешь, я дам тебе другую книжку, и ты испытаешь свой дар на какой-нибудь милой зверушке... Например, белочке...

– Ты, кажется, испугался, Крюш? Не волнуйся, я не стану оживлять чудовищ и трёхглавых драконов! – Морс улыбнулся и перевернул ещё одну страницу. – А вот этого симпатичного старикашку я попробую пригласить к нам в гости...

Он ткнул пальцем в рисунок с бегущим по ветхому мостику гномом. Несчастный бородач был, видимо, чем-то страшно напуган и теперь мчался по хлипкому сооружению сломя голову.

– Бедняге что-то угрожает – мы его спасём!

Не прошло и секунды, как на столе неизвестно откуда возник седобородый старичок в изумрудно-зелёном бархатном костюмчике. Оказавшись на столе, бедняга на секунду замер, а потом заметался по нему, вздымая ручки и что-то вопя на непонятном для Морса и Крюшона языке.

– Успокойтесь, пожалуйста, успокойтесь! – первым опомнился юный чародей. – Мы не сделаем вам ничего плохого, клянусь всем святым!

– Так я вам и поверил! Вундербера на мякине не проведёшь! – проскрипел в ответ противным голоском седобородый старец на чистом гнэльфском языке.

Стоило только долговязому мальчишке-гнэльфу сделать один шаг в сторону гнома, как он, разразившись ужасными проклятиями, резко оттолкнулся от подоконника и смело сиганул в отворённое окошко.

Глава вторая

Вундерберу повезло: плавно спланировав на цветочную клумбу, он вылез из мягкой земли, в которой увяз по пояс, отряхнулся и бросился бежать по асфальтированной дорожке куда глаза глядят. «Я попал к гнэльфам, сомнений нет! – думал он на бегу. – Но как, каким образом?! Неужели эти безусые бездельники обладают чародейной силой, которой нет даже у меня, всесильного Вундербера?»

Седобородый гном свернул с тихой Вишнёвой улицы на более оживлённый Сиреневый Проспект. «Знакомый домик, по-моему, это – городская ратуша, – подумал Вундербер, пробегая мимо здания, в котором размещались муниципальные власти города. – Кажется, я в Гнэльфбурге, но что-то я его не узнаю...»

Внезапно из-за поворота вынырнул автомобиль с зажжёнными фарами и ослепил бедняжку гнома.

«О, ужас!.. Я пропал!..» – мелькнуло в голове испуганного старичка, и он, лишившись сразу остатка сил, прислонился спиной к стене ратуши и медленно сполз на тротуар.

Автомобиль остановился рядом с несчастным Вундербером, и из него выскочил встревоженный водитель.

– Вам плохо? – спросил он, наклоняясь над странным коротышкой в смешном старомодном наряде. – Вам нужно, наверное, в больницу?

Но старичок молчал и не подавал никаких признаков жизни.

«Неужели он умер?» – подумал мужчина и, сграбастав Вундербера в охапку, залез с ним в машину. Бережно положил его на заднее сиденье и захлопнул дверцу.

– Не волнуйтесь, я доставлю вас в лучший гнэльфбургский госпиталь! – пообещал он бездыханному гному. – Наши врачи наловчились возвращать своих пациентов даже с того света, они – настоящие волшебники!

«Волшебники...» – донеслось откуда-то до замутнённого сознания Вундербера. И несчастный старик, испугавшись вторично до полу-смерти, провалился в глубокое беспамятство.

Глава третья

Сознание вернулось к Вундерберу вовремя, ещё немного – и было бы, наверное, поздно.

– Живо кладите старичка на носилки! – услышал бедняга гном чей-то рокочущий повелительный голос. – Снимите с него одежду и обувь и подготовьте к тщательному осмотру! Возможно, потребуются операционное вмешательство, так что будьте готовы и к этому.

Вундербер приоткрыл веки и увидел склонённых над ним гнэльфов в белых халатах. Один из них, настоящий великан, заметив, как задрожали ресницы седобородого коротышки, весело подмигнул:

– Держись, папаша! Пара уколов – и ты снова запрыгаешь как кузнечик!

Вундербер хотел было возразить, но только беззвучно прочмокал что-то губами и недовольно помотал головой из стороны в сторону.

– Благодарить будете потом, сейчас ещё не время, – по-своему истолковал это чмоканье гнэльф-гигант и, распрямившись, дал знак двум другим гнэльфам нести старичка в операционную.

Санитары послушно кивнули и, ловко положив пациента на тележку, чуть ли не бегом покатали его по больничному коридору.

«Теперь я точно пропал! – подумал испуганно Вундербер, поглядывая на мелькающие над ним электрические светильники. – Эти волшебники страшнее тех мальчишек! Собрались меня чем-то колоть, чтобы я стал кузнечиком!»

Санитары вкатили тележку в большую просторную комнату и вновь склонились над гномом.

– Давайте, уважаемый, раздеваться...

– Нет! – подскочил Вундербер на тележке. – Ни за что!

И он, спрыгнув на пол, помчался из комнаты обратно в коридор.

– Лови его! Держи! – закричали санитары и бросились в погоню за удивительным пациентом.

Но разве можно догнать настоящего гнома, да ещё тогда, когда ему грозит смертельная опасность? Конечно, нет! Пролетев как стрела огромный коридор, Вундербер скатился по лестнице в холл, а оттуда выбежал на улицу.

Глава четвёртая

Пуппетроль Кракофакс не любил покидать своё жилище и бродить по шумным гнэльфбургским улицам без особого повода. Но иногда ему всё-таки приходилось выбираться из подвала, в котором он жил со своим племянником Тупсифоксом, и с риском для жизни добывать продукты и самые необходимые вещи.

Вот и в этот роковой, как потом оказалось, вечер старый пуппетроль вынужден был одеться и, глухо ворча на превратности судьбы, нырнуть в небольшую щель в «парадной» двери, выскочить на улицу и мелкой трусцой отправиться на поиски пропитания и какого-нибудь скромного подарка для глупышки Тупси: у племянника был сегодня день рождения, и приличия требовали его хоть слегка отметить.

«Зайду в кафе «Три поросёнка» и возьму там займы парочку отбивных котлет. Можно было бы прихватить ещё бутылочку лимонада и несколько бисквитных пирожных, но тогда я вряд ли всё это дотащу до нашей норы... – Кракофакс свернул с Кошачьей Аллеи на Пряничную улицу и, вспомнив, что позабыл произнести заклинание, хлопнул себя ладонью по лбу: – Ну, я осёл!.. То-то эти долговязые гнэльфы так косятся в мою сторону... Старею, старею...»

И он, притормозив на секунду возле тумбы с театральными афишами, тихо прошептал себе под нос необходимые слова. И стал невидимым – он это умел делать.

«Ну вот, а теперь можно и в «Три поросёнка» заглянуть...»

Кракофакс подошёл к дверям любимого кафе и, подкараулив момент, когда очередной посетитель их широко раскроет, нырнул внутрь помещения, ловко проскочив между ног высокого гнэльфа. Не задерживаясь долго в уютном зале, он прошёл напрямиком на кухню, достал из глубокого кармана футляр, в котором обычно хранят драгоценности, и, забравшись с трудом на край плиты, быстро переложил в него со сковородки две котлеты. Сунул футляр обратно в карман, спрыгнул на пол и выкатился снова в шумный зал. Стащить бутылочку лимонада и парочку пирожных из-под носа зазевавшегося бармена оказалось делом одной секунды.

«Ого! – подумал Кракофакс, почувствовав приятную тяжесть во втором кармане плаща. – Да мне сегодня чертовски везёт! Наверное, госпожа Фортуна пребывает в хорошем расположении духа, коль она не подставила мне ни разу за вечер подножку...»

И воодушевлённый лёгким успехом пуппетроль покинул стены «Трёх поросят» и двинулся в сторону магазина игрушек «Лапундер и сыновья» за подарком для Тупсифокса.

Глава пятая

– Простите, вы не скажете, в каком городе мы с вами находимся?

Добродушный полноватый гнэльф удивлённо вскинул густые брови вверх и с изумлением уставился на странного старичка, нарядившегося в старомодный костюм не то лесного, не то горного гнома.

– Разве вы не знаете?.. Это – Гнэльфбург, наша столица...

– Так я и думал! Лет пять здесь не был, и что с ним стало! – седобородый старец покосился с некоторым испугом на промчавшийся мимо автомобиль. – А что за странные монстры бегают по вашим улицам? Они не слишком опасны для окружающих?

Гнэльф, услышав новый вопрос, слегка поперхнулся:

– Вы имеете в виду... их?

Он ткнул пальцем вслед умчавшемуся автомобилю.

– Да, именно их...

– Нет, не опасны... Если, конечно, под них не запрыгивать! Это – машины, иначе – автомобили... Очень удобное средство передвижения.

– Кареты без лошадей... Я так и думал... А какое сегодня число? А заодно, если вам, конечно, не трудно, сообщите мне, пожалуйста, который сейчас месяц и год... Я что-то стал ужасно забывчив!

Когда Вундербер услышал, какой на дворе год, он побледнел и схватился руками за голову:

– Боже мой!.. Волшебники усыпили меня на целых сто лет!.. Нет, на сто двадцать! Я в другом веке!..

Поняв, что ему попался бедняга-сумасшедший, гнэльф сочувственно пробубнил:

– Бывает-бывает... Волшебники – они такие: забросят тебя куда-нибудь, а ты выпутывайся...

Глава шестая

Кракофаксу было известно, что магазин игрушек закрывается довольно рано, однако надежду попасть в этот чудесный мир заводных существ он не потерял. «Большую вещь я не донесу, – думал он, останавливаясь на минутку возле сияющей огнями шикарной витрины магазина господина Лапундера, – подарю я ему лучше наручные часы с подсветкой! Или компас! Нести легко, и вещь полезная».

Придя к такому умному выводу, Кракофакс улыбнулся и побрёл к служебному входу в магазин. Вскрабкался по выступам на двери к звонку и нажал кнопку.

– Кто там? – раздался вскоре недовольный голос охранника.

Кракофакс не ответил, а, выдержав небольшую паузу, снова нажал на кнопку.

– Я, кажется, ясно спросил: «Кто там?» – Недовольства в голосе охранника прибавилось, и пуппетроль удовлетворённо хихикнул.

Услышав удаляющиеся от дверей шаги охранника, Кракофакс ещё раз надавил на кнопку звонка и быстро сполз вниз. И вовремя: через секунду дверь широко распахнулась, и на пороге возник разъярённый страж игрушечного королевства.

– Кто здесь хулиганит?! – гаркнул он басом. – Наверное, мальчишки озоруют... Ну, я им задам, если поймаю!..

И он снова захлопнул дверь и медленно зашагал к своему столу и мягкому креслу.

А Кракофакс уже мчался вдоль высоких прилавков и стеллажей, все полки которых были битком набиты прекрасными игрушками. Он пробегал мимо них, и его сердце обливалось кровью: «Ну почему это богатство принадлежит не мне?! Я тоже хочу владеть таким магазином, хочу, чтобы над ним красовалась огромная вывеска «КРАКОФАКС – И НИКТО БОЛЬШЕ!»

Наконец пуппетроль домчался до отдела, в котором продавались разные мелкие вещи: часы, компасы, брелоки, браслеты и всякая прочая дребедень, названия которой Кракофакс или не знал, или уже не помнил. Отдышавшись, он вскарабкался на одну из полок и протянул дрожащую руку к красивым часикам. Но потом передумал и взял компас, похожий на эти часики, но только ещё красивее. Полюбовавшись на подрагивающую красно-синюю стрелку и сунул компас в карман. А на то место, где ещё секунду назад лежала чудесная вещица, нехотя бросил монетку в один гнэльфдинг. Нет, пуппетроль не стыдился воровать чужое добро, он даже считал почему-то это грязное и мерзкое занятие «доблестным делом», однако к игрушкам Кракофакс питал особое чувство, и украсть, не заплатив за них хотя бы ломаный грош, старый мошенник никак не мог.

Кракофакс сполз на пол, поправил на себе невидимую одежду и, подойдя к игрушечной ракетной установке, навёл её на витринное стекло и нажал на красивую кнопку, под которой было написано: «ПУСК».

«Вжжж!» – пропела ракета, пересекая пространство витрины.

«Бумм!» – взрвалась она в толстенное стекло.

«Зззз!» – зазвенела, противно дребезжа, включённая сигнализация.

«Теперь осталось дожидаться, когда придут швейцары и откроют передо мною эти тяжёлые двери...» – подумал Кракофакс и самодовольно потёр невидимые ручки. Потом сел в игрушечный автомобиль и с шиком подъехал на нём к парадному входу. Вылез из машины и через минуту, слегка посторонившись и пропустив мимо себя спешащих в магазин полицейских, вышел на улицу.

Глава седьмая

Тупсифокс очень обрадовался дядюшкиному подарку. Ещё бы: раньше ему доставались от Кракофакса одни подзатыльники да ехидные насмешки, а теперь наконец перепала и стоящая вещь – компас! Мальчишка-пуппетроль вертел драгоценный сувенир и так и сяк и всё никак не мог налюбоваться на белоснежный циферблат с большими красивыми буквами и на вертлявую, как он сам, двухцветную стрелку, закреплённую в центре компаса на тонкой иголочке.

Накрывая «праздничный стол», Кракофакс искоса бросал любопытные взгляды на счастливого племянника, и какое-то новое чувство, совсем не знакомое ему до сих пор, рождалось внутри него вопреки воле и желанию. «Кажется, я становлюсь сентиментальным, — думал старый пуппетроль, — растаял от одного вида играющего мальчишки... А ведь Тупси мне не сын и не внук, а всего лишь племянник!»

Кракофакс насмешливо хмыкнул и, откупорив бутылку с лимонадом, гостеприимным жестом пригласил Тупсифокса к столу:

— Прощу садиться! Ужин, приготовленный в вашу честь, остывает!

Пуппетролли уселись за шаткий столик и заткнули салфетки за воротники.

— Подожди, ты ещё не сделал самого главного! — Кракофакс достал из кармана ёлочные свечи и начал втыкать их одну за другой в бисквитное пирожное. Когда свечи закончились, дядюшка именинника взял спички и стал поджигать фитильки.

— Но здесь их только двенадцать! — воскликнул вдруг Тупсифокс. — А мне исполнилось тринадцать! Что-что, а считать до пятнадцати я умею!

— Хватит и этих. Во-первых, тринадцать — несчастливое число, а во-вторых, свечек у меня больше нет.

Он подвинул тарелочку с пирожными поближе к виновнику торжества и нарочито суровым голосом проговорил:

— Вместо того, чтобы капризничать и считать свечи, ты их лучше задуй. Да не забудь при этом загадать желание, оболтус!

— А какое, дядюшка?

— Какое хочешь! Но если ты ждёшь моего совета, я, так и быть, его тебе дам: пожелай нам обоим богатства!

— Хорошо, я так и сделаю.

Тупсифокс зажмурился, что-то прошептал себе под нос и что было силы дунул на горящие фитильки. Тонкие язычки пламени испуганно шархнулись в сторону и дружно погасли.

— Зря я подул... С огоньками было веселее...

— Зато мы почтили традиции! И заработали шанс разбогатеть! — Кракофакс весело хмыкнул и, взяв в левую руку вилку, а в правую игрушечный перочинный ножик, принялся с азартом кромсать отбивную котлету на мелкие кусочки.

Вдруг у входной двери послышалось какое-то странное шуршание, и в дверном проёме появилась голова незнакомого старичка, на которой красовалась съехавшая немного набок, изумрудно-зелёная бархатная шапочка с помпончиком. Секунду помедлив, загадочный незнакомец принял смелое решение и протиснулся в жилище пуппетролей полностью.

— Дядюшка! — радостно воскликнул изумлённый Тупсифокс. — К нам пожаловал ещё один пуппетроль! Нас теперь трое в Гнэльфбурге!

Кракофакс близоруко сощурился и внимательно посмотрел на незнамого гостя.

— Нет, это не пуппетроль... Росточком будет, пожалуй, с нас, но не пуппетроль... Это — гном! Горный гном из Северного Гнэльфланда!

— Верно, приятель, ты угадал. А вы, значит, пуппетролли? Мелкие жулики и мошенники? — сказал Вундербер.

— Ну-ну! — проворчал Кракофакс обиженно. — Ведите себя прилично! Забрались в чужой дом, да ещё позволяете себе оскорблять его хозяев!

Вундербер тяжело вздохнул:

– Сюда меня забросила насмешница судьба... Будь моя воля, я ни за что бы не покинул свой Шатцберг, своих детишек и свою супругу... О, проклятый рок, который так скверно подшутил над честным семьянином и тружеником Вундербером!

И седобородый старикашка несколько раз с удовольствием постукался головой о кирпичную стену подвала. Пуппетроллям стало немного жаль бродягу гнома, и они пригласили его к столу разделить с ними праздничную трапезу.

– У моего племянника сегодня день рождения, – сообщил гостю Кракофакс, подавая ему таз с водой и полотенце, – вот мы и решили кутнуть!

– День рождения? А у меня ничего нет, что я мог бы подарить этому юноше! – смутился Вундербер и принялся хлопать себя по карманам. – Хотя... хотя я могу подарить ему вот эту вещицу...

И он достал из нагрудного кармана камзола какой-то блестящий камешек и протянул его имениннику.

– Что это? – прошептал восхищённо Тупсифокс, глядя во все глаза на сияющий даже при тусклом свете настольной лампы крупный кристалл.

– Ничего особенного, обычный сапфир. Да ты возьми его, мальчик, у меня дома их целая куча!

Услышав последние слова хвастливого гнома, Кракофакс побледнел. «Неужели у нас и правда появился шанс разбогатеть?! Нет, я не верю в это!..»

Старый пуппетроль сделал попытку прогнать зародившуюся надежду, но она упорно влезала в его чёрствую и жадную до богатства душу. И тогда Кракофакс сдался и принялся расспрашивать гостя о том, кто он есть и как его угораздило появиться в Гнэльфбурге, в котором вот уже добрых полсотни лет не видели ни одного настоящего гнома.

Глава восьмая

Проведя рискованный эксперимент и получив сногшибательный результат, Морс и Крюшон некоторое время сидели молча и только многозначительно поглядывали друг на друга. Наконец Крюшон опомнился и задал свой любимый вопрос:

– Мы, кажется, вновь влипли в какую-то дурацкую историю, Морсик?

В ответ Морс вспыхнул, и на его лице появились красные, цвета спелой редиски, пятна.

– Никуда мы с тобой не влипли, Крюш! Старичок в зелёном камзоле влип – это верно. Но ты посмотри на картинку в книжке! Ведь этот бедняга мчался по хилому мостику над ужасной бездной сломя голову! Значит, он уже куда-то влип, наверное, за ним гналось какое-то чудовище. А мы его спасли, Крюш, перенесли в наш милый и тихий Гнэльфбург живым и невредимым! Он ещё спасибо нам должен за это сказать!

Но Крюшон не был склонен записывать на свой счёт славу и мгновенно от неё отрёкся.

– Я никого не переносил, я только хотел оживить белочку. Да и то не очень сильно, мне больше по душе цветы и красивые бабочки!

Морс вновь погрузнел:

– Виноват во всём я, мне и расхлёбывать... Сейчас пойду в полицию и заявлю о пропаже гнома.

Он встал со стула, подошёл к письменному столу и заглянул в открытую всё на той же роковой странице книгу.

– Так и скажу: «Пропал гном по имени Вундербер. На вид ему сто лет, но держится молодцом. Особые приметы: седая борода и дурацкий костюм...»

Крюшону стало жаль приятеля, и он попробовал его утешить:

– Мы оба виноваты, Морсик. Я – твой друг, но я не удержал тебя от опрометчивого шага...

Морс хмуро хмыкнул:

– Попробовал бы кто-нибудь меня удержать, когда мне загорелось!

– Это верно, удержать тебя невозможно. Из-за этого мы с тобой и попадаем в разные истории.

– Однако всегда выходим из них победителями! А это тоже чего-то стоит!

У Крюшона было другое мнение на этот счёт, однако сейчас он не хотел спорить с другом, а только печально вздохнул и тихо промолвил:

– В полицию, Морсик, идти не нужно. Вряд ли оттуда ты выйдешь победителем, да ещё вопрос – выйдешь ли ты из неё вообще сегодня... А сейчас вечер, и нам пора ложиться спать. Спокойной ночи, Морсик!

– Спокойной ночи... Встретимся завтра утром в колледже. – И Морс, попрощавшись с приятелем, покинул его гостеприимный дом.

Глава девятая

День рождения Тупсифокса удался на славу. Сам виновник торжества получил прекрасные подарки, а его дядюшка и гном Вундербер отлично провели время за праздничным столом. Хитрый Кракофакс, задавая наводящие вопросы, сумел за каких-нибудь полчаса выведать у странного гостя необходимые сведения. Во-первых, он узнал, что Вундербер оказался в Гнэльфбурге не по собственной воле, а благодаря козням каких-то юных чародеев и волшебников. Во-вторых, старый пройдоха пуппетроль убедился в том, что его гость действительно прибыл из Северного Гнэльфланда, про богатейшие россыпи драгоценных камней которого издавна ходило много легенд. И в-третьих, Кракофакс уверился в том, что ещё не всё потеряно для него в этой жизни, что всё-таки остался один шанс разбогатеть, и он его, конечно, не упустит. Но для этого сначала придётся разыскать загадочных чародеев и волшебников и заставить их правдой или неправдой вернуть беднягу Вундербера на родину, в его времена. И нужно постараться совершить этот чудесный перелёт вместе с ним – за компанию. Уж тогда-то Кракофакс не упустит удачу из рук: набьёт все карманы отборными самоцветами и золотыми слитками! А потом он вернётся в Гнэльфбург и построит игрушечный магазин раза в два покрупнее, чем у Лапундера, и водрузит над ним огромную вывеску с гигантскими буквами: «ИГРУШЕЧНЫЙ МАГАЗИН КРАКОФАКСА – И НИКОГО БОЛЬШЕ!» Правда, вернуться в современный Гнэльфбург будет не проще, чем оказаться в Северном Гнэльфланде конца прошлого века, но он что-нибудь придумает, он обязательно что-нибудь придумает...

– Я готов отдать этим юным озорникам полный сундук алмазов, рубинов и сапфиров! – нарушил его мечтания Вундербер. – Я собирал их лет двадцать или тридцать, но чего не отдашь за то, чтобы вновь оказаться в кругу семьи, в своём родном доме, в своём Шатцберге!

– Мальчишкам хватит и полсундука, – проворчал Кракофакс. – Они и этого не заслуживают, негодники!

– Неужели в Гнэльфбурге есть мальчишки-чародей? – влез в разговор взрослых любопытный Тупсифокс. – Чего не слышал, того не слышал!

– Признаться, и я впервые узнал такую новость, – кивнул Кракофакс, – а мне известно многое!

Вундербер вытер платочком рот и откинулся на спинку кресла.

– Я не утверждаю, что оба эти озорника являются волшебниками. Но кто-то из них двоих чародей – это точно! Иначе как объяснить моё появление в чужом доме, да ещё на письменном столе?

– Ну, это просто объяснить, – снова вмешался в беседу Тупсифокс, – произошло чудо!

– А кто его сотворил? – тут же ехидно спросил юного умника хитрюга Кракофакс.

Тупсифокс пожал плечами и на время замолк, вновь занявшись верчением из стороны в сторону дядюшкиного подарка – компаса. Притихли и Вундербер с Кракофаксом, подыскивая каждый свой ответ на такой, казалось бы, простой вопрос. Наконец Вундербер неуверенно произнёс:

– По-моему, это сделал долговязый мальчишка-гнэльф... Его толстый приятель вряд ли способен проделывать такие шутки...

– Мальчишки-гнэльфы? – переспросил Кракофакс и вдруг весь напрягся. – Один из них толстый увалень, а другой длинный как жердь?

– Да, это была чудная парочка. Вы их знаете, господин Кракофакс?

– Если это те, о ком я подумал, то я их прекрасно знаю!

– И я! – пискнул болтливый Тупсифокс.

– О, – сказал Кракофакс, – если это те двое, то вам, дорогой друг, ужасно не повезло! Можете мне поверить!

– Верю-верю, – поморщился Вундербер, – мне уже не повезло, вы сами этому свидетели...

– От этой парочки мы тоже приняли немало мук, – признался Кракофакс и кивнул в сторону племянника. – Тупсифокс несколько раз имел возможность утонуть или быть съеденным каким-нибудь чудовищем... И всё из-за этих мальчишек-гнэльфов, будь они трижды неладны!

– А по-моему, мы сами были виноваты, когда отправились вслед за ними в дурацкое путешествие, – высказал довольно справедливую мысль Тупсифокс.

– Ты снова перебиваешь меня, болтливый мальчишка?! Смотри, останешься завтра без десерта! Из-за этих гнэльфов я потерял половину здоровья... У меня даже изменился цвет лица!

– «Изменился цвет лица...» – насмешливо пробурчал обиженный Тупсифокс. – Ты посинел как баклажан от маковки до самых пяток! Если бы не добрый волшебник, который нам тогда повстречался, то ходить бы тебе и сейчас с фиолетовой физиономией, милый дядюшка!

Рваный ботинок полетел в сторону разговарившегося мальчугана и, хотя и не достиг цели, всё-таки заставил его на время замолчать

и дать возможность неудачливому ботинкометателю закончить своё повествование.

– И так, – вновь проговорил Кракофакс, поглядывая то на Вундербера, то на племянника Тупсифокса, – мы приняли много горя из-за этих двух негодников. И запомнили их отлично! Можно сказать, на всю оставшуюся жизнь... Мы даже дали с Тупсиком клятву больше не связываться с этой парочкой, пусть нам и посулят за это золотые горы...

– Гор обещать не стану, но четверть сундука...

– Половину! – перебил Вундербера жадный пуппетроль.

– Хорошо, половину. Но при условии, что вы поможете мне вернуться к себе домой!

– Поможем, поможем!.. Мы должны заключить с вами дружественный союз, дорогой Вундербер! Мы пообещаем вам свою помощь, а вы нам – полсундука драгоценных камней!

– Этот камешек, чур, не считать! – испуганно пискнул Тупсифокс.

Вундербер и Кракофакс переглянулись между собой и весело рассмеялись. Оба этих прохвоста прекрасно понимали, что там, где речь идёт о сундуках самоцветов, о маленьком камешке можно и не заикаться.

– Хорошо, я согласен на ваши условия! – проговорил сквозь смех Вундербер и протянул пуппетроллям руки: Кракофаксу правую, а Тупсифоксу левую. – Чем скорее вы вернёте меня домой, тем раньше получите свою половину сундука!

Глава десятая

На следующий день Крюшона ожидал ещё один неприятный сюрприз, на этот раз от директора колледжа. Едва наш милый толстячок вошёл в класс и уселся на свой стул, как к нему подлетел учитель географии господин Крайдтафель и, заговорщицки подмигнув, произнёс:

– Ты, кажется, сумел в чём-то отличиться, Крюшончик? Сейчас меня остановил господин Гутеншрекхлих и попросил прислать тебя к нему в кабинет. Он был так взволнован, что даже забыл моё имя! Назвал меня: «Эй, как вас там...» Я простил господину директору его нетактичность, он здорово волновался...

Когда Крюшон вошёл в кабинет директора, то застал Гутеншрекхлиха не за письменным столом, как обычно, а роющимся в огромном шкафу, набитом до отказа всевозможными предметами.

– Вот, хочу навести порядок! – смущённо проговорил Гутеншрекхлих. – Давненько сюда никто не заглядывал!

Он быстро захлопнул дверцу шкафа, сгрёб отобранные вещи в саквояж и, отряхнув ладони от пыли, уселся наконец-то на рабочее место.

– Ну, – сказал Гутеншрекхлих, – я тебя слушаю!

– Простите, но я не знаю, что я должен говорить... – недоумённо развёл руками Крюшон.

– Не прикидывайся дурачком, Крюшон, со мной эти штуки не пройдут! – усмехнулся Гутеншрекхлих и, взяв со стола изящную точилку для карандашей, повертел её перед глазами и сунул в карман сюртука. – Выкладывай всю правду о том, что вы натворили вчера вечером со своим другом Морсом, и не вздумай ничего утаивать!

– А что мы натворили? Я ничего не творил... – Крюшон пошатнулся и без приглашения плюхнулся в мягкое кресло, стоявшее перед столом директора.

Гутеншрекклих побагровел и стукнул кулаком по кипе бумаг:

– Значит, это негодник Морс подшутил над бедным гномом?! Признавайся, или я завтра же выгоню тебя из колледжа вместе с этим отпетым озорником!

– Морс не отпетый... И он не негодник... – прошептал, защищая честь друга, трусишка Крюшон. Ему было очень страшно перечить грозному Гутеншрекклиху, но иначе поступить он просто не мог. – Мы ставили опыты... У Морса открылся дар... Это всё получилось совершенно случайно!

– «Случайно!», – передразнил директор испуганного воспитанника. – Случайно сотворили чудо!

Он рассмеялся каким-то противным дребезжащим смешком, не свойственным обычно серьёзному и сдержанному Гутеншрекклиху. И вдруг, резко оборвав свой смех, деловито и с нескрываемым любопытством спросил:

– Ну, и как это вам удалось сделать? Признайся, Крюшон, и вам ничего не будет, я обещаю!

Несчастный толстячок заёрзал в кресле, но раскрывать чужой секрет не стал и только жалобно пробубнил:

– Я не знаю, как он это сделал... Наверное, нечаянно...

– Час от часу не легче! – возмутился директор «Кузницы вундеркиндов». – «Случайно», «нечаянно», «не знаю как»... Это всё отговорки, Крюшон! Или ты немедленно признаешься в содеянном, или...

Он хотел сказать «...или я вас обоих исключаю из колледжа», но не успел. Входная дверь внезапно открылась, и на пороге появилась... ещё один господин Гутеншрекклих!

– Что здесь происходит? – удивлённо спросил он и уставился на свою копию, застывшую посреди кабинета. – Кто вы такой и что вы здесь делаете?!

– Ничего особенного, ведём милый дружеский разговор! – опомнилась «копия» и нервно хихикнула. – Устроили с Крюшончиком маленький спектакль!

Фальшивый Гутеншрекклих подбежал к саквоюжу, сграбастал его в охапку и, прошептав неразборчиво что-то себе под нос, растаял в воздухе. Вместе с саквоюжем. А через секунду кто-то невидимый резко оттолкнул настоящего директора колледжа в сторону и выскочил из кабинета в коридор.

– Кто это? – пролепетал чуть слышно гроза воспитанников «Кузницы вундеркиндов» и дёрнул головой, словно ужаленная оводом лошадь. – Кто это был, Крюшон?!

Но бедный толстячок ничего не смог ответить господину Гутеншрекклиху: с перепугу несчастный Крюшон лишился дара речи. К счастью, временно.

Глава одиннадцатая

– Ну вот, теперь мы знаем, кто подшутил над нашим бедным другом, – сказал Кракофакс и кивнул в сторону Вундербера, – это мальчишки-гнэльфы, Морс и Крюшон!

– Разве ты в этом сомневался, дядюшка? – искренне удивился Тупсифокс. – Я ни минуточки не сомневался!

– Между верой и знанием, дорогой племянник, существует огромная разница. Раньше мы были только уверены, теперь знаем точно. Более того, я знаю, что это сделал именно Морс!

– Попадись он мне в Шатцберге... – проскрежетал зубами разозлённый гном и с гневом стукнул кулаком по обивке дивана. Древняя ткань не выдержала мощного удара и лопнула, выпустив на свободу ржавые пружины.

– Морс, конечно, заслуживает наказания, но зачем же мебель ломать?! – вскрикнул испуганно Кракофакс и схватился за сердце.

– Извините... – нехотя буркнул седобородый гном и попробовал было засунуть пружины обратно в диван. Но вкусившие свободы железки ему не подчинились, и Вундербер оставил бесполезное занятие. – Я куплю вам новый диван и сменю всю мебель в вашем жилище, – пообещал он, – только заставьте Морса вернуть меня в мой Шатцберг! Или... Или я сотру этого мальчишку в порошок и развею по ветру!

– Не будем горячиться, уважаемый Вундербер, не будем горячиться! Горячность не лучший советчик в таких делах! – Кракофакс выдержал паузу, как настоящий актёр, и, лукаво улыбнувшись, продолжил: – Запугать сорванца Морса нам не удастся. Он не Крюшон, и страх ему неведом. Лучше мы попробуем поймать его на жалость. Мальчишка добр, как все эти дылды гнэльфы, учтём эту слабость, дорогой дру!

– Посулите ему половину сундука самоцветов, может быть, он станет сговорчивее, – уже спокойнее произнёс Вундербер.

Пуппетроль кивнул, достал из ящичка письменные принадлежности и, согнувшись крючком над чистым листом бумаги, стал сочинять послание неразлучным друзьям – Крюшону и Морсу.

Глава двенадцатая

– Сынок! Тебе письмо! Ты посмотри, какое оно странное и смешное! – Мама протянула Морсу крошечный конвертик, на котором ещё более крошечными буквами было выведено: «Вручить Морсу лично в руки!» – Интересно, кто этот шутник?

Морс взял письмо и, пожав плечами, неуверенно проговорил:

– Наверное, кто-нибудь из друзей забавляется...

Он прошёл в свою комнату, закрыл за собою плотно дверь и, аккуратно распечатав конвертик, достал из него сложенный вчетверо листок бумаги. «Ого, да тут без микроскопа не обойтись!» – подумал юный гнэльф, увидев горизонтальные полоски фиолетового цвета и догадавшись, что это не что иное, как строчки письма. Однако, приглядевшись к ним, Морс различил и буквы. «Ладно, и так читаю», – решил он и стал внимательно изучать загадочное послание. Оно гласило:

«Уважаемые гг. Морс и Крюшон!

Два серьёзных господина желают сделать вам очень выгодное предложение, от которого вы просто не сможете отказаться. Если вы хотите разбогатеть и получить во владение несметные сокровища, а именно половину сундука с драгоценными камнями, то вам сле-

дует выполнить небольшую работу, сделать сущий пустяк. Конкретно об этом пустяке мы поговорим при личной встрече, на которую вы, надеемся, обязательно придёте. Ждём вас обоих завтра вечером в городском сквере в 19 часов 00 минут возле скульптуры «Гнэльф и Собачка».

С уважением В. и К.»

Прочитав странное послание, Морс отложил его в сторону и глубоко задумался. «Одно из двух: или это чья-то шутка, или это серьёзно... Любителей розыгрышей у нас в классе, конечно, много, кому-то в голову и могла прийти мысль позабавиться. Но какое удовольствие получит этот шутник от того, что мы с Крюшоном заявимся завтра в сквер? Ну, придём, ну и что? Смеха из этого не выжмешь... Нет, тут что-то другое таится...»

Он вспомнил про свой вчерашний безрассудный поступок, и его вдруг осенило: «Не иначе, это письмо связано с Вундербером! Кто же ещё может пообещать в награду половину сундука с драгоценными камнями? Только горный гном! И подписана записка неким «В»... Правда, здесь приложил свою руку и некто «К», но это уже дело десятое...»

Морс торопливо засунул письмо вместе с конвертом в карман рубашки и помчался делиться новостью с Крюшоном.

– Два серьёзных господина обещают нам полсундука драгоценных камней? – переспросил Крюшон и грустно посмотрел на счастливое лицо безрассудного Морса. – Они хотят подарить его нам за какой-то сущий пустяк? Уж не наши ли жизни имеют в виду эти загадочные добряки?

– Нет, не жизни, Крюш, успокойся... Они просят нас оказать им какую-то услугу. Вот: «...вам следует выполнить небольшую работу...» Придётся немного потрудиться, Крюш, богатство так просто в руки не даётся!

– Я знаю, во мне ещё живы отдельные воспоминания... Ты как хочешь, Морс, а я на свидание с «серьёзными господами» не пойду. Нет такой привычки – ходить на свидания!

– Один из них Вундербер. Видишь, письмо подписано инициалом «В»? – А кто другой? И почему ты решил, что «В» означает именно «Вундербер»? Может быть, нам черкнул письмецо господин Вампир! Или господин Вельзевул – вариантов много!

Морс поморщился от досады на трусливого друга, однако счёл необходимым ему всё подробно растолковать. В конце концов друзья устали спорить и сошлись в едином мнении: завтра они на встречу не пойдут.

Глава тринадцатая

Прошло ещё три дня – от таинственных незнакомцев ни весточки. Морс начал потихоньку нервничать и злиться: упустили такой случай разбогатеть! Зато Крюшон за это время понемногу успокоился и даже чуть-чуть прибавил в весе. «Бог с ними, с этими сундуками! – мелькало в его голове при воспоминании о загадочном письме подозри-

тельных «В» и «К». – Не в сундуках счастье! Вот закончим колледж, поступим в университет, а там не за горами и служба на кондитерской фабрике моего дедушки Марципана Монпансье... Правда, Морс собирается стать военным, но он, наверное, передумает: сообразит, что размешивать крем для торта гораздо приятнее, чем месить грязь в полях и непролазных дебрях!»

Однако напрасно позволил Крюшон себе расслабиться. Не успел закончиться третий день «тихой и мирной жизни», как покой юных гнэльфов вновь был нарушен. В четверг вечером, когда Крюшон собирался уже ложиться спать, в его комнату кто-то постучался. Но не в дверь, а в окно, которое располагалось, как вы помните, на втором этаже. Стук был негромкий, и Крюшон сначала подумал, что это какая-нибудь глупая птичка долбит по прозрачному стеклу клювом. Но когда он подошёл к окну поближе и взглянул на непрошеную гостью, то в страхе отшатнулся назад: там, за оконной рамой, сидела не птица, а, цепляясь за выступы в стене, торчал мальчишка-пуппетроль в дурацком клоунском костюме и что-то беззвучно шептал, глядя прямо в лицо перепуганному Крюшону.

«Тупсифокс! – узнал, опомнившись от лёгкого шока, своего старого знакомого трусишка гнэльф. – Неужели он остался жив после ужасного путешествия по Сказочному Морю?! А если он погиб, то кто же тогда сейчас колотится в моё окно? Возможно, его несчастный и холодный призрак?»

Словно читая мысли толстяка Крюшона, Тупсифокс сердито загримасничал и покрутил указательным пальцем правой руки у виска. Юный гнэльф торопливо распахнул окно.

– Это ты, Тупси?! – радостно воскликнул он и втащил забавного коротышку в комнату. – Я думал, что вы с Кракофаксом погибли!

– Плохо ты знаешь моего дядюшку! Старый пройдоха вывернется из любой передраги! – гордо заявил Тупсифокс. – Пришлось нам, конечно, немного понервничать, но в Гнэльфбург мы, как видишь, вернулись. Но лучше бы нам не возвращаться, Крюш... Дядюшка завёл себе нового знакомого, и теперь мне от них обоих нет ни минутки покоя!

– Они тебя обижают?

– Хуже: воспитывают! Я чувствую, как начинаю превращаться в отпетого хулигана! Например, вчера я взял и разбил окно у соседа. Ты спросишь, зачем? Да просто так! А позавчера я скормил дохлую муху нашему квартиранту. Положил её в котлету, а тот не заметил и съел!

– Может быть, вам следует обратиться в полицию? Это их обязанность – выпроваживать непрошенных гостей.

– У нас нет вида на жительство... К тому же дядюшка не любит связываться с полицейскими: от них тоже можно дожидаться неприятностей, Крюш!

– А кто он – этот ваш квартирант? Тоже пуппетроль?

– Да нет же! Это – горный гном. А зовут его Вундербер.

– Вундербер?! Он у вас?! – Крюшону снова стало нехорошо.

– Ну да! Торчит в нашем подвале вот уже четвёртый день и наводит на всех тоску стенаниями о своём Шатцберге. Вся надежда на вас,

дорогой Крюш! На тебя и на твоего друга Морса! Дядюшка уже знает о том, что перелёт Вундербера из Шатцберга прошлого века в сегодняшний Гнэльфбург ваша заслуга...

– Не моя! – вторично отрёкся Крюшон от чужой славы.

– ...заслуга Морса, – поправился Тупсифокс. И продолжил: – Вот мы и просим вас поскорее избавить меня и дядюшку от присутствия в нашем доме этого противного типа. Перенесите его обратно, а мы вам скажем большое спасибо!

– Хорошо, я попробую поговорить с Морсиком... Но как он это сделает? Морс ещё никого не забрасывал в прошлое!

– Вундербер будет первым. Побывал в будущем – слетай в прошлое! – Тупсифокс весело хихикнул. – Ну, я пойду, Крюш?

– До завтра, Тупси. Завтра я дам тебе ответ. Приходи ко мне часиков в пять вечера и подожди вон под теми гладиолусами. – Крюшон показал рукой на красивые высокие цветы на клумбе перед домом.

Пуппетроль кивнул и юрко, словно цирковая обезьянка, спустился по кирпичной стене на землю. Помахал на прощанье ладошкой добряку Крюшону и исчез в густых травяных зарослях.

Глава четырнадцатая

Всю ночь Крюшон плохо спал, ворочаясь с боку на бок и тяжело вздыхая. Бедняга догадывался, чем закончится его разговор с непоседой Морсом: конечно же, новыми авантюрами. Но вечно утаивать свою встречу с пуппетролем он не мог и утром, придя в колледж, сразу же отозвал приятеля в сторонку и всё ему выложил.

– Значит, они живы! – обрадовался Морс и весело крутнулся на одной ножке. – Ну, слава Богу! – Тут он вспомнил о Вундербере, и его веселье слегка приугасло. – Вернуть гнома на родину, к своей семье, конечно, нужно... Однако как я это сделаю?!

– Я думал об этом, Морсик... Нужно оживить те места, в которых жил Вундербер. Какую-нибудь скалу или пещеру... В книге иллюстраций много. И пусть он туда уматывает!

Несколько секунд Морс ошалело смотрел на своего гениального друга. А потом, опомнившись, радостно хлопнул Крюшона по плечу:

– Ну, ты голова! Здорово придумал, Крюш!

– Что ты, Морсик, твоя придумка оживить Вундербера была покруче моей... В пять ко мне должен прийти Тупсифокс. Что ему передать от нашего имени?

– Что мы готовы встретиться с его дядюшкой и их квартирантом часиков в семь вечера в городском сквере у «Гнэльфа с Собачкой». И пусть захватят с собой обещанные полсундука драгоценностей! Добрые дела я готов делать бесплатно, однако, Крюш, согласись, ведь их никто не тянул за язык.

Глава пятнадцатая

Скульптура «Гнэльф и Собачка» стояла в самой глубине городского сквера и служила своеобразным пограничным столбом: дальше хода нет! Территория сквера закончилась! Дальше только овраг,

заросший по склонам высокими травами, и небольшой ручеёк, струящийся по известковому дну. Жители Гнэльфбурга знали об этом и потому никогда не доходили до запретной черты. Только стайки собак забегали иногда в это укромное местечко, чтобы отдать дань уважения своему четвероногому собрату, увековеченному в граните неизвестным скульптором. Торопливо отметившись у покрытого мхом постамента, они убегали прочь, и вновь тишина и покой воцарялись здесь на долгие часы, а то и на целые сутки...

Но в пятницу, тринадцатого у «Гнэльфа с Собачкой» можно было наблюдать заметное оживление. Сначала возле гранитной скульптуры появились два мальчика-гнэльфа. Затем, буквально через одну-две минуты, словно из-под земли возникла тройка странных коротышек. Оглядевшись по сторонам, эта тройка двинулась к гнэльфам.

– Морс! Крюшон! Рад вас видеть живыми и невредимыми! – приблизившись вплотную к долговязым мальчишкам, проскрипел неприятным фальцетом один из них и приподнял в знак приветствия над лысенькой головкой старую помятую шляпу.

– Мы тоже рады видеть вас, господин Кракофакс, в добром здравии, – поклонился худощавый мальчик-гнэльф.

А его пухленький приятель торопливо добавил:

– И господина Вундербера мы рады видеть! Такое счастье, что с ним ничего не случилось, такое счастье!

– Это верно, – сердито буркнул седобородый гном, – если бы со мной что-нибудь случилось, то вам бы несдобровать!

– Ну-ну, – улыбнулся кисловатой улыбкой хитрюга Кракофакс, – обойдёмся без угроз, дорогой Вундербер! Мальчики решили нам помочь, так давайте займёмся делом.

– Что-то я не вижу никаких сундуков... – многозначительно проговорил Морс и поправил тяжёлый фолиант, который он держал под мышкой и который всё время норовил упасть на землю.

– Мы тоже хотим их увидеть, Морсик, – вздохнул сокрушённо Кракофакс, – но они находятся пока очень далеко – в горах Шатцберга!

– Туда нужно забросить нашего квартиранта, – кивнул головой на старикашку-гнома простодушный Тупсифокс, – а уж оттуда он пришлёт нам подарочек!

– Пришлю-пришлю, – поддакнул Вундербер и почему-то заскрипел зубами, – вам полсундука и пуппетролям полсундука...

Почуяв, что выгодное дельце может сорваться, пройдоха Кракофакс поспешил вмешаться в разговор:

– Не будем утруждать господина Вундербера пересылкой тяжестей! Пусть Морс, наш юный маг и чародей, перенесёт нас в Шатцберг вместе с моим другом... – Тут старый лис нежно похлопал ладошкой по руке сурового гнома. – И тогда мы сами доставим сундучок с обещанными камешками в Гнэльфбург.

– Идея хорошая, – похвалил Морс хитрюгу пуппетролля, – только смогу ли я всё это сделать? И вас в Шатцберг отправить, и назад вернуть... Задача сложная!

– Придётся вам её решить, – хмыкнул Вундербер, тряся сердито бородой, – иначе я сам обращу вас в камешки и побросаю в сундуки!

– Морсик шутит! – робко проблеял Крюшон. – Он постарается сделать так, чтобы вы все попали в ваш Шатцберг! Причём в прошлый век, а не в будущий!

Морс укоризненно покачал головой, стыдясь за трусишку приятеля, однако спорить больше не стал, а положил огромную книгу на землю возле гранитного постамента. Раскрыл её на той странице, где был изображён ветхий мостик, и спросил, обращаясь к гному:

– Куда желаете попасть, господин Ворчун? Сюда или в другое место?

– А разве у меня есть выбор? – удивился Вундербер. – Тогда лучше в другое место! Здесь владения Максигросса, нам не поздоровится, если мы попадём к нему в лапы!

– А это кто? – поднырнув под рукою дядюшки, вылез вперёд любопытный Тупсифокс. – Дикая зверюга или обычное чудовище?

– Ни то, ни другое. Просто глупый великан по имени Максигросс. Неотёсанная деревенщина! – Вундербер торопливо перелистнул страницу и радостно ткнул пальчиком в следующую иллюстрацию: – Вот куда нужно меня отправить! В пещерку Бергбильд!

Морс протянул было руки над открытой книгой, но вдруг отдёргнул их назад и проговорил:

– Пожалуй, я переберусь отсюда подальше. Если у меня всё получится, то этому памятнику несдобровать!

И он, взяв книгу снова под мышку, побрёл к оврагу. Нашёл там небольшой чистый пятачок земли и бережно положил драгоценный фолиант на примятую травку.

– Отойдите все в сторонку, мало ли что может произойти, – предупредил он на всякий случай Вундербера с Крюшоном и пуппетроллей и вновь простёр чуть подрагивающие от волнения ладони над открытой в нужном месте страницей.

И вдруг вновь отдёргнул руки от книги и повернулся лицом к ожидающей куда компании:

– Нет, такую скалу мне оживить не удастся... Я всё-таки не какой-нибудь чародей. И что мы с ней будем делать потом? Взрывать динамитом?

– Взрывать мою пещеру я никому не позволю! – взвизгнул испуганно Вундербер и топнул ножкой о землю. – Так и быть, возвращай меня на Чёртов Мост, да поживее! Хотя постой, я захвачу с собой факел, мне нужно освещать дорогу...

Гном на секунду отвернулся ото всех в сторонку, что-то прошептал чуть слышно, и в его руках вдруг появился пылающий ярко факел.

– Теперь можно отправляться в путь!

– Это верно, можно отправляться, – проговорил завистливый и ехидный Кракофакс, – наш дорогой друг будет нам освещать дорогу...

– Крюшон, тебе бы лучше отойти подальше, – посоветовал Морс приятелю, – кто знает, где мы окажемся через минуту...

Но трусишка толстячок только отчаянно замотал головой, отвергая столь заманчивое предложение, и остался торчать возле друга, опасаясь хоть на миг бросить его одного в беде.

– Ну, смотри, Крюш, потом меня не вини! – улыбнулся Морс своей обаятельной улыбкой и в третий раз простёр над открытой книгой руки.

Все, кто стоял рядом с Морсом, замерли и напряглись, вперяясь взорами в юного чародея, колдующего над книгой. Но, как они оказались на мосту, никто не заметил. И только спустя мгновение душераздирающий вопль Крюшона привёл всех в чувство.

– Получилось! Получилось! – закричал Кракофакс и козликом подпрыгнул на месте. Но второй раз старый пуппетроль подпрыгивать не стал: он тоже вслед за Крюшоном увидел подбегающего к Чёртову Мосту великана Максигросса и пулей бросился от него в противоположную сторону.

Глава шестнадцатая

Кракофакс, Тупсифокс, Вундербер, Крюшон и Морс мчались по раскачивающемуся над пропастью хилому мостику и с ужасом думали о том, что произойдёт, если это хлипкое сооружение рухнет, не выдержав их тяжести.

– Скорее! Скорее! – подгонял бегущего впереди него толстяка Крюшона сердитый гном Вундербер, норовя ткнуть беднягу в зад пылающим факелом. – Этот безмозглый Максигросс может встать на мост – тогда нам всем крышка!

Внезапно Тупсифокс споткнулся о какой-то крошечный выступ и чуть было не свалился в пропасть. Но в последний момент он умудрился зацепиться штаниной за сучок в краешке моста и повис над мрачной бездной вниз головой.

– Проклятье! – крикнул Кракофакс, однако остановился и вцепился обеими руками в ногу племянника. – Не бойся, балбес, я тебя держу!

– Отлично, дядя! Теперь тащи наверх! – радостно отозвался племянник.

– А вот этого я сделать не могу: ты слишком тяжёл!

По инерции Морс промчался мимо пуппетролей. Но, сообразив, что глупышка Тупсифокс попал в беду, он резко затормозил и повернул назад.

– Нашёл время заниматься гимнастикой! – сказал он мальчишке-пуппетролю, втаскивая его на мост. – Неужели ты не видишь, что Максигросс уже пробует крепость нашего виадукса?!

Кракофакс и Тупсифокс словно по команде повернули головы в сторону великана и – о ужас! – увидели, как тот действительно пытается встать на ветхое строение своими слоновьими ножками.

– Глупый! Мы же грохнемся! – крикнул ему Тупсифокс. – Ну и глупый! Не боится грохнуться в пропасть!

– Нашёл о чём думать в такую минуту! – рявкнул на племянника рассерженный Кракофакс и вновь припустился бежать к спасительной пещере.

Морс и Тупсифокс ринулись следом за ним, успевая, однако, несколько раз обернуться на бегу и посмотреть на ужасного Максигросса, всё ещё мучающегося в сомнениях, ступать или не ступать ему

на зыбкие качели. Наконец великана осенила гениальная идея, и он с радостным рыком ухватился правой лапшей за край моста и принялся раскачивать хилую постройку ещё сильнее.

Но Максигросс опоздал: пуппетролли и Морс были уже в безопасном месте, рядом с Крюшоном и Вундербером. Поняв, что добыча упорхнула прямо из его рук, великан совсем рассвирепел и в гневе обрушил мост в пропасть. Погрозил беглецам кулачищем и исчез за высокими скалами.

– А мы везунчики! – хихикнул Тупсифокс и радостно захлопал в ладошки. – И с моста не кувыркнулись, и Максигроссу в лапы не попали! Бери, дядюшка, побыстрее свой сундучок и пошли домой – пора ужинать!

– Да-да, спасибо, что напомнил! – отозвался Кракофакс и повернулся к хозяину пещеры. – Ну, дорогой Вундербер, пришло время расчёта!

– Вы хотите рассчитаться? – переспросил гном, и в его глазах вдруг вспыхнули багрово-красные огоньки. – Что ж, я не прочь! – Он посмотрел на гнэльфов и презрительно ухмыльнулся: – Я мог бы вас всех обратить в обыкновенные булыжники и побросать в пропасть... Но я этого не сделаю: вы всё-таки помогли мне вернуться домой. Выпутывайтесь теперь сами, а мне пора к моим детишкам и супруге, они, наверное, меня заждались!

– Подлый мошенник! – взвыл Кракофакс и бросился с кулаками к Вундерберу. – Отдай обещанные нам рубины и алмазы!

– Возьми, если сможешь, – спокойно ответил ему коварный гном и, топнув ногой о каменистую землю, мгновенно исчез вместе с ярко пылающим факелом.

– Неужто сквозь землю провалился? – прошептал удивлённо Тупсифокс. – Даже «до свидания» не сказал, вот невежа!

– Кажется, мы снова влипли, – сокрушённо произнёс Крюшон и тяжело вздохнул. – Я это предчувствовал, Морсик! – Он заглянул в тёмный лаз пещеры, потом посмотрел на мрачную пропасть, на дне которой покоились обломки Чёртова Моста, и неизвестно кого спросил:

– Ну, и что нам теперь делать?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

– Делать нечего, нужно думать, как нам вернуться в Гнэльфбург! – сказал Морс и, помолчав, добавил: – Главное – не унывать, уныние – самый великий грех!

Кракофакс, который и так весь дрожал от злости, совсем взбелевился, услышав нравоучения мальчишки-гнэльфа:

– И ты ещё смеешь нас поучать?! Ты, из-за кого мы все оказались в таком дурацком положении?! Да я на твоём бы месте сгорел от стыда, негодник!

– Разве это Морс придумал отправиться в Шатцберг вслед за обманщиком Вундербером? – удивился Крюшон. – По-моему, это ваша идея!

А Морс спокойно сказал:

– Я хотел вернуть нас домой с помощью моста и моего чудесного дара. Моста мы лишились, но мой дар остался – попробую его на этой скале!

Он вытянул руки вперёд и закрыл глаза. Все замерли, ожидая нового чуда. Но, увы, его не случилось. То ли у Морса не хватило силёнок превратить настоящую скалу в нарисованную, то ли удивительный дар не сработал почему-то в этих горах, но ничего волшебного не произошло. Наконец Морс весь выдохся и без сил повалился наземь.

– Не могу... – прошептал он пересохшими губами. – Не получается...

Тупсифокс наклонился над беднягой гнэльфом и, глядя ему с сочувствием в глаза, посоветовал:

– А ты отдохни! Потом ещё попробуешь. До ужина целый час – я потерплю!

Но Морс в ответ только слабо улыбнулся и отрицательно помотал головой. Крюшон, которому так не вовремя напомнили про ужин, слегка поёжился и неуверенно проговорил:

– Может быть, нам не стоит задерживаться в этом угрюмом месте? Скоро совсем стемнеет, а ночевать на краю пропасти – удовольствие не из приятных!

– Мы залезем в пещеру и там дождёмся рассвета, – тут же предложил Тупсифокс.

Но Крюшон отверг его незатейливую идею.

– Нет, – сказал он, поморщившись, – в пещерках, в которых живут Вундерберы, лучше не задерживаться, тем более на ночь... К тому же, насколько мне это известно, там нет ни кафе, ни даже сосисочных...

– Что же ты предлагаешь? – удивился юный пуппетроль. – Учти, мы с дядюшкой становимся такими вредными, когда хотим есть, что с нами лучше не связываться!

Морс поднялся на ноги. Вид его был более чем плачевный, но юный гнэльф старался держаться молодцом. Криво улыбнувшись товарищам по несчастью, он проговорил, кивая на пещерный лаз:

– Крюшончик прав: ночёвка в этой мышеловке – дело опасное. Но пройти сквозь пещеру нам придётся, другого пути нет. Кто хочет идти первым?

– Только не я! – быстро заявил Кракофакс. – Мой здравый смысл подсказывает мне этого не делать, а я всегда прислушиваюсь к его мнению!

– Он у тебя снова проснулся? – обрадовался Тупсифокс. – Что же ты молчал, дядюшка! Скорее спроси у него, как нам следует действовать дальше – и мы спасены!

Но Кракофакс в ответ только что-то сердито буркнул.

– Хорошо, первым пойду я сам, – принял решение Морс, – а Крюшон будет замыкающим.

– А мы с дядей в серединке? – уточнил Тупсифокс. – Как колбаски в бутербродике?

– Ну да! – улыбнулся Морс и шагнул в тёмный лаз пещеры. – Только постарайся не отставать от меня, колбаска, и тогда всё будет хорошо!

Глава вторая

Морс оказался прав, но только наполовину. Сначала действительно всё шло хорошо, однако потом начались неприятности. Когда путеше-

ственники миновали первую сотню мерхендьюймов, неизвестно откуда перед ними вдруг вынырнуло маленькое косматое существо в тёмно-коричневом костюмчике, потёртых сапожках и с кожаной шапочкой на голове. Увидев незваных гостей, оно тихо, но с явным удовольствием, произнесло: «Ага!» – и скрылось в гранитной стене пещеры так же легко, как нож скрывается в сливочном масле.

– Дядюшка, как переводится на пуппетрольский это «ага»? – дёрнул любопытный Тупсифокс Кракофакса за руку.

– Сейчас вам не поздоровится! – охотно перевёл старый пуппетроль и, на всякий случай, стал невидимым.

Тупсифокс, привыкший во всём брать пример с дяди, сделал то же самое.

Крюшон, заметив, что «колбаски» пропали вдруг из виду, решил поднажать. И чуть было не задавил несчастных коротышек, налетев на них, словно ледокол на льдину.

– Эй, бегемот! Нельзя ли поосторожнее?! – взвыл Кракофакс, прижимаясь торопливо к холодному своду пещеры. – Здесь тебе не городской стадион и не футбольное поле!

– Разве бегемоты играют в футбол? – искренне удивился Тупсифокс, ловко запрыгивая на плечи невидимки дядюшки. – Они барахтаются в реках и роются мордами в иле!

– Жаль, что здесь нет реки или ила... – проскрежетал зубами разъярённый Кракофакс и спихнул гимнаста-племянника на землю.

– Прекратите ссориться, лучше поспешите за мной! – донёсся до них приглушённый призыв Морса. Длинноногий гнэльф успел уйти за это время довольно далеко и теперь начал тревожиться за отставших спутников. – Учтите, здесь нужно держать ухо востро: пещера обитаема!

– Ты прав, пещера обитаема...

Морс резко нажал на тормоза и поднял голову: голос таинственного незнакомца раздался откуда-то из-под самого свода высокой пещеры. Приглядевшись получше, зоркий гнэльф различил в тёмном, почти чёрном граните очертания мужского лица, очень похожего на какой-то оживший барельеф.

«Скульптура, а разговаривает!» – изумлённо подумал Морс, однако быстро опомнился и вежливо поинтересовался у загадочного незнакомца:

– Добрый вечер! Простите, мы вас не побеспокоили?

Каменные губы слегка скривились в насмешливой улыбке и вновь скупно процедили:

– Не тревожься, малыш, мы любим принимать гостей...

– С кем это ты разговариваешь? – спросил, подходя к приятелю, запыхавшийся Крюшон. – Я никого не вижу!

– Я тоже! – пискнул Тупсифокс и дёрнул невидимку дядюшку за рукав: – А ты, дорогой дядя? Ты кого-нибудь видишь?

– Конечно, нет! Слава Богу, я ещё не ослеп! – буркнул сердито Кракофакс и ворчливо добавил, обращаясь к гнэльфам: – Что вы стоите как ослы на распутье? Проход свободен – нужно идти вперёд!

Морс молча ткнул указательным пальцем вверх, и все как по команде задрали головы и посмотрели на странное существо, выглядывающее из скалы.

– Добрый вечер, – улыбнулось существо, – теперь вы все в сборе?
– Ага! – машинально ответил Тупсифокс и сразу зажал себе рот ладошкой. Но роковое слово уже успело слететь с его уст и через мгновение достигло слуха таинственного незнакомца.

– Что предпочитаете на первое? – деловито поинтересовалось гранитное существо. – Обвал? Землетрясение? Или небольшой, но мощный потоп? Выбирайте, я подожду!

– А что нас ждёт на второе? – скорее из вежливости, чем из любопытства спросил его Морс, лихорадочно подыскивая вариант спасения.

– Полный покой! – ухмыльнулась каменная физиономия. – В этом можете не сомневаться!

– Значит, десерта не будет? – снова поинтересовался Морс. – Тогда извините, мы поужинаем в другом месте!

И он громко скомандовал своим друзьям:

– За мной! Не станем зря расходовать драгоценное время!

Не ожидая вторичного приглашения, Крюшон и пуппетролли ринулись сломя голову за длинноногим Морсом по извилистому, но довольно широкому пещерному коридору, стараясь как можно быстрее и дальше удрать от загадочного гранитного барельефа, желающего сыграть с ними злую шутку.

И это им удалось: их стремительный побег был таким неожиданным для гранитного существа, что оно только и смогло раскрыть в изумлении каменный щербатый рот. А когда чудовище опомнилось, то было уже поздно что-либо делать: пуппетролли и гнэльфы находились так далеко, что никакой обвал или потоп их не могли догнать и навеки замуровать в его пещере.

Глава третья

Когда тролль Маульвурф узнал о том, что таинственные незнакомцы живыми и невредимыми удрали от пещерного стража Бергбильда, он весь затрясся от злости и позеленел, как малахит.

– Эх ты, – сказал он гранитному чудовищу, выходя из стены и грозя ему грязным кулачком, – я так на тебя надеялся! Теперь эти бродяги повадятся шастать по нашей пещере взад-вперёд, туда-сюда, и тогда прощай, покой, прощай, размеренный образ жизни!

– Что поделаешь, дорогой Маульвурф, но эти маленькие пройдохи оказались такими шустрými! Но ничего, у нас с тобой ещё есть шанс отомстить им за мой позор... – Бергбильд выдержал небольшую паузу (он не привык к длинным речам) и продолжил: – Они вряд ли убежали далеко от пещеры – такой забег кого угодно изматает до смерти... Наверное, они расположились на ночлег где-нибудь неподалёку...

– Ты же знаешь, что я терпеть не могу покидать пещеру! – перебил его Маульвурф и сердито поморщился. – Нет уж, уволь, но я не помчусь за ними в погоню.

– А разве я предлагаю тебе лететь за ними, дорогой Вурфи? На это есть штейнтойфели – они мастаки на разные шутки и розыгрыши!

– И как это я сам не догадался! – воскликнул Маульвурф. – Конечно, мы поручим это дельце милым штейнтойфелям!

Маульвурф достал из глубокого кармана сюртука небольшой молоточек и трижды ударил им по гранитной стене пещеры.

– Фигли-и! Мигли-и! Дригли-и! – позвал он ласковым голоском тройку близнецов-штейнтойфелей. – Идите сюда, есть важный разговор!

– Мы здесь, дядюшка Маульвурф! – сказали Фигли и Мигли и выстроились в шеренгу перед грозным троллем.

– А где этот лоботряс Дригли? – спросил Маульвурф. – Только не вздумайте врать и его выгораживать!

– Да мы и не собираемся вас обманывать, – проговорил обиженно Фигли и шмыгнул носом, – просто наш братец Дригли объелся рубинов и теперь лежит на койке и стонет...

– А-а-а!.. А-а-а!.. Ой-ёй-ёй!.. – застонал вдруг Мигли жалобным голоском и схватился обеими лапками за тощий животик. При этом он сумел согнуться в три погибели и упереться для устойчивости затылком и рожками в каменный пол пещеры – а это не каждый сможет сделать, поверьте мне!

– Перестань паясничать! – рявкнул тролль Маульвурф на озорника штейнтойфеля и стукнул молоточком по узенькой попке, торчавшей в этот момент там, где должна была находиться его голова. – Если вы не исполните нашего с Бергбильдом поручения, вам несдобровать!

– Мы – сплошное внимание! – тут же торжественно заявил хитрюга Фигли и посмотрел на дядюшку тролля таким ангельским взглядом, что беднягу Маульвурфа чуть было не стошнило.

– Ну, хорошо-хорошо... – сказал он, борясь с дурнотой и желанием ударить молоточком и этого пройдоху Фигли. – Слушайте наше задание и живо ступайте его выполнять! Если сделаете всё как нужно, то я, так и быть, угощу вас компотом из очищенных алмазов и даже дам по кулёчку сапфирных орешков.

Маульвурф подождал, пока Мигли окончательно выпрямится и перестанет морщиться и тереть ушибленное место, и, подойдя к чертенятам поближе, зашептал как настоящий заговорщик:

– А теперь слушайте меня очень внимательно и ничего не перепутайте. Так вот...

Глава четвёртая

Гранитный монстр Бергбильд не ошибся: гнэльфы и пуппетролли, едва миновав длинный пещерный коридор и вылетев из него как пробки из бутылок, вскоре заметно сбавили свою прыть, а через какое-то время и вовсе рухнули наземь как подкошенные.

– Мы уцелели, а это главное! – сказал Морс. – Сейчас отдохнём и двинемся дальше, где-то нам нужно найти ночлег... Хотя я мог бы заночевать и здесь, прямо под звёздными небесами! – добавил он и перевернулся со спины на живот.

– Ну уж нет! – проворчал Крюшон. – Оставаться здесь может только сумасшедший! Мы обязательно все тут погибнем!

– Наши страхи уже позади, – напомнил Морс, – они в пещере.

– Я имел в виду не чудовищ, – поморщился недовольно Крюшон, – мы погибнем от голода. Ты посмотри вокруг, Морсик, нигде не видно ничего съестного!

Морс приподнялся на локте:

– Вон там я вижу высокий холм, а на нём какую-то постройку. Кажется, это замок. Если мы пересечём эту долину, на одном краю которой мы сейчас находимся, то окажемся рядом с ним. Вы хотите ночевать в замке? Можем отправиться туда прямо сейчас!

Крюшон и пуппетролли тут же принялись горячо спорить между собой, доказывая друг другу все прелести и недостатки ночлега в чужом замке, которого, может быть, и нет на далёком холме. Они даже чуть было не подрались из-за этого (Кракофакс и Тупсифокс, а не добродушный Крюшон), но в самый разгар спора глазастый Морс вдруг приподнял руку и тихо сказал:

– А ну-ка, уймись, ребятки... Кажется, сюда кто-то идёт...

Кракофакс тут же выпустил брыкающегося племянника и посмотрел в ту сторону, куда глядел этот дылда гнэльф. И сразу же увидел двух юных малюток, бредущих прямо к ним по бескрайней долине. «Наверное, это нищие бродяжки, – догадался прозорливый пуппетролл и досадливо поморщился, вспомнив о незаконченной трёпке, которую он собирался устроить племяннику, – сейчас возьмутся канючить и выпрашивать у нас денег или еды... Но они ничего от нас не получат: такого добра у нас и у самих нет!» И он по привычке ехидно усмехнулся, слегка разбавив свою усмешку крошечной толикой искренней грусти и печали.

Глава пятая

– Какое счастье! – воскликнули милые малютки, когда приблизились к отдыхающим на травке пуппетроллям и гнэльфам. – Наконец-то нам попалась хоть одна живая душа!

– И даже не одна, а целых четыре! – поправил их Тупсифокс, который умел хорошо считать до десяти, а иногда и до пятнадцати.

– Да-да, целых четыре! – радостно закивали головами юные пилигримы и поспешили представиться странной компании:

– Меня зовут Фигли! – слегка поклонился пуппетроллям и гнэльфам курчавый смугленький мальчик.

– А меня Мигли! – произнёс его спутник и поправил на белокурой головке небольшую шапочку, которая была сшита явно не по его размерам.

Оба юных пилигрима были наряжены в костюмы придворных пажей, и это придавало им ещё большую схожесть, хотя цвет волос у них разительно отличался.

– Морс, – назвал себя длинноногий юноша-гнэльф, – а это Крюшон, Кракофакс и Тупсифокс. Куда бредёте, ребятки? Если это, конечно, не секрет!

– Не секрет, – охотно ответил Фигли, – мы идём к своей двоюродной тётушке баронессе фон Штильтойфель. Мы – бедные сиротки и воспитываемся у дядюшки Маульwurфа...

– Не будем говорить о дяде, – перебил его Мигли, – поговорим о тётушке. А ещё лучше – о себе. Итак, в двух словах: мы заблудились! – И он, широко взмахнув руками, ударил ими по своим тощим ножкам, обтянутым розовыми чулками.

– Дядюшка Маульвурф, – вспомнил вновь о незабвенном родственнике упрямый Фигли, – велел нам идти всё время на восток. Но солнце скрылось за Чёрной Горой, и мы заблудились! Долина такая широкая, и хоть бы один на ней был указатель!

– Восток там, где буква «В», – с важным видом произнёс Тупсифокс и, задрвав повыше рукав клоунской курточки, показал всем свой роскошный компас.

– Сначала установи правильно стрелку, тупица! – фыркнул Кракофакс. – Где у тебя болтается синяя? Где красная?

– Синяя греется на юге, – совсем не обиделся на дядю добродушный племянник и медленно повернул компас так, чтобы кончик синей стрелки переполз от буквы «Ю» к букве «С». – Теперь всё правильно! – доложил он через секунду. – Север там, а восток там – от севера направо!

И Тупсифокс, желая развеять все сомнения у окружающих, резко взмахнул правой рукой и заехал в ухо ехидному пуппетролли.

– Прости, дядя, но ты зря уселся рядом со мной с восточной стороны...

Гася невольную улыбку, Морс торопливо проговорил, обращаясь к Фигли и Мигли:

– Домик вашей тётушки находится случайно не на том холме? Вон там, вдали я вижу высокую гору, а на ней какие-то строения.

– Ну да! – обрадовался Фигли. – Замок тётушки Штильтойфель – он возведён на Лысом Холме!

– Скоро совсем стемнеет, – посетовал молчавший всё это время Крюшон, – идти через долину вдвоём, наверное, очень страшно?

– Здесь оставаться страшнее, – «успокоил» доброго толстячка хитрюга Фигли. И, склонившись поближе к уху лежащего на траве Крюшона, прошептал замогильным голосом: – Говорят, по ночам в этих местах бродят ужасные призраки! Они вылезают из пещер и охотятся на бедных путников! И горе тому, кто попадёт в их кровожадные лапы!

– Разве лапы бывают кровожадными? – не поверил ему Тупсифокс. – Лапы бывают грязными, волосатыми, когтистыми... Но – кровожадными?!

– Признаться честно, я сам не знаю, какие лапы у этих призраков, – слегка смутился Фигли, и его маленькие глазки забегали из стороны в сторону. – Но у вас есть возможность это проверить: впереди целая ночь!

– Нет-нет, – испугался Крюшон, – мы проводим вас к вашей тётушке, даже если нам придётся прошагать без остановки часа два или три! Ты со мною согласен, Морсик? – И он с надеждой посмотрел на своего закадычного друга.

– Пожалуйста, Крюш, я не возражаю. А что скажут в ответ на это пуппетролли?

– Мы тоже пойдём! – поспешил согласиться Кракофакс, которому не очень хотелось оставаться по соседству со страшной пещерой. И он, потеряв ушибленное племянником ухо, первым зашагал в сторону таинственного Лысого Холма, на котором стоял замок не менее таинственной баронессы Штильтойфель.

Глава шестая

Двоюродная тётушка бедных сироток оказалась на редкость милой старушкой. Увидев на крыльце своих племянников, она даже прослезилась от счастья.

– Как давно я не видела вас, чертенята! – сказала баронесса, обнимая по очереди запыхлённых братьев-близнецов. – Мы чуть было не умерли здесь все от скуки, пока вы пропадали у этого ворчуна Маульвурфа! Кстати, как он поживает, старая перечница?

– Хорошо поживает, но мог бы и лучше, – ответил ей Фигли и, лукаво подмигнув болтливой тётке правым глазом, левым глазом повёл в сторону своих спутников. – Познакомься: это наши новые знакомые, они помогли нам найти твой замок.

– Вы заблудились! – всплеснула руками догадливая старушка и бросилась целовать и спасённых, и спасителей в лоб. – В Долине Призраков немало несчастных нашло своё последнее успокоение. Их кости...

Она не договорила, потому что юркий Тупсифокс, до которого наконец-то дошла очередь за поцелуем и которого баронесса схватила за бока костлявыми старческими пальцами, чтобы поднять повыше, вдруг взбрыкнул ногами и, громко взвизгнув от щекотки, вырвался из рук фрау Штильтойфель и брякнулся на мраморную ступеньку.

– Кажется, ещё один бедный путник обрёл здесь свой последний приют! – печально вздохнул ехидный Мигли. – Ты жив, Тупси? Ответь, нам нужно знать, какими слезами мы должны тебя оплакать: слезами радости или несказанной грусти?

– Обойдёмся без слёз... – прошептал Тупсифокс, оживая и поднимаясь на ноги. – Я не жив и не мёртв: так – серединка наполовинку...

Фрау Штильтойфель вспыхнула от смущения и, желая как-нибудь загладить свою вину, всё-таки наградила мальчишку-пуппетролля горячим и продолжительным поцелуем (не поленившись на этот раз нагнуться к нему пониже):

– Бедняжка! И как это ты вырвался из моих рук? Наверное, старею, раньше это никому не удавалось сделать!

Поняв, что тётушка может ляпнуть что-нибудь лишнее, хитренький Фигли прервал её душевные излияния и требовательным голосом избалованного любимчика произнёс:

– Ну, хватит, тётя! Мы устали и проголодались! Веди нас, пожалуйста, в дом и хорошенько накорми!

– Конечно-конечно, – опомнилась фрау Штильтойфель, – проходите в гостиную, а я сейчас прикажу слугам всё приготовить.

И она, захлопнув скрипучую дверь, помчалась куда-то в глубь обширного холла, скользя в потёртых тапочках по паркетному полу, словно на коньках по ровному льду.

Фигли и Мигли, которые бывали здесь уже не раз и не два, с видом настоящих хозяев замка повели пуппетроллей и гнэльфов в гостиную. Усадив их в глубокие мягкие кресла, они перемигнулись между собой и, торопливо бросив гостям: «Мы сейчас!», – ускакали к своей тётушке.

А вскоре в гостиную вплыла пожилая полная женщина с узкими раскосыми глазами и, поклонившись незваным визитёрам, сказала:

– Добрый вечер, господа! Меня зовут Нам Вам Им. Я ваша служанка. Прошу идти за мной, я покажу вам ваши комнаты.

И она снова выплыла из гостиной, шурша красивым шёлковым халатом, усеянным вышитыми золотом драконами и гигантскими змеями. Морс, Крюшон, Кракофакс и Тупсифокс послушно затрусили следом за ней, дивясь её странному, совсем не гнэльфскому и не пуппетрольскому имени.

«Наверное, она иностранка, – догадался сообразительный Морс, – приехала сюда заработать немного денег...»

Но Нам Вам Им, которая уже поднималась по лестнице на второй этаж, вдруг остановилась и, повернувшись лицом к гостям, сказала, устремив пронзительный взгляд на гнэльфа:

– Нет, я не иностранка. Мои родители прожили здесь всю свою жизнь и здесь похоронены. Впрочем, как и я сама...

И она вновь тихо зацокала по мраморным ступенькам деревянными сандалиями.

«А вот и иностранка! – подумал снова Морс и мысленно показал пожилой женщине язык. Он догадался, что она умеет читать мысли, и теперь ему важно было доказать ей, что это его нисколько не удивляет и не страшит. – Разве так говорят: «Впрочем, как и я сама»? Что – сама? Здесь похоронена или прожила свою жизнь?»

Не получив ответа на «немой» вопрос, юный гнэльф немного успокоился. А когда вошёл в комнату, которую отвели для него и Крюшона, то и вовсе позабыл о странном происшествии. Но ненадолго – всего до полуночи...

Глава седьмая

Не все, наверное, знают, что наесться на ночь вредно. А ведь врачи правы: обильный ужин до добра не доводит. Вам могут присниться кошмары, и к утру вы проснётесь с больной головой (если вообще проснётесь).

Гнэльфам и пуппетролям была известна эта немудрёная истина, но разве можно удержаться от соблазна и не перепробовать все кушанья, которые подала на стол заботливая Нам Вам Им и её помощники Грог и Пунш? Конечно, нет! За два часа весёлого застолья наши друзья так набили свои животы, что беднягу Крюшона пришлось вынимать из кресла под руки – так он раздался вширь и отяжелел.

– Мальчики будут паиньки, сейчас отправятся баиньки! – пропела фрау Штильтойфель, когда заметила, что глаза её гостей начали потихоньку моргать и слипаться.

Она дала знак верным слугам, и Грог вместе с Пуншем выволокли толстячка из-за стола и потащил его в отведённую гнэльфам спальню.

Морс готов был поклясться, что слуги баронессы не столько идут по мраморному полу, сколько парят над ним, еле-еле касаясь подошвами чёрных ботинок ровной поверхности. Но он не придал своему наблюдению особого значения, потому что и сам чертовски хотел спать. «Померещится же всякое!» – подумал он и без посторонней помощи поднялся из-за стола.

– Спасибо за ужин, – поклонился Морс хозяйке, – пора и на боковую!

– Спокойной ночи, юноша, – вежливо ответила ему хозяйка замка, чем вызвала оглушительный смех у своих племянников.

– Цыц, Фигли! Цыц, Мигли! – прикрикнула она на юных весельчаков и погрозила им скрюченным указательным пальцем.

Фигли тут же в ответ скорчил послушную ангельскую рожицу, а Мигли, посмотрев на брата, разразился вторым приступом хохота. Пытаясь сдержаться, он зажал себе рот обеими руками, но смех помимо его воли старался вырваться наружу и сотрясал всё его тщедушное тельце. В конце концов от этих дёрганий и тряски с головы озорника слетела шапочка, обнажив чуть повыше лба два крошечных бугорка, очень похожих одновременно и на крупные шишки, и на пробивающиеся чертенычи рожки. Мигли мгновенно перестал смеяться и, торопливо вынув шапочку из блюда с овощным салатом, вновь водрузил её на белокурую головку.

«Э-ге-ге... – подумал Кракофакс, нервно вертя в руках серебряный ножик для фруктов и не зная, куда его положить – то ли на стол, то ли себе в карман, – а наши славные пажи совсем не пажи...»

– У мальчиков каникулы, – ни с того ни с сего сказала вдруг Нам Вам Им, обращаясь прямо к старому пуппетроллю и не очень вежливо выдёргивая у него из рук дорогой ножик, – кончатся каникулы – снова поедут на службу пажам.

– К кому? – растерянно спросил Кракофакс и, чтобы чем-то занять свои дрожащие ручки, взял со стола серебряную вилочку.

– К герцогине Гюрзельде, – охотно ответила баронесса, – моей дальней родственнице.

– Она – Повелительница Змей! – гордо сообщил пуппетроллям Фигли и, взяв со стола из своей тарелки длинную лапшинку, бросил её в задремавшего Тупсифокса.

– Ай! Ай-яй-яй! – заорал перепуганный мальчишка-пуппетроль, подскакивая на десяти подложенных ему под зад диванных подушках и тщетно пытаясь отцепить обвившую горло скользкую холодную змейку. – Сейчас она меня ужалит! Помогите же кто-нибудь!..

– Моя лапша ещё никого не кусала, – спокойно проговорила Нам Вам Им и брезгливо взялась двумя пальчиками за извивающийся кончик лапшинки. Стянула с шеи посиневшего Тупсика шипящую ленточку и бросила её мусорное ведро.

– Фигли, немедленно прекрати свои гипнотические фокусы! – ударила баронесса ладошкой по столу. – Ты запугал наших милых гостей, а у них впереди ещё целая ночь! Дай им расслабиться и отдохнуть, ступай сейчас же с братцем Мигли в свою комнату – и живо ложитесь в постели!

– И не забудьте почистить зубы и вымыть руки, – напомнила заботливая служанка и погрозила пальцем пройдохе Мигли: – Да-да, Мигли, заодно помойте и свои грязные копытца!

Штейнтофели тяжело вздохнули, вылезли из-за стола и побрели на второй этаж, в свою комнату.

– Спокойной ночи, озорники! – бросила им вслед по привычке баронесса.

Братья-близнецы, услышав эти слова, громко прыснули от смеха и, не касаясь, как Грог и Пунш, ногами скользких ступенек, помчались вверх по мраморной лестнице.

Глава восьмая

Еще сидя в гостиной за столом, Кракофакс понял, что попал в ловушку. Но сразу удрать из замка не посмел: слишком много вокруг него и племянника вертелось слуг и родственников приветливой старушки-баронессы. «Сбегу чуть позже, – подумал он, бросая искоса взгляды на долговязых Грога и Пунша, чем-то неуловимо напоминавших ему быстроногих псов-доберманов. – Ляжем с Тупсиком спать, а через час или два под покровом ночи удерём – дело привычное!»

– Ночь сегодня будет звёздная, ясная, – вдруг ни с того ни с сего произнесла Нам Вам Им и посмотрела с усмешкой на седовласого пуппетролля. – В такую ночь вся долина как на ладони!

«Чёрт возьми, кажется, эта красотка умеет читать мысли!» – испугался Кракофакс и усилием воли заставил себя думать о рецептах яблочных пирогов. Когда он добрался до яблочных кнедликов, то немного успокоился и с трудом выдавил из побледневших уст пожелание:

– Благодарю госпожу хозяйку за прекрасный ужин! Всё было великолепно! А теперь поставьте нас, пожалуйста, с племянником на пол: нам обоим пора спать!

Баронесса кивнула головой, и Нам Вам Им сгребла пуппетролля в охапку.

– Не дёргайтесь, господа, – сказала она с ласковой усмешкой, – я сама отнесу вас в вашу комнату!

– Разве мы маленькие? – удивился Тупсифокс. – Мой дядюшка очень даже большой!

– Действительно, бросьте эти ваши штучки! – возмутился покрасневший слегка Кракофакс и сделал попытку вырваться из цепких рук чересчур заботливой служанки. Но та не обратила на его барахтание никакого внимания, а только покрепче прижала пуппетролля к мягкому, как пуховая подушка, животу и понесла «дорогих гостей» в их комнату.

– Спокойной ночи! – послала им вслед воздушный поцелуй баронесса фон Штильтоффель и, проводив взглядом славную тройцу, прямо в кресле полетела в свою уютную спальню.

Глава девятая

Едва шаги служанки затихли за дверью в коридоре, пуппетролля Кракофакс подскочил к племяннику и, схватив его за плечи, горячо зашептал в оттопыренное, как рупор, ухо:

– Сегодня спать не придётся. Мы попали в замок к настоящей ведьме, и задерживаться здесь – непростительная роскошь!

– Значит, снова бежать?! – ужаснулся Тупсифокс. – Но, дядюшка, мы же с тобой так сильно устали!

– Когда тебе грозит смертельная опасность, про усталость уже не думаешь, – вздохнул Кракофакс, однако присел на ворсистый коврик и с наслаждением вытянул гудящие ноги. – Через четверть часа мы должны покинуть этот гостеприимный дом. Иначе... Иначе мы останемся в нём навсегда!

– Нужно предупредить Крюшона и Морса, – сказал Тупсифокс и направился было к двери, – гнэльфы наверняка ничего не знают...

Но дядюшка повелительным жестом правой руки остановил племянника:

– Не делай этого, Тупси. Наши приятели сами во всём виноваты.

– Но это же предательство! – возмутился Тупсифокс, и его щёки порозовели от гнева. – Крюшончик очень обидится, когда узнает, что мы его бросили!

– Вряд ли он успеет обидеться... – пробурчал себе под нос коварный пуппетроль. – Ну, Тупси, нам пора: время не ждёт.

Кракофакс подошёл к кровати и сдёрнул с подушки наволочку.

– Так не хочется уходить отсюда с пустыми руками! В замке полно всякого добра – грех не взять что-нибудь на память!

– Вы учите меня воровству и предательству, предательству и воровству! – взмахнул сокрушённо руками Тупсифокс и забежал по комнате, мучительно раздумывая, какой ему сделать выбор: последовать за дядюшкой или броситься к простодушным гнэльфам. В конце концов родственные чувства победили, и маленький пуппетроль со вздохом произнёс:

– Что ж, дядя, идёмте... Только учтите: нас обоих потом будет грызть совесть!

– Придётся потерпеть! – ухмыльнулся Кракофакс и, кинул в наволочку небрежным жестом первую добычу – серебряный подсвечник, тихонько приоткрыл дверь и нырнул в пустынный коридор. – Здесь никого нет, следуй за мной!

В соседней комнате пуппетролли обнаружили туалетный столик со множеством маленьких ящичков. Богатый житейский опыт подсказал Кракофаксу, что в них наверняка хранятся всевозможные дамские безделушки. Вручив племяннику наволочку, старый мошенник вскарабкался на высокий пуфик и принялся выдвигать один за другим многочисленные ящички. Но не успел Кракофакс опустошить и первый десяток ящичков, как вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Обернувшись, он с ужасом увидел за своей спиной и спиной Тупсифокса огромного пса-добермана с галстуком-бабочкой на мускулистой шее.

– Грог?... – пролепетал воришка-пуппетроль и глупо улыбнулся, тщетно стараясь запихнуть обратно в ящик туалетного столика рубиновое ожерелье. – Вы не спите? Какое совпадение – мы тоже!

– Грог спит, я – Пунш, – отрывисто прогавкал старый слуга баронессы, – но если хотите, я его разбуджу...

– Пожалуй, не стоит, – кисло улыбнулся Кракофакс, – мы с племянником тоже сейчас ложимся...

– Грог пожелает вам спокойной ночи!

– Он нам её уже желал! – вспомнил Тупсифокс, начиная слегка оживать после небольшого паралича. – Когда он принёс в нашу комнату свечку, он сказал: «Спокойной ночи, шельмы!»

– Теперь вы находитесь в другой комнате – ситуация изменилась. – Доберман потянул было зубами наволочку с награбленными вещами, но тут же её выпустил и вежливо спросил: – Вам, наверное, нужна помощь? Тащить такую тяжесть не очень легко?

– Нет-нет, мы привыкли обходиться своими силами! – поспешил заверить заботливого слугу-хитрюгу Кракофакс.

И, посмотрев на племянника, скомандовал:

– Делай как я!

Через миг, став невидимым, старый пуппетроллер метнулся к открытому окну. Бросив награбленную добычу, Тупсифокс повторил манёвр дядюшки и оказался на подоконнике.

– Чёрт возьми, ну и высота! – услышал он голос дяди-невидимки. – Придётся ползти по карнизу в другую комнату!

Пуппетролли перебрались на широкий кирпичный карниз и на четвереньках двинулись на поиски более безопасного места. Пунш хотел последовать за ними, но едва он вскочил на подоконник и взглянул вниз, как сразу же передумал совершать немислимое безумство и торопливо спрыгнул обратно в комнату.

«Никуда они не денутся: не в мои, так в другие лапы попадутся!» – мудро рассудил верный страж баронессы фон Штильтойфель и поспешил к приоткрытой двери.

Пунш не ошибся: пуппетролли, с риском для жизни преодолев расстояние в десять мерхендьюмов, ввалились в комнату Нам Вам Им. Самой служанки в ней не было, хотя на кровати лежал её чудесный шёлковый халат с драконами и змеями.

«Наверное, принимает ванну перед сном, – подумал Кракофакс и едва заметно ухмыльнулся, – что ж, не будем даме мешать...» Он быстро окинул жилище оценивающим взглядом и, не найдя в нём ничего стоящего внимания, схватил халат и начал его торопливо свёртывать.

– Дядюшка, это не наш размер! – возмутился Тупсифокс бессмысленной алчности старого пуппетролля. – Зачем он тебе?! Лучше подумай, как нам отсюда выбраться!

– Когда мы окажемся на свободе, нам потребуются деньги. Тогда продадим халат и что-нибудь выручим! Понятно?

– Понятно... – уныло протянул Тупсифокс и нехотя взялся за край шуршащего свёртка.

Но не успели пуппетролли дотащить свою новую добычу до дверей, как вдруг халат вырвался из их цепких рук и начал скакать по комнате, пытаясь развязаться и развернуться во всю свою ширь. Несколько секунд маленькие воришки стояли объятые столбняком и только смотрели на замысловатые пируэты и кульбиты сошедшего с ума халата. Но когда из его рукавов поползли золотистые змеи, а из-под полы показалась настоящая голова дракона, они с визгом сорвались с места и заметались по комнате как угорелые.

Попытки открыть тяжёлую дверь не увенчались успехом: с другой стороны её подпирали зловредный Пунш. Вскочить на окно им тоже не удалось: окно вдруг куда-то исчезло, а вместо него и всей стены появились дремучие заросли тропического леса. Буйная растительность заполнила пространство комнаты так быстро, что вскоре несчастные пуппетролли оказались в самых настоящих джунглях, битком набитых шипящими змеями, порывающимися драконами и прочей кусачей нечистью. Единственное, что ещё спасло бедняжек от неминуемой гибели, так это их невидимая оболочка. Но сколько времени может длиться такое везение? Какой-нибудь миг...

– Прыгай на лианы, а с них – в гущу леса! – скомандовал Кракофакс племяннику, когда раздвоенный язык златоглавого дракона нежно лизнул его невидимую щёчку.

И, не дожидаясь вопросов Тупсифокса и новых лобзаний дракона, он первым сиганул на свисающую с пальмы лиану. Ухватившись за неё обеими руками, старый пуппетроль подтянулся и уселся на широкую травянистую ленту верхом. Слегка отдышался и прыгнул с лианы в густые заросли древесного папоротника и каких-то удивительных растений, похожих на гигантские вьюны, фиалки и маргаритки. Следом за ним, с отставанием в одну-две секунды, такой же прыжок совершил Тупсифокс.

Полёт с лианы в травяные заросли оказался почему-то затяжным. Пуппетролли летели, кувыркаясь в воздухе, и всё никак не могли приземлиться. «Неужели мы падаем в пропасть?! – успел подумать Кракофакс. – Но я не хочу – у меня совсем другие планы!» Тупсифокс исполнял сложные акробатические кульбиты без особых размышлений и только изредка удивлялся тому факту, что он всё ещё жив.

Наконец длительное падение прекратилось, и пуппетролли плюхнулись в какой-то водоём. Всплыв на поверхность, они осмотрелись по сторонам и с радостью отметили для себя, что барахтаются в обычном бассейне, всего в двух шагах от замка баронессы.

– Всё-таки сегодня счастливый день, дядюшка! – весело воскликнул Тупсифокс, напяливая на голову мокрый клоунский колпак. – Нам с вами давно так сказочно не везло, не правда ли?

– Смотри не сглазь! – буркнул Кракофакс и медленно поплыл к краю бассейна.

Выбравшись с трудом наверх, пуппетролли скатились на землю и быстро-быстро засемили прочь от страшного замка и его обителей.

Глава десятая

Крюшон и Морс оказались не такими проницательными, как хитрый пуппетроль Кракофакс. Не успели они толком отдохнуть и выспаться, как были разбужены настойчивыми толчками в бока и спины.

– Эй вы, жалкие лентяи и дармоеды! – услышали они сквозь сон сердитые женские голоса. – Немедленно вставайте и готовьтесь в дальнюю дорогу!

Гнэльфы с трудом разомкнули веки и с изумлением уставились на баронессу и её служанку, которые стояли возле их кроватей и по очереди отпускали им увесистые тумачи. За спинами сердитых женщин вертелись юркие штейнтойфели и весело ухмылялись, глядя на эту картину.

– Простите, но сейчас ещё, наверное, полночь! – попробовал разузнать госпожу Штильтойфель рассудительный Крюшон.

Но своими словами он только ещё сильнее развеселил штейнтойфелей и рассердил баронессу и её верную служанку.

– Вот именно – полночь! – рявкнула Нам Вам Им. – До рассвета осталось всего несколько часов! А вы, негодники и лоботрясы, должны за это время доскакать до нашей милой Гюрзельды и вернуться обратно! Так что хватит нежиться в постелях, живо вставайте и – в путь!

Морс и Крюшон, потирая ладошками глаза, нехотя поднялись с кровати и стали одеваться.

– Куда мы должны скакать? Зачем? – поинтересовался Морс, проклиная в душе хозяйку замка за её странные капризы. – У нас и лошадей-то нет!

– А они вам и не понадобятся, – улынулась старенькая баронесса и вынула из кармана платя небольшую серебряную плётку. – К Гюрзельде поскачут мои племянники, – она кивнула на Фигли и Мигли, – а вы послужите им верными скакунами!

С этими словами она грациозным жестом коснулась плёткой спины Крюшона и спины Морса.

– Не нужно нас хлестать, это просто оскорбительно! – возмутился самолюбивый толстяк и взбрыкнул ножкой.

И это были его последние слова, произнесённые им в эту страшную и удивительную ночь. Не прошло и одного мгновения, как Крюшон стоял уже на мягком коврикe, упираясь четырьмя копытцами в его глубокий ворс, нервно подёргивая длинными серыми ушами и помахивая тощим хвостиком с маленькой кисточкой на конце. Рядом с ним, перебирая кривыми ножками, стоял другой, менее упитанный ослик и ошалело косился умными чёрными глазками на всю удивительную компанию, набившуюся в их небольшую комнату.

– Чур, я поеду на Кругляше! – сказал Фигли и взгромоздился на широкую спину Крюшона. – А ты, Мигли, садись на Дылдика.

– Нет, это ты садись на Дылдика, а я поскачу на Кругляше! – спохватился зазевавшийся штейнтойфель. – Мне тоже не хочется трястись на костлявом осле, хитрюга ты этакий!

Но оседлавший Крюшона ловкач Фигли и не подумал уступить брату Мигли.

– В другой раз не будешь зевать! – сказал он насмешливо и прищипнул своего скакуна острыми каблучками. – А теперь садись и – марш за мной!

– Да-да, Мигли, поторапливайся, – поддакнула шустрому племяннику старая баронесса и, чтобы хоть как-то утешить беднягу, вручила ему волшебную плётку. – Спрячь её подальше, Мигли. Если вдруг ваши ослики начнут расколдовываться, хлестни их слегка по бокам. Только смотри, она не должна попасть в чужие руки!

– Не попадёт! – самонадеянно заявил Мигли и ловко вскочил на спину Морсу. – Ну, серый, трогай!

Несмотря на двойное упрямство – гнэльфское и ослиное, Крюшон и Морс подчинились приказу штейнтойфелей. Перебирая копытцами, они нехотя поплелись из комнаты в коридор, а оттуда по мраморной лестнице вниз в широкой вестибюль к парадной двери. «Лишь бы выбраться на волю, – думали они оба, – а уж там...» Что будет «там», они пока не знали. Но им очень хотелось верить, что на свободе им улыбнётся счастье. Что поделать, они оба были отъявленными оптимистами!

Глава одиннадцатая

Первое время Крюшону казалось всё происходящее с ним и его другом Морсом кошмарным сном. Но попробуйте долго не просы-

пать, если вас то и дело пихает в бока острыми и жёсткими каблучками настоящий чертёнок, визгливо покрикивая: «А ну, пошёл, жирный лентяй!.. А ну, живее, ленивый боров!..» При этом он изо всей силы дёргает вас за поводья и хлопает ладошкой по вашему крупу. Поневоле проснётесь и начнёте думать о превратностях судьбы и бездарно пропавшей жизни!

Несколько раз Крюшон и Морс пробовали сбросить нахальных всадников, но все их попытки закончились неудачами: штейнтойфели сидели на ослиных спинах как заядлые мустангеры, и ехидный Морс в сердцах переименовал их в «ослингеров». Объявить забастовку тоже не удалось: едва наши серенькие скакуны замедлили свой бег по пересечённой местности, норовя хоть на миг остановиться, как бессердечные чертенята принялись нещадно их пришпоривать и колотить по спинам и загривкам своими жёсткими каменными кулачками, свирепо приговаривая: «А ну, марш галопом, длинноухие бездельники! Только попробуйте сбавить скорость – пожалеете, что на свет родились!» А чтобы у них не было никаких сомнений на этот счёт, Мигли достал из-за пазухи серебряную плётку и показал её строптивным ослам:

– Видали эту штуку, красавчики? Если будете взбрыкивать и плестись как дохлые мухи, я угощу ею вас обоих. А может быть, кто-то хочет отведать моей плётки прямо сейчас?

– Ни-а, ни-а! – вскрикнул испуганно Крюшон и ещё быстрее засеменил по горной дорожке, едва различимой в ночном полумраке.

И только потом, когда он немного успокоился, бедный толстячок осознал, что впервые в жизни добровольно отказался от угощения. А это было, пожалуй, самое страшное, что могло случиться в его жизни.

Скакать два часа на спине упрямых ослов без остановок – занятие очень утомительное даже для штейнтойфелей. Правда, первый час ослиных скачек проходит довольно быстро: свежие ощущения и новые впечатления отвлекают от кучи неудобств, которых оказывается не так уж мало в этом виде спорта. Но когда начинается отсчёт второму часу марафонских гонок, все прелести верховой езды на ослах становятся весьма заметными. Пышущий здоровьем всадник вдруг начинает чувствовать себя калекой, ему приходит в голову вздорная мысль, что без посторонней помощи он уже никогда не сможет ступить на бrenную землю, а если и ступит, то не сделает по ней ни единого шага.

К счастью для чертенят, а ещё больше к счастью для несчастных гнэльфов, им по дороге попался наконец-то постоянный двор. Мучимые жаждой гонцы баронессы фон Штильтойфель подъехали к воротам и трижды дёрнули за верёвочку, свисающую через дырку в калитке.

– Кто там? – раздался вскоре хриплый и не очень приветливый голос. – Кого принесло в такую рань?

Калитка отворилась – и в тёмном проёме показалась сгорбленная фигура бородатого мужчины.

– Дайте нам воды, мы умираем от жажды, – попросил Фигли, едва разжимая пересохшие губы.

– Платите два гнэльфдинга и пейте сколько влезет, – ответил хозяин постоянного двора и покосился на симпатичного упитанного ослика Крюшона. – Могу и животину вашу напоить, если пожелаете...

– Им вредно пить, им ещё скакать и скакать, – махнул рукой Мигли и, пошарив у себя по карманам, обратился к брату: – У тебя есть деньги? Я, кажется, свои потерял.

– И у меня нет, – признался Фигли. И тут же нахраписто потребовал у бородатого незнакомца: – Несите воду бесплатно, да поживее! Надеюсь, вы не разоритесь!

Мужчина посмотрел на тощего нахального мальчишку в костюме пажа, потом на его двойника и после небольшого раздумья нехотя пробасил:

– Ну, хорошо, я сейчас...

И он ушёл в дом. А спустя две-три минуты снова вернулся с глиняным кувшином, полным прохладной родниковой влаги.

– Ну, кто первый?

– Я первый! Я! – крикнул Фигли, пытаясь распрямить согнутые колесом ножки и встать в полный рост. – Я первый водички попросил! Я!

– Зато он первым с ослика прыгнул и ко мне подбежал! – ответил ему бородатый незнакомец и передал кувшин Мигли. – Пей, малыш, только смотри не подавись!

«Бульк-бульк-бульк!..» – раздались в ночной тиши мелодичные звуки. Маленькая пауза – и тональность их слегка изменилась: «Буль-буль-буль!..»

Когда короткая музыкальная пьеска была исполнена, а пустой кувшин вернулся к своему хозяину, чертенята вновь поплелись к ослам. Но едва они сделали по два-три шага, как вдруг повалились на травку возле калитки и громко захрапели.

– Спокойной ночи, ребята! – усмехнулся бородач. – В следующий раз не станете грубить старшим!

И, рассмеявшись, он вдруг исчез, пропал вместе со своим постоянным двором и всеми строениями.

Глава двенадцатая

Крюшон и Морс недолго пребывали в растерянности. Столкнуться нос к носу с настоящим чудом им было уже не в новинку.

– Иа-иа? – спросил Крюшон, посмотрев на друга.

«Как что мы будем делать? – удивился Морс. – Разумеется, будем спасать свои шкуры!»

Однако вслух ничего не сказал и нагнулся над калачиком по имени Мигли. Порылся мордочкой в его одежде и вытащил серебряную плётку.

– Иа-иа? – повторил Крюшон, что в переводе на гнэльфский уже означало нечто другое: «Ты хочешь попробовать расколдоваться? Ну что ж, это идея...»

Морс подошёл к приятелю и, мотнув резко головой, хлестнул его по боку волшебной плёткой. Крюшон вздрогнул и... превратился в светлогривого пони.

– Иа, – буркнул Морс сквозь зубы, стараясь не выпустить из них волшебную плёточку, – иа! Не станем опускать ноги при первой неудаче!

Морс снова подскочил к Крюшону и снова хлестнул его по левому боку серебристым кнутиком.

«Ну вот, – подумал через секунду осёл-волшебник, – теперь совсем другое дело!»

И он радостно ткнулся мокрым носом в толстый живот расколдованного мальчишки-гнэльфа.

Несколько мгновений Крюшон стоял в оцепенении, не в силах поверить в свалившееся на него счастье. Но когда он потрогал свои маленькие ушки и убедился, что с ослиными они теперь не имеют ничего общего, славный толстячок обнял серенького дружка и расцеловал его в лоб и щёки.

– Морс, ты настоящий чародей! – произнёс Крюшон, душа в объятьях худенького ослика. – Я никогда не забуду того, что ты сделал! Без тебя я наверняка бы пропал!

– Иа... – прохрипел, вырываясь из крепких тисков, длинноухий чародей и волшебник. – Иа-иа...

Морс положил на землю серебряную плётку и показал Крюшону на неё копытом.

– Иа-иа, – повторил он, – иа!

– Ну да, Морсик, ну да! – хлопнул себя по лбу ладошкой толстенький гнэльф. – Сейчас я, конечно, тебя расколдую!

Он схватил волшебную плётку и от всей души хлестнул приятеля по тощему заду. Ослик нервно переступил с копыта на копыто и... превратился в долговязового верблюда с двумя горбами. «Ого, – испугался Крюшон, – я, кажется, перестарался!» И он снова хлестнул несчастного дружка серебристым кнутиком, но уже не так сильно, как в первый раз. Верблюд вздрогнул, мотнул головой и... принял образ лохматого пегого пса.

– Что-то у меня не получается... – прошептал Крюшон. – Точнее, получается, но не то, что нужно...

– Гав! – гавкнул вдруг требовательно пёсик и ударил лапой по волшебной плётке. – Гав-гав!

Третья попытка расколдовать Морса оказалась более удачной. Пёс исчез, а на его месте появился сияющий белозубой улыбкой дружок Крюшона. Правда, он был почему-то совершенно босой, однако такая досадная мелочь уже не могла испортить радостного настроения мальчишек-гнэльфов.

– Ну вот, – сказал Морс, обнимая Крюшона, – я говорил тебе: не опускай руки! Как видишь, всё получилось, и мы с тобой расколдованы! Нам здорово сегодня повезло, приятель!

– Да, можно сказать и так, – вздохнул Крюшон. – Куча превращений, гонки по горам и долинам с ездом на спине – в какой ещё день может выпасть такое везение?!

(Продолжение следует)

Татьяна Пелех. «Сказочный лев»

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Саратов-Медиа».
Директор – Владислав Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Елизавета Данилова.
Работы художницы Татьяны Пелех.
Дизайн и вёрстка – Лилия Баранова.
Корректор – Елена Березина.

Подписано в печать 20 июня 2014 года.

Дата выхода в свет 30 июня 2014 года.

Журнал отпечатан в типографии ГАУ СМИ СО «Саратов-Медиа».

Адрес типографии: 410031, г. Саратов, ул. Волжская, 28.

Заказ № ГЗ/2006/01.

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410005, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Волжская, 28.

Тел. (факс): (845-2) 28-63-49.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Электронная версия журнала: www.saratov-media.ru/add2/php

Сайт: www.saratov-media.ru

Подписной индекс 14320

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж 1020 экз.

© ГАУ СМИ СО «Саратов-Медиа», 2014.

© «Волга–XXI век», 2014.